

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ПЕРМСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Голушин Иван
ДИМИНУТИВ КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОТИВНОСТИ
В РУССКОМ И СЕРБСКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА
М. ШИШКИНА «ПИСЬМОВНИК» И ЕГО ПЕРЕВОДА
НА СЕРБСКИЙ ЯЗЫК)

Специальность 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
Нестерова Наталья Михайловна,
д-р филол. наук, проф.

Пермь
2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. ЭМОТИВНОСТЬ КАК ЯЗЫКОВАЯ КАТЕГОРИЯ И СРЕДСТВА ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ	13
1.1. Психологические и философские аспекты проблемы эмоций.....	13
1.1.1. Эмоции как объект философских и психологических исследований	13
1.1.2. Эмоции как объект лингвистических исследований.....	20
1.2. Эмотиология: наука о связи языка и эмоций	23
1.2.1. Эмоции как предмет изучения эмотиологии	23
1.2.2. Понятия «эмотивность» и «эмотив» в эмотиологии	27
1.2.3. Эмотивность VS эмоциональность	31
1.2.4. Эмотивность VS экспрессивность	34
1.2.5. Эмотивность VS оценочность	38
1.3. Языковые средства выражения эмотивности.....	40
1.3.1. Проблема репрезентации эмоций в языке и речи.....	40
1.3.2. Лексические средства выражения эмотивности.....	42
1.3.3. Грамматические средства выражения эмотивности	50
Выводы.....	55
ГЛАВА 2. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОТИВНОСТИ В РУССКОМ И СЕРБСКОМ ЯЗЫКАХ.....	59
2.1. Русский и сербский языки: генетическое родство	59
2.1.1. История становления и развития русского и сербского языков ...	59

2.1.2. Русский и сербский языки: сходство и различие языковых систем	68
2.2. Словообразование в русском и сербском языках	74
2.2.1. Основные способы словообразования в русском и сербском языках	74
2.2.2. Аффиксация как наиболее продуктивный способ словообразования в русском и сербском языках	79
2.2.3. Словообразовательные процессы в современных русском и сербском языках	82
2.3. Словообразовательные формы выражения эмотивности в русском и сербском языках	86
2.3.1. Аффиксы как носители эмотивного значения в русском и сербском языках	86
2.3.2. Мелиоративные значения: аффиксальные способы их выражения в русском и сербском языках	88
2.3.3. Пейоративность и способы ее выражения в русском и сербском языках	90
2.3.4. Универбация как средство эмотивизации языковых единиц	94
2.3.5. Эмотивный потенциал грамматических форм разных частей речи	98
Выводы	101
ГЛАВА 3. ДИМИНУТИВЫ КАК НОСИТЕЛИ ЭМОТИВНОГО ЗНАЧЕНИЯ	103
3.1. Диминутивные формы в русском и сербском языках и их эмотивность	103
3.1.1. Диминутив и компоненты его значения	103
3.1.2. История изучения категории уменьшительности в российской лингвистике	106
3.1.3. Категория диминутивности в современной лингвистике	109
3.1.4. Диминутив как микропереводаема	115

3.1.5. Особенности употребления диминутивов в славянских языках	118
3.1.6. Диминутивы в русском и сербском языках	121
3.2. Диминутивные формы в романе М. Шишкина «Письмовник»	130
3.2.1. «Письмовник» М. Шишкина как псевдо-эпистолярный роман	130
3.2.2. Диминутивные формы в русском тексте	137
3.2.3. Неэкспрессивные («размерные») диминутивы	138
3.2.4. Экспрессивные диминутивы	143
3.2.5. Стертые диминутивы	149
3.3. Отражение русских диминутивных форм в сербском переводе	153
3.3.1. Способы перевода русских диминутивных форм на сербский язык	153
3.3.2. Полное совпадение русских и сербских диминутивных суффиксов (полный перевод)	154
3.3.3. Функциональная замена (частичный перевод)	157
3.3.4. Утрата диминутивных суффиксов (нулевой перевод)	160
3.3.5. Добавление диминутивных суффиксов (компенсированный перевод)	164
3.3.6. Комментарии к переводу диминутивных форм романа «Письмовник» на сербский язык	169
Выводы	172
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	175
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	181

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационная работа посвящена исследованию диминутива в русском и сербском языках как способа выражения эмотивности. В течение последних двух-трех десятилетий интерес лингвистов к эмоциональной сфере человека все более возрастает. Сегодня уже можно говорить о сформировавшейся лингвистической теории эмоций, основоположником которой в российской науке считается В.И. Шаховский, подчеркивающий, что большой интерес к эмоциям возник благодаря антропоцентрическому подходу к языку. На данный момент уже никто не оспаривает, что существует эмоциональная коммуникация и эмотивные речевые акты.

Эмоции в настоящее время являются объектом изучения многих наук, таких как психология, нейрофизиология, биология, философия, социология, психолингвистика и лингвистика. Это и позволило В.И. Шаховскому утверждать, что «эмоции сегодня в моде» [Шаховский, 2008, с. 5]. В лингвистических исследованиях, прежде всего, изучаются языковые средства выражения эмотивности на разных уровнях: фонетическом (выявлены особенности эмоциональной интонации, мелодики), лексическом (исследуются эмотивные словообразовательные средства, состав эмотивных слов), синтаксическом (исследуются типы предложения, отражающие эмотивность высказывания), а также активно исследуются стилистические средства, служащие для передачи эмотивности.

Повышенный интерес к проблеме взаимосвязи языка и эмоций находит отражение в проведении многочисленных международных конференций по изучению эмоций, а также в растущем объеме публикаций – диссертаций, монографий, статей. В частности, как отмечает В.И. Шаховский, в 1987 г. на XIV Международном конгрессе лингвистов в Берлине проблема «Язык и эмоции» была названа среди пяти самых приоритетных направлений современных лингвистических исследований. Этот факт побудил многих

российских и зарубежных лингвистов перенести проблемы языкового выражения эмоций в центр исследовательской тематики.

Таким образом, актуальность эмотиологических исследований очевидна. *Актуальность* данной работы, обращенной к проблеме изучения диминутивов в русском и сербском языках как словообразовательного средства выражения эмотивности, определяется востребованностью проведения сопоставительных межъязыковых исследований эмотивности, что связано не только с расширением межкультурной коммуникации, в которой эмоциональная составляющая играет очень важную роль. Нужно также отметить высокую степень эмотивности современных СМИ, оказывающих большое внимание на общественное сознание. Среди огромного репертуара языковых средств выражения эмоций особое место занимают словообразовательные единицы, которые, как и другие единицы языка, участвуют в процессе репрезентации эмоций и характеризуются ярко выраженной национальной спецификой.

Степень разработанности темы. В последние десятилетия большое внимание стало уделяться изучению лингвистики эмоций, начало которой было положено исследованиями В. И. Шаховского. В частности, была исследована эмотивность лексических единиц (В.И. Шаховский, Л.Г. Бабенко, С.В. Ионова, Б. Тошович, С. Ристич и др.), рассмотрены эмотивы как единицы перевода (В.И. Шаховский). Очень активно исследуются и диминутивные суффиксы (И.В. Фуфаева, И. Клайн, П. Пипер, Д. Йованович и др.), что связано со значительным ростом их словообразовательной активности особенно в русском языке. Однако, на наш взгляд, в рамках контрастивной этимологии недостаточно исследован сопоставительный (межъязыковой и кросскультурный) аспект диминутивных форм как носителей эмотивного значения. В частности, очень мало имеется сопоставительных работ на материале славянских языков, в том числе русского и сербского. Данным исследованием мы пытаемся внести определенный вклад в русско-сербскую контрастивную эмотиологию.

Научная новизна диссертационного исследования непосредственно связана с тем, что в нем впервые проводится контрастивное исследование диминутивов в русском и сербском языках с точки зрения их эмотивности, выявляются формальное соответствие диминутивов и их семантико-дискурсивное различие, что находит отражение в русско-сербском переводе. Кроме этого, при рассмотрении и классификации диминутивов в русском и сербском языках нами был предложен и использован термин «стертые диминутивы» (по аналогии с термином «стертая» метафора). Данный термин был использован для обозначения форм, исторически являвшихся уменьшительными, но утративших данное значение в современном русском и сербском языках.

Объектом исследования в настоящей диссертации является категория эмотивности и словообразовательные средства ее реализации.

Предметом исследования выступают диминутивы как носители эмотивного значения в русском и сербском языках.

Целью диссертационного исследования является сопоставительный анализ русских и сербских диминутивных форм, реализующих в тексте категорию эмотивности в русском и сербском языках на материале русскоязычного романа «Письмовник» Михаила Шишкина и его сербского перевода, выполненного Любинкой Милинчич.

Поставленная в работе цель предусматривает решение следующих **задач**:

- 1) рассмотреть языковой статус категории эмотивности;
- 2) систематизировать суффиксальные средства выражения эмотивности в русском и сербском языках;
- 3) рассмотреть имеющиеся подходы к определению диминутивов в русском и сербском языках;
- 4) сопоставить диминутивы в русском и сербском языках с точки зрения их формы и семантики, которые в ходе исторического развития претерпевали изменения, в результате чего появились и такие формы, которые можно назвать «стертыми» диминутивами;

5) определить особенности и способы перевода диминутивов с русского на сербский язык;

б) выявить и проанализировать дискурсивные различия в употреблении диминутивов в русской и сербской лингвокультурах, отражающиеся в русско-сербском переводе.

Теоретическую и методологическую базу диссертации составляют труды российских и зарубежных исследователей в области лингвистики эмоций и когнитивной лингвистики, эмотивной лексики и эмотивности текста, а также труды, посвященные коммуникативно-прагматическим аспектам речи (работы В.И. Шаховского, Л.Г. Бабенко, Р. Драгичевич, Н.Д. Арутюновой, Е.Ю. Мягковой, Б. Тошовича, С.В. Ионовой, С. Ристич, Г.Г. Матвеевой, Т.А. Петровой, В.А. Масловой); труды, связанные с разделением коннотативного и денотативного компонентов лексико-семантического значения (работы Ю.Д. Апресяна, И.В. Арнольд, Н.Д. Арутюновой, В.Г. Гака, И.А. Стернина и др.); труды по вопросам переводоведения (работы Н.М. Нестеровой, В.Н. Комиссарова, Л.С. Бархударова, А.Д. Швейцера, Я.М. Рецкера и др.); труды, посвященные рассмотрению диминутивности как способа выражения малого размера и субъективной оценки в суффиксальной системе (работы В.В. Виноградова, В.Н. Телия, И.В. Червенковой, Л.А. Новиковой, Я.Х. Акиля, Э.С. Травушкиной, А.А. Буряковской, И.В. Фуфаевой, Н.В. Свешниковой, П. Пипера, И. Клайна, Ж. Станойчича, Л. Поповича, С. Стевановича, Е. Матияшевич, В. Йовановича и др.).

Материалом диссертационного исследования являются роман Михаила Шишкина «Письмовник» (2010) и его перевод на сербский язык, выполненный Любинкой Миличич в 2012 г. Выбор художественного текста и его перевода в качестве материала для сопоставительного (контрастивного) исследования обусловлен тем, что, по словам Э. Косериу, «контрастивная лингвистика на уровне языковой нормы, которая исследует фактическое употребление функциональных единиц, охватывает именно ту сферу, в которой протекает процесс перевода, и совпадает с ней» [Косериу, Цит. по: Швейцер 1988, с. 10].

В контрастивных исследованиях принято использовать метод сравнения конкретных речевых произведений на разных языках, т. е. оригиналов и переводов, поскольку в них можно наблюдать конкретные аспекты употребления языковых единиц одного уровня.

В ходе исследования были выделены 1284 русские диминутивные формы и их сербские соответствия, которые стали фактическим материалом исследования. В ходе анализа этого материала в работе применялись различные **научные методы**: *deskриптивный метод*, позволяющий определить статус тех или иных диминутивных единиц в структуре языка; *статистический метод*, устанавливающий частоту использования тех или иных уменьшительно-ласкательных суффиксов в художественном тексте; *сопоставительный метод*, используемый для выявления национально-культурных особенностей функционирования диминутивных суффиксов в русском и сербском языках; *метод контекстуального анализа*, способствующий изучению языковых форм и их значений в словарях и определенном контексте. Также был проведен *дискурсивный анализ*, позволивший выявить различия в употреблении диминутивов в русской и сербской лингвокультурах, отражающиеся в русско-сербском переводе.

В основу проведенного исследования положена следующая **гипотеза**: несмотря на то что русский и сербский языки являются родственными и имеют аналогичные словообразовательные системы с близкими по форме и семантике аффиксальными средствами, в процессе перевода с русского языка на сербский не все диминутивные формы исходного текста находят формальные и функциональные соответствия в тексте перевода, что объясняется, на наш взгляд, традицией употребления данных форм в русской и сербской лингвокультурах.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Эмотивность является базовым понятием лингвистики эмоций и представляет собой имманентно присущее языку свойство выражать системой

своих средств эмоциональность как факт психики. При этом средства выражения эмоциональности характеризуются национально-культурной спецификой.

2. В процессе вербализации эмоций принимают участие все уровни языка. Оба рассматриваемых языка (русский и сербский) характеризуются разветвленной системой словообразовательных средств, в частности, диминутивных суффиксов, обладающих ярко выраженным эмотивным значением и способствующих выражению чувств говорящего и его отношения к предмету высказывания.

3. С точки зрения перевода, диминутивные аффиксы можно считать единицами перевода, а именно микропереводами, в которые заложены эмотивные смыслы. Даже в родственных русском и сербском языках наблюдаются особенности в семантике и употреблении диминутивов, в связи с чем взаимозаменяемость уменьшительно-ласкательных суффиксов не всегда оказывается возможной.

4. При переводе с русского на сербский язык в большинстве случаев русские диминутивные суффиксы, играющие важную роль в создании эмотивного потенциала произведения, не имеют формальных и семантически точных соответствий в сербском варианте.

5. Дискурсивные различия в употреблении диминутивных форм ведут к различию эмотивности текстов оригинала и перевода, точнее к снижению эмотивности в сербском тексте перевода.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что в работе был проведен сопоставительный анализ диминутивных форм в родственных языках, а именно в русском и сербском, в результате которого были выявлены формальные соответствия уменьшительно-ласкательных суффиксов и вместе с тем отмечены их дискурсивные различия. В диссертации предлагается подробная классификация русских диминутивных форм, выявленных в романе М. Шишкина «Письмовник», по параметрам «экспрессивность/размерность». В

особую группу вынесены так называемые «стертые» диминутивы, приобретающие эмотивность только в определенном контексте. Значимость работы видится и в том, что диминутивные суффиксы были рассмотрены как единицы перевода, а именно как микропереводемы, по определению В.И. Шаховского.

Практическая ценность результатов исследования заключается в возможности их использования в курсах по стилистике, теоретической грамматике, в спецкурсах по лингвистике текста, анализу художественного текста, для разработки курса сравнительной эмотиологии на материале родственных языков, при обучении русскому и сербскому языкам как иностранным.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы, включающего 190 источников на русском и 32 источника на сербском языках.

Апробация работы. Основные положения диссертации прошли апробацию на конференциях различного уровня и тематики (12 докладов): Международная конференция «Индустрия перевода» (г. Пермь, 2016, 2017 и 2018 гг.), Международная конференция «Новое и традиционное в переводоведении и преподавании русского языка как иностранного» (г. Баня-Лука, Босния и Герцеговина, 2017, 2021 гг.), Международная конференция «Взаимодействие языков и культур» (г. Череповец, 2017 г.), Международная конференция «Межкультурная – Интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода» (г. Уфа, 2015 и 2016 гг.), Международный семинар «Дискурс. Интерпретация. Перевод» (Кашкинские чтения, г. Воронеж, 2017 г.), «Славянские языки в условиях современных вызовов» (г. Томск, 2019), «VII Международная научная конференция «Проблемы теории, практики и дидактики перевода» (г. Нижний Новгород, 2019), «X Международная научно-практическая конференция «Лингвокультурные аспекты глобализационных процессов» (г. Москва, 2018).

Базовые положения исследования представлены в 9 публикациях автора, в том числе в 4 статьях, опубликованных в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук: «Диминутив как носитель эмотивного значения: проблема перевода» (ВАК), «Специфика перевода с родственных языков (на примере русско-сербского перевода)» (ВАК), «Диминутив как микропереводема (на материале романа М. Шишкина «Письмовник» и его перевода на сербский язык)» (ВАК), «Словообразовательные средства выражения эмотивности в сербском языке» (ВАК), «К вопросу о способах перевода русских диминутивов на близкородственные языки (на примере перевода с русского на сербский язык)», «О способах перевода русских диминутивов на сербский язык (на примере романа М. Шишкина «Письмовник»)», «К вопросу о статусе фразеологизированных предложно-падежных конструкций и их эквивалентности в двух близкородственных языках», «Еще раз к вопросу о переводе диминутивов с русского языка на сербский», «Диминутивные формы в русском и сербском языках: проблемы перевода».

ГЛАВА 1. ЭМОТИВНОСТЬ КАК ЯЗЫКОВАЯ КАТЕГОРИЯ И СРЕДСТВА ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ

1.1. Психологические и философские аспекты проблемы эмоций

1.1.1. Эмоции как объект философских и психологических исследований

Проблема эмоций является одной из наиболее актуальных для современной науки. Внимание ученых от человека разумного, мыслящего (*homo sapiens*) постепенно переходит к человеку чувствующему, ощущающему (*homo sentiens*). Именно чувство, по словам немецкого философа и теоретика романтизма Ф. Шлегеля, является центром внутренней жизни, точкой, «из которой исходит философия и к которой она постоянно вновь стремится» [Шлегель, 1983, с. 377]. Слова Ф. Шлегеля согласуются с мнением современных исследователей. Так, Л.Г. Бабенко пишет: «Эмоции пронизывают жизнь человека, сопутствуют любой его деятельности, они – важнейшая сторона человеческого существования. Без эмоций немислим ни сам человек, ни его деятельность» [Бабенко, 1989, с. 134].

На сегодняшний день к изучению эмоциональной сферы человека обращаются представители различных областей научного знания: психологии, физиологии, биологии, философии, лингвистики, социологии и т.д. Связано это с тем, что эмоции являются наиболее телесным и в то же время самым субъективно-интимным психическим процессом. В их функционировании принимают участие разные системы и уровни организма, как физико-химические, так и психические. Каждая научная дисциплина, обращаясь к проблеме эмоций, затрагивает свои аспекты, по-разному освещая данную область бытия человека. В результате в науке создано множество теорий эмоций и представлены различные подходы к определению данного понятия.

Несмотря на то что многие употребляют слово «эмоция», абсолютно не задумываясь о его значении, сам термин с трудом поддается определению. Аналогичная ситуация возникает, когда человека просят дать определение понятию времени. Как говорил средневековый философ Августин Аврелий, пока «меня не спрашивают о том, что такое время, то я знаю – что, но как объяснить вопрошающему – не знаю» [Августин, 1969, с. 588]. Так и толкования эмоций могут быть либо слишком широкими, либо, наоборот, слишком узкими. Многочисленные определения, представленные в психологических, философских, психиатрических, социологических и других энциклопедиях, словарях и справочниках, можно разделить на несколько групп, каждая из которых отражает свой подход к рассмотрению проблемы эмоций.

Так, прежде всего, можно обозначить линию, идущую от Ч. Дарвина и его работы «Выражение эмоций у человека и животных» (1872). Данная теория эмоций получила название эволюционной. Согласно ей, эмоции человека появились в результате эволюции как жизненно необходимые механизмы приспособления и выживания. Иначе говоря, эмоции человека есть не что иное, как побочные явления физиологических и нейрофизиологических процессов.

В концепциях, которые можно отнести к данной группе, происходит абсолютизация физиологического начала в происхождении и возникновении эмоциональных переживаний, что находит непосредственное проявление в определениях понятия «эмоции». Так, к примеру, в «Философском энциклопедическом словаре» (1983) эмоции трактуются как «субъективные реакции человека и животных на воздействие внутренних и внешних раздражителей, проявляющиеся в виде удовольствия или неудовольствия, радости, страха и т.д.» [Философский энциклопедический словарь, 1983, с. 795].

Аналогичное определение дается в «Большом энциклопедическом словаре»: «Эмоции – реакции человека и животных на воздействие внутренних и внешних раздражителей, имеющие ярко выраженную субъективную окраску и охватывающие все виды чувствительности и переживаний» [БЭС, 2002].

Близкие суждения содержатся в так называемой психоорганической линии исследования эмоций, представленной в концепциях Джемса – Ланге и Кеннона – Барда, а также в активационной теории Линдсея – Хебба. В частности, в работах Д. Хебба эмоциональные проявления понимаются как изменение уровня активности нервной системы в ответ на действие какого-либо раздражителя. Согласно взглядам У. Джемса и Г. Ланге, человеческие эмоции связаны с двигательной активностью, как произвольной (двигательное перевозбуждение, различные движения, действия), так и непроизвольной (сокращение и расширение кровеносных сосудов, сердечная деятельность, работа внутренних органов и т.п.). С точки зрения данных ученых, именно действие, движение является определяющим началом для изменения эмоционального состояния человека. Иначе говоря, человек плачет не потому, что ему грустно или печально, а наоборот, ему печально и грустно, потому что он плачет. Мимика вызывает у человека определенное настроение; изменение выражения лица способствует возникновению соответствующего переживания.

Следующая, достаточно обширная, группа теорий рассматривает эмоции как выражение потребностно-мотивационной сферы. Данная точка зрения представлена в трудах российских и зарубежных ученых, таких как Г.М. Бреслав, В.К. Вилюнас, И.А. Васильев, А.Н. Леонтьев, Г.Х. Шингаров, Р.У. Липер и др. В данном случае непосредственными причинами эмоций оказываются не внутренние или внешние раздражители, а потребности человека, что также отражается в предлагаемых определениях.

В частности, в «Новой философской энциклопедии» (2010) под эмоциями понимается «класс психических состояний и процессов, выражающих в форме непосредственного пристрастного переживания значение отражаемых предметов и ситуаций *для удовлетворения потребностей живого существа*» (курсив наш. – И.Г.) [Новая философская энциклопедия, 2010, с. 736].

Близкое определение представлено в «Большом психологическом словаре» (2003): эмоции – «особый класс психических процессов и состояний

(человека и животных), связанных с *инстинктами, потребностями, мотивами...*» [Большой психологический словарь, 2003, с. 829].

Сторонники данной концепции исходят из того, что человек на протяжении жизни сталкивается с различными трудностями, переживает всевозможные ситуации, в результате чего испытывает непосредственные переживания (радость, печаль, страх, гнев, стыд и т.д.). Приобретая жизненный опыт, человек начинает осознавать, что поступки и действия влекут за собой определенные эмоции – положительные либо отрицательные. Исходя из актуальных для него эмоциональных потребностей, человек организует свою жизнедеятельность, в связи с чем эмоции становятся одним из важнейших механизмов регулирования внутренней (психологической) и внешней (социальной) действительности.

Согласно потребностно-мотивационным концепциям источником эмоций и чувств является соответствие или несоответствие ожидаемого и действительного, т.е. соотнесенность потребностей и целей личности с предметами и явлениями реального мира. При удовлетворении потребностей у человека возникают многообразные положительные эмоции и чувства (радость, удовольствие и пр.), и наоборот, неудовлетворение потребностей вызывает отрицательные эмоции и чувства (неудовольствие, печаль и пр.). По словам Е. Ильина, предметы и явления окружающего мира, не связанные с целями человека и удовлетворением его потребностей, не вызывают у него эмоционального отношения, являются безразличными для него [Ильин, 2001, с. 102].

Некоторые исследователи отмечают, что при понимании эмоций как выражения потребностей человека может происходить излишняя биологизация данного понятия [Попов, 2001, с. 92]. Так, к примеру, в биологической теории П.К. Анохина утверждается, что возникновение положительных или отрицательных эмоций связано с активизацией нервного субстрата эмоций в момент обнаружения соответствия или несоответствия ожидаемых и реально полученных результатов поведения или действия.

Важным аспектом потребностно-мотивационных теорий является представление об аксиологической функции эмоций. Испытывая различные переживания от удовлетворения или неудовлетворения своих потребностей, человек определяет значимость действующих на него факторов. Эмоции трактуются как психические процессы и состояния, отражающие «непосредственную субъективную оценку и переживание отношения к различным объектам, явлениям и ситуациям (предметные эмоции) или к жизнедеятельности в целом (беспредметные эмоции)» [Леонтьев, 2017, с. 371].

В.К. Вилюнас, посвятивший психологии эмоций многие работы, называет эмоциональные переживания субъективной формой существования потребностей [Вилюнас, 1976, с. 15], а автор мотивационной теории Р.Ю. Липер считает эмоции основными мотивами человеческой деятельности [Липер, 1984]. Данные ученые утвердили важность эмоциональной сферы человека, описали ее индивидуальные особенности и отдельные эмоциональные состояния, направили науку к изучению тонкой психической организации человека, обозначили различие между познавательными и эмоциональными процессами, поскольку психологическое начало обладает субъективностью и пристрастием в отличие от начала рационального.

Связь мыслительной и эмоциональной сферы не вызывает сомнения, однако природа их соотношения гораздо сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Не случайно в истории философии и психологии были представлены разные точки зрения на данную проблему. С одной стороны, ученые рассматривали эмоции как нечто низшее по сравнению с разумом, то, над чем сознание человека должно взять верх и что необходимо тщательно контролировать. Эмоции понимались как род «неясного познания» или «неотчетливых представлений». Так, в частности, античные философы рассматривали эмоции как особый вид познания. Аналогичные взгляды были представлены и в философии Нового времени, в том числе в трудах Дж. Локка и Г. Лейбница. К примеру, Дж. Локк считал, что причиной положительных

эмоций (радость, счастье и т.п.) являются мысли о достигнутом благе, а отрицательных эмоций (грусть, печаль и т.п.) – размышления о потерях.

Отдельное сочинение проблеме эмоций посвятил французский философ-экзистенциалист Ж.-П. Сартр. По мнению Сартра, эмоции представляют собой истинное явление сознания, его особый способ существования и понимания мира, внезапное падение «сознания в магическое» [Сартр, 1984]. Попадая в трудные или безысходные состояния, сознание понимает, что принятие объекта невозможно или невыносимо трудно, в результате чего оно преобразует себя, чтобы преобразовать и объект. Это и есть эмоция: «В эмоции сознание деградирует и внезапно преобразует мир причинных связей, в котором мы живем, в магический мир» [Сартр, 1984].

Проблема соотношения познавательной и эмоциональной сферы находит свое развитие и в трудах Л. Фестингера. Теория когнитивного диссонанса, разработанная в середине XX в., исходит из представления о том, что человеческий организм всегда стремится к внутренней гармонии, которая основана на соразмерности мыслей, знаний, ценностей, т.е. на согласованности внутри познавательной (когнитивной) сферы. Если данная согласованность нарушена, человек испытывает состояние дискомфорта, неудовлетворенности, его эмоциональный фон можно определить как отрицательный. Имея подобный негативный опыт, человек стремится избегать ситуаций, приводящих к диссонансу, или, при его наличии, нивелировать его, достигая состояния консонанса.

К ряду когнитивистских теорий можно отнести так называемую «информационную» гипотезу П.В. Симонова, согласно которой эмоции зависят от соотношения имеющейся информации (информационного запаса организма) и информации, предположительно необходимой для выживания или приспособления. Отрицательный характер эмоций свидетельствует о недостаточности информации, в случае ее накопления или прироста могут возникнуть положительные эмоции. К примеру, эмоции страха возникают у человека при отсутствии необходимых для защиты сведений, когда ситуация

воспринимается как потенциально опасная. Если уровень имеющейся (наличной) информации соответствует требуемой, то эмоции не возникают, все реакции происходят автоматически [Симонов, 1964].

Однако в философии и психологии представлена и противоположная тенденция, согласно которой эмоции являются самостоятельным психическим явлением. Представители данной точки зрения признают существование особой способности чувствования, нередко автономной по отношению к рациональной сфере. В частности, большое внимание эмоциям уделяется в трудах И. Канта. По мнению философа, эмоциональные переживания нельзя отождествлять с процессом познания, поскольку они представляют собой особое субъективное начало, которое может быть следствием познавательной деятельности человека, но не является ею.

В российской психологии и философии существует традиция, рассматривающая эмоции как особый феномен переживания. В частности, идеи о существовании отдельного мира субъективных переживаний высказываются в работах российского и литовского психолога В.К. Вилюнаса. По мысли ученого, субъективное переживание является особой субстанцией, неким носителем мыслей, идей и психических образов. Чтобы стать достоянием человека, вся информация, получаемая извне, должна быть перекодирована «из конвенционального внешнего во внутренний, живой носитель» [Вилюнас, 2006, с. 371]. Об этом же писал советский психолог и философ С.Л. Рубинштейн, отмечая, что переживание первично, «как кусок собственной жизни индивида в плоти и крови его, специфическое проявление его индивидуальной жизни» [Рубинштейн, 1989, с. 13]. Согласно данной концепции, эмоции являются осознанным или неосознанным феноменом глубинного переживания, его непосредственным проявлением. Эмоции всегда присутствуют у человека, даже если он кажется спокойным или апатичным. В любой ситуации они наличествуют и продуцируют психический опыт индивида, что свидетельствует об их универсальной роли в жизни человека.

1.1.2. Эмоции как объект лингвистических исследований

На сегодняшний день в лингвистике, как в психологии и философии, существуют разные подходы к исследованию эмоций, однако, в связи с многоаспектностью и многогранностью данного явления, в науке до сих пор не создано какого-либо универсального толкования этого понятия. Сложность, а точнее – невозможность, описания эмоций средствами какой-либо отдельной научной отрасли (психологии, философии, физиологии, лингвистики и т.д.) привела к возникновению целого ряда смежных направлений. В частности, проблемой проявления эмоций в языковой сфере занимаются такие дисциплины, как психолингвистика, лингвопсихология, нейролингвистика, антропологическая лингвистика, когнитивная лингвистика, эмотиология, эмотивная лингвоэкология и др.

Так, психолингвистика изучает психологическое содержание речевой деятельности, другими словами, проблемы языкознания решаются здесь в основном с помощью экспериментальных методов, в частности ассоциативного эксперимента. Сегодня используются и такие современные научные методы, такие как запись движения глаз, функциональная магнитно-резонансная томография и т.д.

В отличие от психолингвистики, целью лингвопсихологии, или лингвистической психологии, является изучение речевой деятельности человека для описания его психологической и духовной природы, т.е. в данном случае исследуется предмет психологии (в частности, эмоции, переживания) с привлечением методов лингвистики (методы семантических исследований, компонентного и оппозиционного анализа и др.).

Такая научная дисциплина, как когнитивная лингвистика, основанная на изучении связи языковой и мыслительной систем, при обращении к эмоциям выделяет особые эмоциональные концепты в качестве единицы эмоциональной картины мира, включающей в себя эмоциональные понятия и представления,

формирующиеся у человека в процессе постижения окружающей действительности.

Актуальность проблемы эмоций и способов их выражения в языке сделала возможным возникновение такого научного направления, как эмотиология (или лингвистика эмоций). Формирование данного направления связано с именем профессора В.И. Шаховского, основателя и руководителя Волгоградской школы лингвистики эмоций. Согласно В.И. Шаховскому, эмотиология есть учение о вербализации, выражении и коммуникации эмоций, языковых способах экспликации эмоциональных состояний и отношений [Шаховский, 1995, с. 8]. Проведение многочисленных и масштабных исследований форм вербализации эмоциональной информации позволило ученым выдвинуть тезис о том, что в «коммуникативной ситуации любая языковая единица может приобрести статус эмотивной» [Ионова, 2019, с. 124], т.е. выражающей эмоции.

Начиная с 70–80-х гг. XX столетия проблеме эмоций было посвящено огромное количество лингвистических исследований (статей, монографий, диссертаций и т.д.), однако, по замечаниям самих ученых, постижение эмоциональной сферы человека не имеет границ, как и сами эмоции «не имеют пределов, и знания о них бесконечны» [Шаховский, 2018, с. 160].

Отдельное внимание в трудах российских и зарубежных исследователей уделяется проблеме классификации эмоций. В зависимости от параметра, взятого за основу классификации, эмоции могут подразделяться на простые и сложные (по наличию/отсутствию интеллектуальной оценки), положительные и отрицательные (по «знаку» переживания), личные и неличные (по направленности на самого человека или на окружающих), активные и пассивные (по влиянию на деятельность человека) и т.д.

Одним из наиболее известных подходов является разделение эмоций на основные (базовые, фундаментальные) и второстепенные. Именно базовые эмоции имеют наибольшее значение для человеческого существования, приводят к различным внутренним переживаниям и внешним выражениям этих

переживаний, не сводятся к комбинации каких-то других эмоций. Несмотря на то что большинство авторов являются сторонниками данной точки зрения, сам перечень базовых эмоций в трудах разных исследователей неодинаков. Так, к примеру, один из основателей теории дифференциальных эмоций К.Э. Изард выделяет 10 базовых эмоций (радость, печаль, удивление, интерес, презрение, гнев, отвращение, вина, страх, стыд) [Изард, 1999, с. 56]. Однако существуют и другие мнения по поводу количества базовых эмоций. Одни авторы расширяют этот список до восемнадцати, включая в него, в числе прочих, индифферентность и заносчивость, другие, наоборот, сужают его до двух, оставляя лишь боль и удовольствие. Кроме того, существует мнение, что имеется лишь одна базовая эмоция – вождление [Зуева, 2006, с. 154].

Однако, сколько бы базовых эмоций исследователями ни выделялось, все сходится на том, что эмоциональная сфера играет универсальную роль в человеческом существовании. Так, в частности, о главенствующей роли эмоций в психике человека писал немецкий психолог и философ Ф. Крюгер, утверждая, что они являются материальной первоосновой прочих видов психических явлений и наиболее благоприятной почвой для них [Крюгер, 1984]. Эмоции способствуют организации ощущений в единый психический образ; оказывают влияние на внимание (эмоционально окрашенный предмет занимает центральное место в сознании); воздействуют на память (в процессе создания условных связей и аффективных следов); являются условием продуктивной деятельности, особенно интеллектуальной; выполняют мотивирующую и целеполагающую функции; выражают личностные процессы, придающие смысл и значение человеческому существованию.

Как отмечалось выше, эмоции, будучи проявлением психической сферы человека, тесно связаны с его физиологической и нейрофизиологической природой и находят свое отражение в различных реакциях организма. Радость и печаль, удивление и презрение, страх и стыд отражаются на лице человека, влияют на его сердечный ритм, температуру тела, артериальное давление, частоту дыхания, величину зрачков и т.д.

Оказывая такое сильное влияние на физиологическую природу человека, эмоции, конечно же, не могут не находить отражения в языке. Интонация, выбор слов, коннотация, синтаксическое построение высказывания, особенности словообразования во многом зависят от эмоционального состояния говорящего. Пытаясь выразить свои переживания, человек отбирает языковые средства, максимально соответствующие его чувствам и ощущениям, что и находит отражение в его речевых практиках. В связи с этим в лингвистике сформировалось особое направление, известное как лингвистика эмоций, или эмотиология. В следующем разделе представлены основные положения современной эмотиологии.

1.2. Эмотиология: наука о связи языка и эмоций

1.2.1. Эмоции как предмет изучения эмотиологии

Проблема изучения эмоциональной составляющей языка уходит корнями в давнюю дискуссию философов и психологов о соотношении эмоций и мышления. В лингвистике эта проблема нашла выражение в споре ученых о том, какая функция языка является основополагающей – когнитивная или эмоциональная – и, следовательно, какие аспекты языка и речи должны находиться в центре лингвистических исследований. Долгое время существовали две крайние точки зрения относительно данного вопроса. Представители одной группы ученых (такие как Г. Гийом, Э. Сепир, К. Бюлер и др.) полагали, что доминантой любого языка является когнитивная функция, а значит, проблема языкового выражения эмоций не должна рассматриваться в качестве основной. Сторонники другой точки зрения отдавали предпочтение эмоциональной составляющей языка и именно эмоциональную функцию считали главной и определяющей.

Однако, несмотря на существование противоположных мнений, вплоть до середины 70-х гг. XX столетия проблемы, связанные с вербализацией эмоций и

их функциями в процессе коммуникации, считались «опасными». Немногочисленные работы, изредка появлявшиеся на эту тему, чаще вызывали неприятие, чем интерес [Шаховский, 1995, с. 3]. Но со второй половины 70-х гг. XX в. лингвистика все больше и больше стала обращаться к изучению эмоций как важнейшему компоненту внутренней сферы человека, который в обязательном порядке находит отражение в языке и речи. Актуальной становится мысль о том, что изначально речь была создана не для беспристрастного описания, повествования и рассуждения, а для выражения желаний, различных предписаний, неизбежно сопровождающихся определенной эмоциональной окраской.

В 80-е гг. XX столетия проблема вербализации эмоций привлекает внимание международных лингвистов. Так, в 1985 г. при Гарвардском университете был создан Международный центр по исследованию эмоций, а в 1987 г. в Берлине состоялся решающий для изучения эмоционального аспекта языка Международный конгресс лингвистов. В рамках этого конгресса прозвучал доклад чешского языковеда, представителя Пражской лингвистической школы Ф. Данеша, в котором говорилось о тесной взаимосвязи когнитивной и эмоциональной сфер языка, о взаимовлиянии когниции и эмоции и необходимости всестороннего изучения данного вопроса. В результате проведенного конгресса проблема соотношения языка и эмоций была определена как одно из наиболее перспективных и приоритетных направлений лингвистических исследований.

В российской науке начало глубокому и всестороннему изучению эмоциональной составляющей языка положила кандидатская диссертация В.И. Шаховского, защищенная им в 1969 г. и посвященная анализу способов выражения эмотивно-субъективной оценки в сфере имен существительных современного английского языка. В данной работе впервые рассматривались вопросы категоризации эмоций, выделялись типы эмоциональной лексики, предлагались термины для ее описания. В 1980–1990-х гг. у В.И. Шаховского появилось множество последователей, были защищены десятки диссертаций,

связанных с проблемами языкового выражения, названия и описания эмоций, возникли понятия «лингвистика эмоций» и «эмотиология», сформировалась Волгоградская школа лингвистики эмоций.

Круг вопросов, на которые ищет ответ современная эмотиология, крайне обширен. В поле внимания ученых попадает огромное количество проблем – от наиболее общих и фундаментальных, связанных с выработкой категориального аппарата лингвистики эмоций, создания типологии эмотивных знаков, описания природы речевой экспрессии, до более узких и специальных, относящихся к исследованию отдельных эмоциональных концептов («зависть», «ревность», «добро», «зло» и т.п.) или эмоциональной составляющей разных видов дискурса (медицинского, спортивного, политического и т.д.). По замечанию В.И. Шаховского, эмоции непрерывно «ставят перед лингвистикой важные проблемы и своим “скользящим” характером бросают ей серьезный вызов» [Шаховский, 2008, с. 189].

В настоящее время лингвистика эмоций уделяет внимание целому ряду проблем, которые соответствуют наиболее приоритетным и перспективным направлениям исследования [Шаховский, 2008]. Среди них выделяются следующие: влияние эмоций на формирование языковой картины мира отдельного человека и социума в целом, связь эмотивности с национально-культурной спецификой речевой деятельности; разработка критериев эмотивности языковых единиц; соотношение лингвистики и паралингвистики эмоций; описание синкретичных форм вербализации эмоциональных явлений; составление эмотивных словарей и справочников, включающих в себя основные термины и понятия эмотиологии, и т.д.

Наряду с теоретическими, современная эмотиология ставит перед собой прагматические задачи, связанные с речевой деятельностью индивидов. Один из вопросов, стоящих перед исследователями, заключается в том, как внедрить все достижения и открытия лингвистики эмоций в практику общения, донести до людей мысль о том, что речевая деятельность – это наша среда обитания, и как мы стараемся беречь окружающий мир, так нам следует заботиться и о

нашей речи. Перед учеными стоит задача воспитания речевой культуры человека, его эмоциональной и эмотивной компетенций, которые необходимы для распознавания голоса эмоций и адекватного реагирования на эмоциональные проявления в коммуникативной практике [Шаховский, 2016, с. 324–325].

В эмотивной лингвистике выделяется целый ряд новых направлений, многие из которых сформировались на стыке разных наук и носят междисциплинарный характер. В качестве примера можно назвать такие направления, как эмоциональная ономастика, эмоциональная коммуникативистика, эмоциональная конфликтология, эмоциональная концептология, эмотивность текста, когнитивно-дискурсивная эмотиология, эмотивная лингвоэкология и др. В частности, именно вопросам эмотивной лингвоэкологии посвящены многие работы В.И. Шаховского («Роль эмоций в формировании экологичности массмедиаальной коммуникации» (2010), «Теоретические основы эмотивной лингвоэкологии» (2012), «Медийная неэкологичность как способ/средство диффамации адресата» (2013), «Эмотивная лингвоэкология: комплексный подход к изучению языка, речевой деятельности и человека» (2014) и др.).

Эмотивная лингвоэкология сформировалась на пересечении таких научных дисциплин, как культура речи, валеология и эмотиология. Развивая идеи эмотивной лингвистики, используя ее методы и приемы, эмотивная лингвоэкология основывается на представлении о том, что процесс общения всегда сопровождается эмоциональными проявлениями, которые неминуемо сказываются на физическом и психическом состоянии человека, качестве его жизнедеятельности. В кругу исследований эмотивной лингвоэкологии оказываются два взаимосвязанных и взаимозависимых фактора – экология языка и экология человека. Как состояние и развитие языка во многом определяются человеком и обществом, так и нравственное и физическое здоровье человека во многом зависит от языковой и коммуникативной среды его обитания [Ионова, 2011].

1.2.2. Понятия «эмотивность» и «эмотив» в эмотиологии

В настоящее время большинство российских лингвистов разделяют тезис о тесном взаимодействии мышления и эмоций, взаимосвязи когнитивной и эмоциональной функций языка, поскольку, как пишет В.И. Шаховский, любой процесс передачи информации сопровождается чувствованиями и переживаниями: «Без эмоций коммуникации не существует» [Шаховский, 2016, с. 325].

Однако в современной лингвистике можно обозначить ряд спорных вопросов, требующих разрешения. Одним из них является создание понятийного аппарата, обоснование терминологии, применяемой для описания эмоций и связанных с ними явлений языка. Несмотря на то что проблемой вербализации эмоций лингвистика занимается уже многие годы, до сих пор существуют различные, в том числе противоречивые, толкования многих терминов, используемых в трудах исследователей.

Так, в частности, наибольшие трудности возникают при разграничении понятий *эмотивность*, *эмоциональность*, *экспрессивность*, *эмоциональная нагрузка слова*, *оценочность*, *стилистическая окрашенность*, *выразительность*, *образность*, *коннотативность*. Многие из этих терминов нередко употребляются как синонимы, однако исследователи говорят о необходимости их различения и закрепления за определенными явлениями языка и речи.

Термин «эмотивность» является обозначением базового понятия эмотиологии. До начала 1980-х гг. данный термин трактовался достаточно расплывчато, хотя, кроме лингвистики, активно употреблялся и в других научных областях – в философии, психологии, психиатрии, физиологии. К примеру, в психиатрии эмотивность понималась как повышенная чувствительность, «при которой эмоциональные реакции наступают быстро, достигают большой силы и, нередко, оказываются чрезмерно продолжительными» [Блейхер, Крук, 1995]. В физиологии эмотивность

связывалась в первую очередь с деятельностью подкорковых отделов мозга [Конечный, Боухал, 1983, с. 110]. Американский философ Ч. Стивенсон, один из основных сторонников эмотивизма, исследовавший этику и философию языка, утверждал, что «...термин “эмотивный” нередко используется недифференцированно, так что в конце концов становится своего рода ярлыком на мусорной корзине, куда сваливаются всевозможные аспекты языкового употребления, нежелательные в языке науки или не имеющие к нему отношения...» [цит. по: Мягкова, 1990, с. 9].

Со второй половины 1970-х – в начале 1980-х гг., как было отмечено выше, начинают появляться лингвистические теории, направленные на последовательное описание эмотивности языковых единиц. В 1987 г. опубликована работа В.И. Шаховского «Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка», в которой предлагалось одно из наиболее известных на сегодняшний день определений эмотивности как имманентно присущего языку семантического свойства «выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики», отражение в семантике языковых единиц социальных и индивидуальных эмоций [Шаховский, 1987, с. 24].

В.И. Шаховский разрабатывает концепции эмотивности языка и эмотивной коннотации, описывает средства и способы категоризации эмоций в языке, вводит в научный оборот ряд новых теоретических понятий, связанных с эмотивностью (такие как *эмотивная валентность*, *эмотивная семантика*, *эмотивное употребление*, *эмотивный текст*, *эмотивная компетенция*, *эмотивная номинация и деривация*, *эмотивная плотность* и др.).

Согласно В.И. Шаховскому, в процессе коммуникации важную роль играет эмотивный компонент значения слова, который представляет собой результат отражения эмоций в слове в процессе их вербализации и семантизации [Шаховский, 1990]. С точки зрения ученого, каждое слово, помимо номинативной семантики, обладает определенным эмоциональным компонентом значения, который выражает внутренние переживания говорящего. Эмотивность находится в непосредственной связи с коннотацией

лексической единицы. Исследователем выделяется три вида эмотивной семантики слова: собственно эмотивность (эмотивное значение, или аффектив), эмотивность как одна из реализаций семантики слова (коннотация, или коннотатив) и ситуативная эмотивность (эмотивный потенциал, или потенциатив). С точки зрения В.И. Шаховского, эмотивной может стать любая единица языка. В процессе коммуникации говорящий может использовать эмоционально окрашенные лексические единицы, обладающие определенным эмотивным значением, а может подбирать для выражения своих эмоций нейтральные лексические единицы, наделяя их эмотивными смыслами. Внутренне присущий слову эмотивный потенциал в коммуникативной ситуации способен приобретать коннотативные значения, дополнительные семантические ассоциации, а коннотация, в свою очередь, может переходить в эмотивное значение, когда слово употребляется в качестве аффектива.

Языковые единицы, которые употребляются для вербализации эмоций, получили название *эмотивы*. По определению В.И. Шаховского, эмотив – это языковая единица, «превалирующей функцией которой является выражение эмоций говорящего» [Шаховский, 2019, с. 13]. В языкознании существуют различные подходы к классификации языковых средств, с помощью которых может быть выражен эмотивный компонент значения слова. Согласно лингвистике эмоций, эмотивом может быть любая единица языковой системы – аффикс, слово, словосочетание, фразеологизм, предложение, а также целый текст, который включает в себя эмотивы других уровней языка.

Наделенный признаками эмотива текст эмоционален, поскольку отражает внутренние переживания человека, создающего его. Феномен эмотивности текста является сложным и многогранным, и на сегодняшний день, как отмечают исследователи, ни один из фундаментальных анализов текста не обходится без обращения к его эмотивному аспекту [Ионова, 1998, с. 3].

Повышенное внимание ученых к проблеме текстовой эмотивности и ее многоплановость привели к тому, что в языкознании сформировались различные подходы к изучению данного феномена. В частности, С.В. Ионова

называет такие направления исследования эмотивности текста, как стилистический (Э.З. Азнаурова, А.Г. Болотов, Т.В. Матвеева и др.), психолингвистический (Н.В. Витт, В.Н. Гридин, Э.Л. Носенко, А.М. Шахнарович и др.), когнитивный (А.Г. Баранов, Ф. Данеш, Е. Книпкенс, Р. Цваан и др.), коммуникативный (И.В. Быдина, М.Д. Городникова, Г.Е. Змеева, Л.А. Пиотровская, В.А. Маслова, В.И. Шаховский и др.), лингвокультурологический (А. Вежбицкая, Л.Е. Вильмс, С.Г. Воркачев, А.В. Селяев, И.В. Томашева и др.) и др. [Ионова С.В, 1998, с. 3].

Признание того, что коммуникации без эмоций не существует и что эмоциональность является обязательной составляющей любой человеческой деятельности, позволяет исследователям обращаться к анализу эмотивности текстов разных функциональных стилей. Одной из первых работ, посвященных сопоставительному анализу эмотивности текстов разных функциональных стилей, была диссертация С.В. Ионовой «Эмотивность текста как лингвистическая проблема» [Ионова, 1998]. На основе анализа текстов научного, официально-делового, публицистического и художественного стилей в работе выделяются виды эмотивного содержания текстов и способы их выражения; рассматриваются особенности функционирования эмотивной лексики в текстах разных функциональных стилей; определяются понятия «эмотивная окраска», «эмотивный фон», «эмотивная тональность»; дифференцируются термины «эмотивный текст» и «эмотивность текста»; делается вывод о том, что в текстах научного и официально-делового стиля эмотивность представлена в основном в виде вкраплений в логическую ткань повествования, а в публицистических и художественных текстах выступает как текстообразующий фактор.

Однако не вызывает сомнения, что наибольшую репрезентацию эмоции получают в художественной литературе, поскольку ни один художественный текст не обходится без выражения чувств и переживаний человека, в связи с чем основное внимание в лингвистике уделяется, конечно же, изучению эмотивности художественных произведений. Специфике передачи эмоций в

художественном тексте посвятили работы многие известные лингвисты: В.В. Виноградов [Виноградов, 1949], Д.Н. Шмелев [Шмелев, 1973], Е.М. Галкина-Федорук [Галкина-Федорук, 1965], В.И. Шаховский [Шаховский, 1997], Л.Г. Бабенко [Бабенко, 2004], В.А. Маслова [Маслова, 2016], С.В. Ионова [Ионова, 1998] и др. Учеными анализируются источники эмотивности художественного текста, определяются функции эмотивной лексики в структуре произведения, выявляются виды эмотивов, рассматривается их роль в создании психологического портрета персонажа, отображении внутреннего мира автора и героя и т.д. Однако, как известно, кроме термина «эмотивность», в литературе для определения эмоционального статуса текста часто используются такие термины, как «эмоциональность», «экспрессивность», «оценочность». Ниже рассматриваются данные термины в соотношении с ключевым термином нашей работы – «эмотивность».

1.2.3. Эмотивность VS эмоциональность

Одной из ключевых проблем современной лингвистики, как показывает анализ литературы по данному вопросу, является разграничение понятий эмотивности и эмоциональности. Оба этих понятия активно используются исследователями, однако можно выделить разные подходы к пониманию данных терминов.

Ряд исследователей не разделяют понятия «эмотивности» и «эмоциональности», употребляя их как синонимы. Так, к примеру, Г.А. Копнина в словаре-справочнике «Эффективное речевое общение (базовые компетенции)» (2012) отмечает, что «эмоциональность речи, или эмотивность речи, – один из компонентов (наряду с оценочностью, образностью, интенсивностью) категории экспрессивности, свойство языковых/речевых единиц выражать эмоции, чувства говорящего (пишущего) и тем самым оказывать эмоциональное воздействие на адресата» [Копнина, 2012, с. 781]. Как

мы видим, термины «эмоциональность» и «эмотивность» в данном случае используются как равнозначные понятия, являющиеся лингвистическими категориями и служащие для выражения эмоций и оказания эмоционального воздействия на адресата. Как лингвистическую категорию эмоциональность рассматривали также Н.Н. Амосова [Амосова, 1958], Э.А. Вайгла [Вайгла, 1978], Н.Я. Милованова [Милованова, 1976], однако с точки зрения данных исследователей главной функцией эмоциональности является не столько воздействие на адресата, сколько выражение отношения к объекту высказывания.

Усиление интереса к внутренней жизни человека, поворот лингвистики к глубокому изучению эмоциональной стороны языка и речи привели к необходимости разграничения понятий «эмоциональность» и «эмотивность». Ученые, признающие важность терминологического противопоставления данных категорий, исходят из того, что мир человеческих эмоций и их словесное воплощение никогда не совпадают. Одна и та же эмоция может быть выражена с помощью различных слов, и наоборот, для описания широкого спектра переживаний мы часто не можем подобрать подходящих обозначений, и нам приходится довольствоваться каким-нибудь одним словом. Об этом, в частности, писал швейцарский лингвист Шарль Балли, отмечая, что слова и словосочетания «слишком насыщены логическими элементами и поэтому не могут вполне удовлетворять потребностям выражения индивидуальных чувств» [Балли, 2001, с. 334].

Сторонники данной точки зрения проводят четкую границу между эмоциональностью и эмотивностью, считая, что под «эмоциональностью» следует понимать психологическую категорию, характеристику внутреннего состояния человека, уровень его переживаний, а «эмотивность» является лингвистической категорией, языковым выражением эмоциональности. Как отмечает В.И. Шаховский, эмотивность – это «лингвистический аспект категории эмоциональности», «лингвистическое выражение эмоций»

[Шаховский, 1983, с. 6–11], то же, что эмоциональность, но «о языке, его единицах и их семантике» [Шаховский, 2019].

Близкое В.И. Шаховскому понимание эмотивности представлено также в работах крупнейшего специалиста по фразеологии английского языка А.В. Кунина, который считает, что «эмотивность – это эмоциональность в языковом преломлении, т.е. чувственная оценка объекта, выражение языковыми или речевыми средствами чувств, настроений, переживаний человека» [Кунин, 1986, с. 153].

Необходимость разграничения понятий эмотивность и эмоциональность подчеркивается также известным русским лингвистом, специалистом по психолингвистике, синтаксису и эмотиологии Л.А. Пиотровской, однако ею предложено несколько иное толкование термина «эмотивность». По мнению Л.А. Пиотровской, эмотивность является функцией языковых единиц, связанной с выражением либо эмоционального состояния субъекта речи, либо «его эмоционального отношения к объективной действительности, к содержанию высказывания адресата, к самому адресату» [Пиотровская, 2015, с. 321]. Языковые единицы, имеющие эмотивную функцию, определяются Л.А. Пиотровской как эмотивные, а значение языковых единиц, предназначенных для выражения эмоционального состояния или эмоционального отношения адресанта, – как **эмотивное**.

Интересный, на наш взгляд, подход к разграничению эмоциональности и эмотивности представлен в работах Т.В. Лариной. Как специалист по межкультурной коммуникации, коммуникативной этнолингвистике и эмотиологии, Т.В. Ларина видит целесообразным различать эмоциональность и эмотивность по их направленности и назначению: «Эмоциональность как инстинктивное, бессознательное, незапланированное проявление эмоций сфокусирована в большей степени на самом субъекте (это – эмоции для себя). Эмотивность как сознательная, запланированная демонстрация эмоций направлена на адресата (это – эмоции для других)» [Ларина, 2002]. По мнению лингвиста, если в процессе коммуникации мы имеем дело с непосредственной

демонстрацией чувств, естественным спонтанным проявлением эмоций, то следует говорить об эмоциональности; если же проявление эмоций характеризуется преднамеренностью и представляет собой определенную стратегию коммуникативного поведения, в том числе с целью влияния на других, то мы имеем дело с эмотивностью.

Близкое В.И. Шаховскому понимание проблемы соотношения эмоциональности и эмотивности представлено также в работах А.А. Малова. Согласно его позиции, эмотивность представляет собой свойство языка выражать эмоциональную оценку говорящего с помощью языковых средств различного уровня, которые являются носителями эмотивной семантики [Малов, 2017].

В нашем исследовании мы будем придерживаться данного мнения и использовать понятие «эмоциональность» и «эмоциональный» для описания психологического состояния человека и его переживаний, а «эмотивность» и «эмотивный» в дискурсе характеристики языка и текста.

Поскольку представители эмотивной лингвистики исходят из того, что эмоции «пронизывают любую деятельность человека» и представлены на каждом уровне коммуникативной ситуации, В.И. Шаховский и сторонники его теории говорят о существовании эмоционального языка, эмоциональной речи, эмоциональной коммуникации и эмоционального мышления, которое предполагает тесную связь эмоционального и рационального [Шаховский, 2014, с. 14]. В последнее время (90-е годы XX столетия) появилось еще одно понятие – «эмоциональный интеллект», что еще раз подтверждает справедливость слов В.И. Шаховского, сказавшего, что «эмоции сегодня в моде» [Шаховский, 2008, с. 5].

1.2.4. Эмотивность VS экспрессивность

Наряду с понятиями «эмотивность» и «эмоциональность» в работах, посвященных отражению эмоций, чувств и переживаний человека в языке и

речи, применяется понятие «экспрессивность». Категория экспрессивности используется в разных научных областях – лингвистике, стилистике, литературоведении, искусствоведении, эстетике, психологии, логике, генетике и т.д. Как отмечает Б. Тошович, известный специалист в области грамматики и стилистики славянских языков и интернет-коммуникации, категория экспрессивности «образует сложный соотносительный круг с категориями типа эмоциональности, стилистической окрашенности, выразительности, образности, коннотативности, эстетичности», которые необходимо различать [Тошович, 2006, с. 9]. Однако в работах некоторых лингвистов наблюдается смешение данных понятий, в особенности – экспрессивности и эмоциональности, экспрессивности и стилистической окрашенности. Причиной нечеткости в употреблении терминов является сложность описываемого явления – вербализации многогранного и противоречивого внутреннего мира человека, его чувств и переживаний, отношения к самому себе и к окружающей действительности. По словам И.В. Арнольд, известного советского и российского лингвиста, основоположника научной школы стилистики декодирования, «эмоциональные, экспрессивные, оценочные и стилистические компоненты лексического значения нередко сопутствуют друг другу в речи, потому их часто смешивают, а сами эти термины употребляют как синонимы. Но совпадение компонентов далеко не обязательно; присутствие одного из компонентов не влечет за собой обязательного присутствия всех остальных, и они могут встречаться в разных комбинациях» [Арнольд, 1973, с. 114].

В исследовательской литературе представлено огромное количество толкований экспрессивности, однако до сих пор данная категория является одной из самых нечетких и многозначных в лингвистике. Б. Тошович предлагает, на наш взгляд, многогранное определение экспрессивности, чтобы максимально охватить все стороны данного явления. По мнению ученого, экспрессивность – это широчайшая категория, отражающая и выражающая сознательное, целенаправленное, субъективное, эмоциональное и эстетизированное отношение отправителя/автора/говорящего к

получателю/реципиенту/собеседнику или предмету/содержанию сообщения, обладающая функцией воздействия и служащая для подчеркивания, усиления, актуализации в процессе общения [Тошович, 2006, с. 9].

Поскольку экспрессивность и эмотивность нередко сопричастуют в речи, возникает нечеткость и расплывчатость в определении данных категорий. В частности, в языкознании по-разному решается вопрос об их соотношении. Как отмечают исследователи, в лингвистике категория экспрессивности может иметь две трактовки – узкую и широкую [Тошович, 2006, с. 13]. При узком понимании термин «экспрессивность» используется как синоним эмоциональной выразительности речи; в широком понимании толкование экспрессивности часто сопровождается такими терминами, как «новизна», «интенсивность», «оценочность», «эмоциональность» и т.д.

Так, к примеру, согласно А.П. Сковородникову и Г.А. Копниной, экспрессивность представляет собой «совокупность признаков языковой/речевой единицы, благодаря которым говорящий (пишущий) выражает свое субъективное отношение к содержанию речи или ее адресату» [Сковородников, Копнина, 2012, с. 776]. По мнению данных лингвистов, экспрессивность как целое включает в себя более частные категории, такие как «эмоциональность» («эмотивность»), «интенсивность», «образность» и «оценочность».

Как часть и целое, эмотивность и экспрессивность рассматриваются также в работах Е.М. Галкиной-Федорук. С ее точки зрения, эмоциональность (то же, что эмотивность) необходима для выражения эмоций, а экспрессивность служит для усиления выразительности и образности, подчиняя себе эмоциональность. Согласно Е.М. Галкиной-Федорук, экспрессия возможна без эмоций, тогда как эмоционального без экспрессивного не существует: «Эмоциональные средства языка всегда экспрессивны, но экспрессивные средства языка могут и не быть эмоциональными» [Галкина-Федорук, 1958, с. 125].

Б. Тошович рассматривает эмотивное значение как важный компонент экспрессивности [Тошович, 2006, с. 16]. В то же время в трудах лингвиста представлено противоположное Е.М. Галкиной-Федорук понимание соотношения эмотивного и экспрессивного начал в речи: по мысли ученого, эмотивное в речи может не содержать экспрессии, в то время как любое экспрессивное явление эмотивно.

Близкие суждения содержатся также в работах В.И. Шаховского. Как и Б. Тошович, исследователь признает возможность существования неэкспрессивной эмотивности, но считает, что категории «экспрессивность» и «эмотивность» не должны трактоваться как часть и целое, поскольку представляют собой хотя и близкие, но автономные явления. Согласно точке зрения ученого, базовая функция эмотивности заключается в выражении эмоций и чувств говорящего, а в основе экспрессивности лежит интеллектуальное стремление убедить в чем-либо адресата [Шаховский, 2008].

С.В. Ионова пишет об экспрессивности как одном из планов выражения эмотивности, наделенном функцией воздействия на адресата, которая проявляется в эмотивности текста, т.е. его способности влиять на эмотивное состояние реципиента. Рассматривая эмотивность текста как двустороннюю сущность, имеющую план выражения и план содержания, С.В. Ионова отмечает, что основу плана содержания эмотивности составляет субъективная оценочность, обеспечивающая проявление эмотивного состояния или отношения говорящего, а «план выражения представлен категорией экспрессивности, главная функция которой состоит в способности повышать воздействующую, прагматическую силу языковой единицы, обеспечивая ее эмотивность» [Ионова, 1998, с. 4].

Воздействующая функция экспрессивности, ее ориентация на интеллектуальную, эмотивную и волевою сферы личности собеседника подчеркиваются также известным специалистом по лингвокультурологии и филологическому анализу текста В.А. Масловой, которая отмечает, что «экспрессивность изменяет эмотивное состояние носителя языка, влияя

таким образом на его целенаправленную деятельность» [Маслова, 2018, с. 20]. С точки зрения исследователя, категория экспрессивности является общей характеристикой текста, интегральным результатом «реализации эмотивности, оценочности, образности, интенсивности, стилистической маркированности, структурно-композиционных свойств, подтекста» [Маслова, 1991, с.183].

В нашем исследовании, говоря о соотношении категорий «эмотивность» и «экспрессивность», мы будем придерживаться мнения В.И. Шаховского, в соответствии с которым эмотивность является выражением эмоций говорящего, а экспрессивность характеризуется непосредственной связью с коммуникативным актом, с целью воздействия на адресата и его убеждения в чем-либо. Таким образом, эмотивность будет рассматриваться нами как языковая, функционально-семантическая категория, а экспрессивность – как категория коммуникативная.

1.2.5. Эмотивность VS оценочность

В одном ряду с понятиями «эмотивность», «эмоциональность», «экспрессивность» нередко употребляется и понятие «оценочность», которое по-разному трактуется лингвистами.

Как отмечалось нами выше, многие исследователи рассматривают оценочность в качестве одной из составляющих категории экспрессивности, наряду с эмотивностью, эмоциональностью, образностью, интенсивностью и др. (А.П. Сковородников, Г.А. Копнина, В.А. Маслова и др.).

С.В. Ионова, как уже отмечалось выше, считает именно оценочность планом содержания эмотивности. В.К. Харченко, известный лингвист, создатель в Белгородском государственном университете научного направления «Теория языкового позитива», называет оценочность, эмоциональность, образность и экспрессию особыми «полутонами», входящими в структуру слова и в своей совокупности составляющими

коннотацию, т.е. «дополнительное содержание слова» [Харченко, 1976, с. 66]. В.К. Харченко трактует оценочность как заложенную в слове положительную или отрицательную характеристику человека, предмета, явления. Основное отличие оценочности от эмоциональности и экспрессии, с точки зрения исследователя, состоит в том, что оценочность выполняет номинативно-оценочную функцию, способствующую выражению отношения к чему-либо, и «меньше всего является “созначением”» [Харченко, 1976, с. 67].

Поскольку эмоциональная реакция человека всегда сопровождается оценкой, в работах ряда исследователей подчеркивается тесная взаимосвязь эмотивности и оценочности. В частности, Е.М. Вольф, известный специалист по романским языкам, определяет эмотивность как чувственную оценку объекта, как отношение, основанное на эмоциях, переживаемых человеком [Вольф, 1985]. В.И. Болотов, посвятивший многие работы проблемам психолингвистики, полагает, что «эмоции и оценка неразделимы, если событие, описанное в тексте, затрагивает личное благополучие воспринимающего текст индивида» [Болотов, 1986, с. 11].

Однако факт соприсутствия в процессе коммуникации эмотивности и оценочности не дает основания для их отождествления. Учеными обосновывается необходимость разграничения понятий «эмотивность» и «оценочность», поскольку в основе этих категорий лежат «различные способы духовного освоения мира» [Азнаурова, 1973, с. 116].

Разграничение эмотивности и оценочности происходит также за счет дифференциации их функций. Оценочность, связанная с определением значимости объекта или ситуации для говорящего, обладает аксиологической функцией, а для эмотивности, основной задачей которой является выражение эмоций, характерна аффективная функция.

Особое внимание исследователей сосредоточено на изучении способов и средств языкового, речевого, текстового выражения и описания эмоций. Огромный интерес ученых к данной проблеме связан с глубиной и многогранностью анализируемого материала, его сложностью и постоянной

изменчивостью, поскольку эмоциональный мир человека до сих пор является непознанным, равно как и его выражение в языке и речи. Существование в науке разнообразных подходов и противоречивых точек зрения на проблему вербализации эмоций свидетельствует о ее недостаточной изученности и определяет необходимость проведения дальнейших исследований в этой области.

1.3. Языковые средства выражения эмотивности

1.3.1. Проблема репрезентации эмоций в языке и речи

«Как сердцу высказать себя? Другому как понять тебя?» Эти известные строки Ф.И. Тютчева, на наш взгляд, отражают сущность одной из наиболее актуальных и сложных проблем современной лингвистики: проявление эмоций в языке и речи. Решение данной проблемы предполагает поиск ответов на различные вопросы: обладает ли язык способностью к передаче чувств и переживаний человека? возможно ли адекватное выражение и восприятие эмоционального состояния говорящего? какие существуют способы и виды вербализации эмоций в процессе коммуникации? и т.д.

Проблема репрезентации эмоций в языке и речи может быть освещена с разных сторон. В частности, как отмечалось нами выше, ученые подчеркивают невозможность достижения абсолютной корреляции между эмоциями человека и их словесным воплощением, в результате чего любой процесс вербализации эмоций обладает некоторой ущербностью: «Мы всегда воспринимаем больше, чем можем выразить языком» [Тошович, 2006, с. 18].

Кроме того, человек по своей природе, как правило, постоянно испытывает потребность не только выразить свои чувства и переживания, но и донести их до окружающих. При этом говорящий сталкивается с различными трудностями, в том числе с проблемой выбора языковых средств, соответствующих его внутреннему состоянию, а также с проблемой восприятия

его эмоций и ощущений слушающим. Согласно мнению В.И. Шаховского, «одно и то же эмотивно-окрашенное значение в одной и той же коммуникативной ситуации может интерпретироваться отправителем и получателем по-разному. Это зависит от целого ряда моментов: от эмоционального состояния коммуникантов при общении, от их общего эмоционального индекса /или тренда/, от интенции, которые могут часто не совпадать у коммуникантов, от их тезаурусов и пр.» [Шаховский, 1990].

В идеальном варианте отправитель с помощью языка передает информацию о своих чувствах и переживаниях получателю, который, воспринимая сообщение, декодирует информацию и на основании полученной эмоции вырабатывает свою, начиная сопереживать или сочувствовать говорящему. Однако, как отмечает Б. Тошович, в случае если получатель неправильно понимает или дешифрует первичную, исходную эмоцию, результат может быть совсем другим: возникает вторичная эмоция, «которую отправитель не имел в виду (автор может “излить душу”, а получатель может это не почувствовать или ошибочно понять)» [Тошович, 2006, с. 17].

В связи со сложностью передачи и распознавания эмоций в языке и речи работы современных лингвистов направлены не только на теоретическое исследование и анализ языковых средств выражения эмотивности, но и на достижение практического результата – возможность обучения людей выражению и восприятию эмоций, необходимость формирования у них особого коммуникативного опыта, который В.И. Шаховский называет эмоциональной и эмотивной компетенцией: «К сожалению, библиотека эмоций пока не составлена никакой наукой, поэтому опознавать голос эмоций и адекватно реагировать на эмоциональные проявления человек может лишь с опорой на сформированную у него в практике коммуникации эмоциональную и эмотивную компетенцию» [Шаховский, 2016, с. 325–326].

Чтобы хоть сколько-нибудь компенсировать различие между душевными переживаниями человека и их словесным выражением, в процессе вербализации эмоций задействованными оказываются все уровни языковой

системы. С.В. Ионова называет это явление «синсемантитзмом», т.е. недостаточностью «одного языкового средства для передачи сложных эмоциональных состояний» и необходимостью «актуализации в тексте целого комплекса средств для адекватной передачи эмоций» [Ионова, 1998, с. 9].

Согласно исследованиям, проводимым в лингвистике, в процессе вербализации эмоций могут принимать участие разные языковые средства: фонетические, лексические, морфологические, словообразовательные, синтаксические, стилистические. Только в своей совокупности языковые единицы способны передать многослойность эмотивного содержания, содействуя порождению высказывания и его интерпретации. Назовем и кратко рассмотрим уровни вербализации эмоций.

1.3.2. Лексические средства выражения эмотивности

Среди средств выражения эмоций фонетические являются наиболее очевидными. К ним относятся, прежде всего, интонация, ударение, тоны, а также различные приемы, основанные на особой звуковой и ритмической организации высказывания, – рифма, ритм, аллитерация, звукоподражание и т.п. Особая роль интонации в процессе реализации эмоций подчеркивается такими русскими лингвистами, как А.А. Реформатский, М.Н. Кожина, Е.М. Галкина-Федорук: «Выражение экспрессии и прежде всего различных чувств (радости, гнева, восторга, умиления, огорчения и т.п.) тесно связано с интонацией» [Реформатский, 1996, с. 165]; «Передать внутренне состояние, настроение говорящего и вовлечь в сопереживание помогает интонация» [Кожина, 2016, с. 382]; «Каждое высказывание, даже отдельное предложение, выраженное в той или иной форме, помимо высказанной мысли, всегда содержит тот или иной эмоциональный оттенок, придаваемый ему интонацией» [Галкина-Федорук, 1958, с. 107].

Интонация как важнейшее средство выражения эмоций способна придать эмотивность любой фразе. Некоторые исследователи отмечают, что интонация может быть выявлена только в устной речи, однако связь интонации с грамматикой, которая подчеркивалась еще А.А. Реформатским, позволяет ученым говорить об интонации как свойстве письменного текста, особенно художественного. Так, И.П. Павлючко пишет, что «субъективно окрашенный и выразительный письменный текст несет на себе следы интонации, которая ощутима прежде всего в синтаксисе высказывания» [Павлючко, 1999]. Согласно И.П. Павлючко, эффект присутствия в художественном тексте живого голоса создается посредством чередования предложений разного рода, использования инверсий, повторов, риторических вопросов, восклицаний, обращений и т. п.

Однако, несмотря на важность фонетических средств для выражения внутреннего состояния человека, ключевую роль в процессе вербализации эмоций играет лексика. В современном языкознании изучение лексических средств эмотивности происходит по разным направлениям: анализируются отдельные эмотивные лексемы и лексико-семантические группы эмотивной лексики; изучаются синонимические и антонимические отношения эмотивной лексики; составляются семантические и тематические поля, которые образует эмотивная лексика; исследуется роль метафоры в процессе репрезентации эмоций и пр. [Михеева, 2010].

Проведенный нами анализ исследовательской литературы показал, что в лингвистике наблюдается нечеткость в дифференциации лексических средств выражения эмотивности. Согласно В.И. Шаховскому, на сегодняшний день в языкознании «отсутствует достаточно удовлетворительное и адекватное определение эмотивной лексики и принципов ее классификации» [Шаховский, 2019]. В связи с тем, что в контексте высказывания любая языковая единица может приобретать эмотивное значение, в лингвистике представлены различные подходы к систематизации эмотивной лексики.

Актуальным является, в частности, вопрос о том, какие лексические единицы можно считать эмотивными. Лингвистами отмечается, что в языке можно выделить два типа слов, связанных с выражением внутреннего состояния человека, – это **лексика эмоций** и **эмоциональная лексика**. В первом случае речь идет о словах, называющих или обозначающих эмоциональные состояния человека, таких как «любовь», «радость», «страх» и т.п. В.И. Шаховский определяет данные слова как «имена эмоций». Во втором случае, говоря об эмоциональной лексике, ученые имеют в виду языковые единицы, непосредственно выражающие чувства и переживания человека (восторг, радость, иронию, неприятие и пр.). Известный международный лингвист Б. Волек определяет эти группы слов как различные эмотивные знаки, «значение которых может конструироваться либо понятиями, либо прямыми эмоциональными переживаниями» [Волек, 1995].

С точки зрения эмотивной лингвистики в речи эмоции «могут быть названы (номинация), описаны (дескрипция), выражены (экспрессия)» [Шаховский, 2014, с. 14]. Как отмечает В.И. Шаховский, в 1970–1980-е гг. многие исследователи не относили имена эмоций к эмотивной лексике, поскольку считалось, что они обладают лишь логико-предметным значением, не выражают эмоционального состояния говорящего, а только называют его.

Данную точку зрения высказывала, в частности, И.В. Арнольд в своей работе «Лексикология современного английского языка» (1959), отмечая, что слова, называющие эмоции и чувства, являются эмоционально нейтральными и не выражают переживаний и настроений человека. К лексике, способной передавать эмоциональное состояние говорящего, И.В. Арнольд относит междометия, ласкательные и бранные слова, поскольку «только они передают одобрение и неодобрение, признание или восхищение, насмешку, иронию...» [Арнольд, 1959, с. 95].

Аналогичного мнения придерживался и сам В.И. Шаховский, говоря, что номинация эмоций не является эмотивом, но представляет собой лишь логическую мысль о нем [Шаховский, 2019]. Однако позже, как отмечает

ученый, это положение было пересмотрено, и в настоящее время номинации эмоций, наряду с лексикой, описывающей и выражающей эмоциональные состояния, «составляют систему лексических эмотивных средств» [Шаховский, 2009, с. 34], поскольку имена эмоций являются потенциально эмотивными и эмоционально маркированными. В связи с вышесказанным в современной лингвистике в понятие эмотивности исследователи включают как эмотивную лексику, так и лексику эмоций.

В.И. Шаховский разрабатывает свою типологию эмотивной лексики, в основу которой положено разграничение понятий **эмотивное значение**, **эмотивная коннотация** и **эмотивный потенциал**. Различные комбинации указанных компонентов, по мысли ученого, формируют три группы эмотивной лексики: аффективы (слова, в которых эмотивное значение составляет единственный компонент их семантики – междометия, бранные слова, эмоционально-оценочные прилагательные и т.п.); коннотативы (слова, содержащие эмотивные семы наряду с основным логико-предметным значением); потенциативы или контекстуальные эмотивы (слова, которые приобретают эмотивное значение в зависимости от контекста и ситуации общения) [Шаховский, 1994, с. 20–21]. В соответствии с этим ученый говорит о существовании трех видов эмотивной семантики слова: собственно эмотивность, эмотивность как одна из реализаций семантики слова и ситуативная эмотивность [Шаховский, 2014, с. 14].

Как пишет В.И. Шаховский, в семантике слова можно выделить три компонента значения: логико-предметный, эмотивный и функционально-стилистический. От комбинации данных компонентов зависит характер эмотивности языковых единиц. Если в слове представлены эмотивный и функционально-стилистический компоненты, то лексическое значение данного слова эмотивно-аффективно; если присутствуют все три компонента – лексическое значение слова эмотивно-коннотативно; если же семантика слова представлена логико-предметным и функционально-стилистическим компонентом, то данное слово неэмотивно [Шаховский, 1994, с. 22]. Таким

образом, к эмотивным единицам языка ученый относит те слова, которые содержат в своем значении эмотивный компонент – «эмосему». Данное понятие было введено В.И. Шаховским для обозначения особого вида сем, «соотносимых с эмоциями говорящего и представленных в семантике слова как совокупность семантического признака “эмотивность” и семных конкретизаторов (“любовь”, “презрение”, “унижение”) и др.» [Шаховский, 1994, с. 20].

Большое внимание проблеме выражения эмоций с помощью лексических средств уделяла также Е.М. Галкина-Федорук, считая, что к эмоциональной лексике относятся как слова, называющие чувства и переживания человека, так и слова, выражающие отношение говорящего к явлениям действительности, положительное или отрицательное. Отмечая, что чувства и переживания человека могут передаваться посредством языка, жестов, мимики и других несловесных способов, Е.М. Галкина-Федорук к лексике, выражающей эмоции, относит слова, обозначающие чувства человека (*любовь, ненависть, любить, ненавидеть, дружба, вражда, грусть, печаль, веселье* и пр.); слова-характеристики, посредством которых выражается эмоциональное отношение к другим людям, явлениям, фактам (*негодяй, мошенник, родной, милый, дорогой* и пр.); нейтральные слова, употребляемые в переносном значении (*свет мой, солнце мое, осел, свинья* (о человеке) и пр.) [Галкина-Федорук, 1958, с. 105–106].

М.Н. Кожина выделяет несколько групп слов, имеющих эмоционально-экспрессивную окраску и составляющих особый фонд языка. К ним, в частности, исследователь относит слова, используемые преимущественно в устно-фамильярной, сниженной речи либо, наоборот, в книжно-торжественной (например, *лентяй, дерзновенный* и т.п.); многозначные слова, стилистически нейтральные в своем прямом значении, но наделяемые особой стилистической окраской в переносном значении, т.е. слова ситуативно стилистически окрашенные (например, о человеке: *медведь, ворона, осел* и т.п.); слова, приобретающие эмоциональное и экспрессивное звучание за счет аффиксации,

в большей степени – суффиксации (например, *мамочка, грязнулька* и т.п.). [Кожина, 2016, с. 222].

Е.М. Крижановская рассматривает эмоционально-оценочные слова как одну из разновидностей стилистически окрашенной лексики. Функцией эмоционально-оценочной лексики является сообщение адресату речи об эмоциональном состоянии адресанта. С точки зрения исследователя, эмоционально-оценочная лексика включает в себя: 1) слова, содержащие отрицательную или положительную эмоциональную оценку предмета речи (например, *счастливчик, верзила, гнусный* и т.п.); 2) слова, эмоционально возвышающие или принижающие предмет речи (например, *вершитель, изгнанник, плюхнуться* и т.п.); 3) слова, выражающие ироническое, фамильярное, шутовское, снисходительное или ласковое отношение к предмету речи (например, *бедняга, мордашка, заморыш* и т.п.); 4) бранная лексика [Крижановская, 2016, с. 455].

Л.Л. Нелюбин, посвятивший множество работ вопросам общей и прикладной лингвистики, истории и теории перевода, к эмоциональной лексике относит четыре группы слов: 1) слова, имеющие выраженную языковыми средствами эмоциональную окрашенность; 2) бранные слова; 3) междометия; 4) слова, обозначающие чувства, настроения, переживания или являющиеся средством выражения эмоциональной оценки [Нелюбин, 2003].

Н.Ф. Михеева, российский лингвист, специалист в области романских, германских языков и сопоставительной лингвокультурологии, говоря о лексических средствах эмотивности, отмечает, что к ним, наряду с метафорами и фразеологическими конструкциями, относятся междометия и усилительные частицы [Михеева, 2010].

Ю.Д. Апресян в качестве основы для классификации эмоциональной лексики использует принцип синонимических рядов, отображающих эмоциональный мир человека. Так, ученый выделяет следующие группы слов, выражающих эмоции: 1) базовая лексика, обозначающая эмоции и представленная глагольными синонимическими рядами и соответствующими

им существительными, прилагательными, наречиями (например, *удивляться, восхищаться* и *удивление, удивленно, удивленный, восхищение, восхищенно, восхищенный* и т.п.); 2) лексика, не обозначающая эмоции в прямом смысле, но включающая в свое значение «указание на различные эмоциональные состояния субъекта в момент выполнения какого-то действия или нахождения в каком-то состоянии» (например, синонимический ряд *любоваться, заглядеться, засмотреться*); 3) слова, употребляемые в метафорическом значении и обозначающие определенный физический симптом чувства [Апресян, 1995, с. 51].

Особое внимание Ю.Д. Апресян уделяет метафоре как средству толкования эмоций. Исследователь отмечает, что языковые средства выражения эмоций в высшей степени метафоричны, поскольку эмоция практически никогда не передается прямо, но уподобляется чему-либо. Использование метафоры в качестве способа выражения внутреннего состояния говорящего связано со сложностью вербализации чувств и переживаний, в связи с чем возникает необходимость уподобления одного явления другому, которое более понятно и знакомо адресату [В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, 1995, с. 455].

С точки зрения В.Ю. Апресян и Ю.Д. Апресяна, для выражения внутренних, душевных переживаний говорящий нередко прибегает к использованию телесных аналогов, уподобляя то, что недоступно прямому наблюдению (эмоциональный мир человека), тому, что может наблюдаться непосредственно (телесные проявления): «Реакция души на страх очень сходна с реакцией тела на холод» (ср., *холод пронизал его тело – страх пронизал его душу*) [В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, 1995, с. 459]. Таким образом, реакции тела могут являться ключом к происходящему в душе человека, способствуя более адекватному и полному восприятию эмоционального состояния говорящего адресатом.

Испанский философ Х. Ортега-и-Гассет, размышляя о метафоре как необходимом орудии мышления, подчеркивает, что в лексике содержится не

так уж много слов, которые бы с самого начала обозначали феномены психики, и практически вся современная психологическая терминология основана на метафоре. Как пишет философ, посредством объектов, доступных нашему разуму для понимания, конкретных предметов обыденной жизни мы можем составить себе понятие об объектах абстрактных, сложных, трудноуловимых, тех, которые находятся на самых отдаленных участках нашего «концептуального поля»: «Объекты, к нам близкие, легко постигаемые, открывают мысли доступ к далеким и ускользающим от нас понятиям. Метафора удлиняет “руку” интеллекта; ее роль в логике может быть уподоблена удочке или винтовке» [Ортега-и-Гассет, 1990, с. 72]. Слова, имеющие конкретное значение, мы приспособляем к тому, чтобы обозначить явления психологического порядка.

К лексическим способам выражения эмотивности исследователями, кроме метафоры, относятся и другие средства словесной образности (эпитет, метонимия и пр.), а также фразеологизмы, синонимы, антонимы, стилистически окрашенная лексика и т.д.

Так, в частности, о метафорической образности фразеологических единиц как одном из важнейших источников эмоциональности и экспрессивности речи пишет в своих работах М.Н. Кожина. Исследователь показывает, что в экспрессивно-эмоциональном аспекте фразеологические единицы образуют группы с различной стилевой окраской и способны передавать чрезвычайно многообразные оттенки значения, в связи с чем их роль в процессе выражения внутреннего состояния человека, его чувств, эмоций, настроения очень значима. К примеру, фразеологизмы могут передавать неодобрительное, ироничное, шутовское, грубое, восторженное отношение говорящего к окружающим его людям или явлениям, и их возможности в этом, по сравнению со свободными лексическими конструкциями, гораздо выше [Кожина, 2016, с. 238–239].

Как было показано нами выше, для классификации эмотивной лексики исследователями используются разные основания. В соответствии с принципом, взятым за основу классификации, могут быть выделены различные классы

эмотивной лексики. Согласно Л.Г. Бабенко, одному из ведущих российских специалистов в области лингвистики эмоций, классификация эмотивной лексики может базироваться как на анализе собственно категориально-лексических сем эмотивности, так и на сочетании эмотивных сем разных классов – категориально-лексической семы с категориально-грамматической либо категориально-лексической с категориально-семантической семой и т.д. Результатом классификаций, построенных на разных основаниях, могут стать различные эмотивные классы слов: грамматические, денотативные, лексико-семантические, коннотативно-эмотивные и дифференциально-эмотивные [Бабенко, 1989, с. 62–63]. Основное внимание Л.Г. Бабенко уделяет анализу грамматических классов эмотивной лексики, которые формируются на основе сочетания лексической и грамматической сем эмотивности.

1.3.3. Грамматические средства выражения эмотивности

В работе «Лексические средства обозначения эмоций в русском языке» (1989) Л.Г. Бабенко рассматривает шесть грамматических классов эмотивной лексики, соответствующих традиционно выделяемым морфологическим классам слов: эмотивные глаголы, эмотивные существительные, эмотивные прилагательные, эмотивные наречия, эмотивные слова категории состояния и эмотивные междометия.

Как пишет исследователь, наиболее продуктивной частью речи с точки зрения передачи эмотивности является глагол, что объясняет преобладание в языке глагольной эмотивной лексики. Глагол может выражать оттенки чувств и переживаний человека, эмоции передаются глаголом «как состояние (*грустить*) и как становление состояния (*влюбиться*), как отношение (*любить*) и как воздействие (*влюбить*), а также как внешнее проявление эмоций (*целовать, обнимать*)» [Бабенко, 1989, с. 65]. Эмотивные существительные могут обозначать отвлеченные чувства (*печаль, страсть, грусть*); эмотивные

качества, отвлеченные от их носителя (*апатичный, миролюбивый*); лицо, испытывающее эмоции или являющееся источником эмоций для другого человека (*оптимист, любимец*). Эмотивные прилагательные ориентированы, прежде всего, на отражение психических свойств и состояний человека, передавая его прямо либо косвенно (*грустный человек и грустный пейзаж*). Эмотивные наречия выполняют функцию эмоционального сопровождения, характеризуя разнообразные действия (*грустно смотреть*) и признаки (*грустно-томные глаза*). Среди эмотивных слов категории состояния прослеживается тенденция изображения негативных эмоций – тоски, страха, одиночества, горя и т.п. (*горестно, отвратно, сумрачно и т.д.*). Каждая грамматическая группа слов имеет свои особенности, связанные с их морфологическими характеристиками, однако все они объединяются общей функцией – отражение эмоциональной сферы человека.

Иной подход к рассмотрению эмотивного потенциала разных частей речи представлен в работе Б. Тошовича «Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербского/хорватского языков» (2006). Говоря об экспрессивных возможностях глагола, исследователь подразумевает и его способность выражать эмотивные смыслы, подчеркивая, что эмотивное значение является важным компонентом экспрессивности: «эмоция предшествует экспрессии» и «каждое экспрессивное является эмоциональным» [Тошович, 2006, с. 408]. Поскольку экспрессивные возможности частей речи проявляются в контексте фразы, предложения или словосочетания, исследователь предлагает говорить не об экспрессивной морфологии существительных, глаголов, прилагательных и т.д., а об экспрессивном синтаксисе данных частей речи.

Б. Тошович отмечает, что в русской грамматической традиции части речи рассматриваются в основном в рамках морфологии, а не синтаксиса, однако в сербской/хорватской грамматической традиции значение и употребление частей речи изучаются в разделах «синтаксис падежей» и «синтаксис глаголов» [Тошович, 2006, с. 76]. Так, по мысли ученого, глагол является одновременно и синтаксической, и морфологической категорией, и его экспрессивность

проявляется как на уровне морфологии, так и на уровне синтаксиса, который, в свою очередь, напрямую соотносится со стилистическими характеристиками высказывания, следовательно, «если мы хотим осознать общий экспрессивный потенциал глагола (да и каждой части речи), нужно отказаться от рассмотрения в рамках узких языковых категорий (морфологических, синтаксических и т.д.), и рассматривать его как грамматико-стилистическую целостность (единство), состоящую из словообразовательных, морфологических и стилистических характеристик» [Тошович, 2006, с. 77].

Высказывая тезис о том, что слово, словосочетание и предложение, как основные синтаксические единицы, обладают огромными экспрессивными возможностями, Б. Тошович отмечает, что «экспрессивный потенциал синтаксиса значительно шире, чем морфологии» [Тошович, 2006, с. 410]. С мнением ученого согласны многие лингвисты, о чем свидетельствует большой интерес исследователей разных стран к анализу синтаксических конструкций, направленных на выражение чувств и эмоций человека.

В российской лингвистике одним из ведущих специалистов в области эмотивных возможностей синтаксиса является Л.А. Пиотровская, предложившая термины «эмотивные высказывания» для обозначения синтаксических конструкций, в которых доминирует намерение субъекта речи выразить свои эмоции, и «эмотивный синтаксис» для описания синтаксической подсистемы, включающей в себя модели построения эмотивных высказываний [Пиотровская, 2015]. Главной задачей эмотивных высказываний, с точки зрения исследователя, является не сообщение какой-либо информации и не побуждение собеседника к какому-либо действию, а выражение эмоциональной оценки по отношению к чему-либо или общего эмоционального состояния.

Л.А. Пиотровская выделяет три класса эмотивных высказываний, различающихся основным способом формирования эмотивного значения:

1. Эмотивные высказывания, построенные по типизированным эмотивным синтаксическим моделям (например: *Вот так история!; Ну и люди!*

и т.п.). Данные высказывания обладают высокой степенью фразеологизации, суть которой заключается в том, что эмотивное значение синтаксической конструкции передается не отдельными компонентами, а всей моделью в целом.

2. Эмотивные высказывания, имеющие специализированные (лексические) маркеры эмотивности. Под специализированными маркерами эмотивности понимаются такие компоненты, изъятие которых не приводит к нарушению грамматической структуры высказывания, однако полностью меняет его коммуникативный замысел (например, ср.: *Это я-то испугался?* и *Это я испугался?*; *Неужели и здесь небезопасно?* и *Здесь небезопасно?*).

3. Эмотивные высказывания, омонимичные высказываниям других коммуникативных типов и отличающиеся от них интонационным оформлением. В зависимости от интонации подобные высказывания могут быть либо эмоционально окрашенными, либо эмоционально нейтральными (например, ср.: обращение *Костя!* и эмотивное высказывание *Костя!*, выражающее упрек) [Пиотровская, 2015].

Лингвистами отмечается, что возможности синтаксиса в плане выражения внутреннего состояния человека и его отношения к излагаемому неисчерпаемы [Кузнецова, 2012, с. 777]. М.Н. Кожина называет синтаксис одним из «богатейших источников речевой выразительности» [Кожина, 2016, с. 277]. Для усиления эмотивности в речи могут быть использованы самые разные синтаксические конструкции и их особенности – порядок слов, средства связи, необычные случаи употребления главных и второстепенных членов, вводные слова, обращения и т.д., а также всевозможные стилистические фигуры (или так называемые средства поэтического синтаксиса [Кожина, 2016, с. 276]): эллипсис, антиэллипсис, усечение, позиционно-лексический повтор, парцелляция, анафора, анастрофа, антитеза, анаколупф, градация, полисиндетон и т.д. [Кузнецова, 2012, с. 777].

Несмотря на то что внутренний мир человека с трудом поддается вербализации, язык оказывается способным передать многоплановость эмотивного содержания за счет богатства своих элементов и их творческого

сочетания. Исследователями подчеркивается, что одна и та же языковая единица может быть рассмотрена как эмотивное средство разных языковых уровней – лексического и словообразовательного, морфологического и синтаксического и т.д. Так, Б. Тошович пишет об эмотивном синтаксисе глагола, а М.Н. Кожина, выделяя разные группы эмоционально-экспрессивной лексики, отмечает, что слова, приобретающие эмоциональное и экспрессивное звучание за счет аффиксации, как правило – суффиксации (например, *мамочка, грязнулька* и т.п.), в большей степени относятся к явлению не столько лексическим, сколько словообразовательным [Кожина, 2016, с. 222].

Словообразование, наряду с другими эмотивными средствами, играет важную роль в процессе вербализации эмоций. Говоря о стилистических возможностях русского языка, М.Н. Кожина сердцевинной стилистических ресурсов словообразования считает суффиксы и префиксы субъективной оценки, имеющие эмоционально-экспрессивный характер. К ним исследователь относит, в частности, уменьшительно-ласкательные суффиксы, суффиксы со значением увеличения, пренебрежительности, презрительности и др. Слова, образованные посредством аффиксов субъективной оценки, наделяются яркой эмоциональностью и экспрессивностью и могут передавать эмоциональные оттенки неодобрения, презрения либо, наоборот, восхищения, удивления (например, *добрый – предобрый, дорога – дороженька, книга – книжонка, грязь – грязьце* и пр.) [Кожина, 2016, с. 242–243].

О возможности выражения чувств с помощью особых эмоциональных аффиксов (суффиксов субъективной оценки) пишет также Е.М. Галкина-Федорук. К примеру, уменьшительно-ласкательные суффиксы в словах женского, мужского и среднего рода могут использоваться для выражения ласкового чувства, благожелательного отношения к человеку или явлению: *березонька, нянюшка, листочек, дружочек, блюдечко, солнышко* и др. [Галкина-Федорук Е.М., 1958, с. 106].

В.И. Шаховский, рассматривая типы значений эмотивной лексики, отмечает, что, наряду с коннотативами (т.е. словами всех частей речи в

метафорическом употреблении, которые исследователь называет тропеизированными эмотивами), эмотивный компонент значения содержат слова, образованные с помощью аффиксов эмотивно-субъективной оценки (эмотивные дериваты). Несмотря на то что при данных условиях формирование эмотивности происходит за счет средств разных языковых уровней, сущность эмотивности в обоих случаях совпадает и заключается в отображении «в семантике слова типизированного эмоционального отношения говорящего к миру (объекту речи)» [Шаховский, 1994, с. 23].

Однако исследователь указывает и на существенное отличие тропеизированных эмотивов (коннотативов) и эмотивных дериватов, которое обусловлено, в частности, местом коннотации в структуре лексического значения слова. У тропеизированных эмотивов коннотация в виде эмотивной семы, соотносящейся с определенной эмоцией, сопровождает метафорическое значение слова (например, *свинья* о неопрятном, грязном человеке), а у эмотивных дериватов коннотация заключена в семантике аффиксов: «Эмотивность слов *девчушечка* и *поэтишка* является вторичной, но не метафорической по отношению к значениям “девочка” и “поэт”» [Шаховский, 1994, с. 24].

Словообразование представляет собой богатейший ресурс для проявления и передачи эмотивного значения. Словообразовательные средства эмотивности дополняют собой возможности других языковых уровней в процессе репрезентации эмоций. Именно изучению аффиксов, имеющих эмотивное значение и выражающих состояние говорящего или его отношение к предмету высказывания, будет посвящена следующая глава.

Выводы

Анализ теорий эмоций и представленных в науке подходов к определению данного понятия, а также основных положений эмотиологии и

основных средств выражения эмотивности позволяет сделать следующие **ВЫВОДЫ:**

1. Человеческие эмоции являются объектом изучения различных наук: психологии, философии, биологии, физиологии, социологии и лингвистики. Каждая из названных научных дисциплин предлагает свой подход к изучению эмоций, процесс познания внутреннего мира человека в силу его многогранности невозможен без взаимодействия разных наук.

2. В науке подчеркивается важность эмоциональной сферы человека, обозначается различие между познавательными и эмоциональными процессами, обосновывается статус эмоций как особого феномена переживания, играющего универсальную роль в жизни человека.

3. Эмоции находят отражение в языке. Интонация, выбор слов, синтаксическое построение высказывания, особенности словообразования во многом зависят от эмоционального состояния говорящего. Пытаясь выразить свои переживания, человек отбирает языковые средства, максимально соответствующие его чувствам и ощущениям.

4. Репрезентация эмоций в языке находится в фокусе внимания различных лингвистических дисциплин. Актуальность проблемы эмоций и способов их выражения в языке привело к возникновению специального лингвистического направления, такого как эмотиология (лингвистика эмоций, или эмотивная лингвистика).

5. В настоящее время лингвистика эмоций уделяет внимание целому ряду проблем: влияние эмоций на формирование языковой картины мира отдельного человека и социума в целом, связь эмотивности с национально-культурной спецификой речевого поведения; разработка критериев эмотивности языковых единиц; соотношение лингвистики и паралингвистики эмоций; описание синкретичных форм вербализации эмоциональных явлений; составление словарей эмотивов и баз, включающих в себя основные термины и понятия эмотиологии и т.д.

6. Базовыми понятиями эмотиологии являются «эмотивность» и «эмотив». Эмотивность понимается как имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики, отражение в семантике языковых единиц социальных и индивидуальных эмоций.

7. Эмотив определяется как единица вербализации эмоций в коммуникации. В роли эмотивов могут выступать фонетические, лексические, грамматические (словообразовательные, морфологические, синтаксические), стилистические языковые средства. Наиболее полное и адекватное выражение эмотивного содержания достигается посредством сочетания в процессе коммуникации различных языковых средств.

8. Одной из ключевых проблем современной лингвистики является разграничение термина «эмотивность» с кругом близких понятий, таких как эмоциональность, экспрессивность, оценочность и пр. Главное отличие эмотивности заключается в том, что она является именно языковой категорией.

9. Категории экспрессивность и эмотивность представляют собой хоть и близкие, но автономные явления. Базовая функция эмотивности заключается в выражении эмоций и чувств говорящего, а в основе экспрессивности лежит интеллектуальное стремление убедить в чем-либо адресата. Представители эмотивной лингвистики признают существование неэкспрессивной эмотивности, в то время как любое экспрессивное явление обязательно эмотивно.

10. Понятия «эмотивность» и «оценочность» разграничиваются на основании их функций: оценочность, связанная с определением значимости объекта или ситуации для говорящего, обладает аксиологической функцией, а для эмотивности, основной задачей которой является выражение эмоций, характерна аффективная функция.

11. Важную роль в процессе репрезентации эмоций, наряду с другими средствами эмотивности, играет словообразование. Наибольшим эмотивным потенциалом обладают суффиксы и префиксы субъективной оценки, к которым

относятся уменьшительно-ласкательные суффиксы, суффиксы со значением увеличения и др.

Словообразовательные средства выражения эмотивности в русском и сербском языках рассматриваются в следующей главе.

ГЛАВА 2. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОТИВНОСТИ В РУССКОМ И СЕРБСКОМ ЯЗЫКАХ

2.1. Русский и сербский языки: генетическое родство

2.1.1. История становления и развития русского и сербского языков

Россия и Сербия – страны, связанные тесными культурными, религиозными, историческими, политическими отношениями. Русский и сербский языки имеют общую культурную и языковую историю, в том числе историю формирования литературных норм.

Сербский и русский языки, как и остальные славянские языки, ведут свое начало из праславянского. Проблема происхождения славян и их древнейшая история являются одними из сложных вопросов, над разгадкой которых совместно трудятся лингвисты, историки, археологи, этнографы. Согласно имеющимся данным, начиная со второй половины I в. до н.э. племена, говорившие на славянских языках, населяли земли близ Днепра и Вислы. В I в. н.э. территории их проживания значительно расширяются, и после распада праславянского языкового единства ученые отмечают образование трех групп близкородственных языков: *восточной* («древнерусской» племенной общности), *южной*, представленной сербами, хорватами, словенцами, черногорцами, болгарами, бошняками, македонцами, и *западной*, к которой относятся поляки, чехи, словаки, лужицкие сербы, поморские славяне [Тошович Б., 2006, с. 21].

Классификация славянских языков, предполагающая их деление на три группы, была предложена в XIX в. русским ученым А.Х. Востоковым. Языки, относящиеся к каждой из трех групп, отличаются наибольшей общностью фонетических и морфологических черт, однако все славянские языки, несмотря на то что их разделение произошло в I тысячелетии н.э., до сих пор характеризуются большой близостью друг к другу, что проявляется в общих

корнях слов, аффиксах, структуре слов и предложений, в употреблении грамматических категорий и т.д.

Первым письменно зафиксированным литературным языком у славян, в том числе у русских и у сербов, стал старославянский язык. Известно, что этот язык был создан в середине IX в. в результате переводческой деятельности Кирилла и Мефодия и использовался славянскими народами до XI в. Целью создания письменного языка являлось распространение христианства на славянских землях, в связи с чем Кириллом и Мефодием была разработана особая алфавитная система, адаптированная для передачи славянских звуков, а также осуществлен перевод ряда богослужебных книг с греческого языка на старославянский. Старославянский язык, используемый всеми славянами, являлся наддиалектным и надэтническим образованием, имеющим только письменную форму. Позднее на его основе под влиянием произносительных особенностей отдельных территорий возникли национальные варианты, которые обозначаются как русский, сербский, болгарский и другие изводы церковнославянского языка.

Термин «старославянский язык» был введен в научный оборот в 1820 г. А.Х. Востоковым. Ученый употреблял данный термин для обозначения письменного языка, используемого славянскими народами на протяжении IX–XI вв. Целью введения данного термина было обособление языка древнейших славянских памятников от более поздних вариантов церковнославянского языка. До этого времени ученые не разграничивали язык, созданный Кириллом и Мефодием, и его более поздние изводы, используя по отношению к тому и к другому такие понятия, как «словенский», «славенский», «славянщина» и т.п. (Ю. Крижанич, М.В. Ломоносов, А.А. Барсов и др.). Для обозначения письменного литературного языка славян IX–XI вв. исследователи предлагали также такие термины, как «древнеславянский язык», «древнецерковнославянский язык», «древне/староболгарский язык» (Ф. Мареш, Н.И. Толстой, М.М. Копыленко, Н.А. Мещерский и др.) [Шушарина, 2017, с. 160–161].

Как отмечает Б. Тошович, сербы получили письменность между 867 и 974 гг., переняв старославянские книги от так называемой Охридской школы, созданной в Болгарии в IX в. [Тошович, 2006, с. 21]. Первоначально сербами на равных правах использовались два алфавита – кириллица и глаголица, однако в XII в. кириллица начала преобладать над глаголицей и в конце концов стала сербским национальным алфавитом. Самым известным памятником сербской письменности данного периода является Мирославово Евангелие (XI в.), представляющее собой кириллическую рукопись на 174 листах.

Со второй половины X в. сербы в качестве письменного языка начинают использовать сербский вариант церковнославянского языка. На этом языке писали литургические, правовые, литературные тексты, а также жития святых. Этот язык являлся литературным языком сербов с конца XII до первой половины XVIII в. Но с приходом турок на территорию Сербии (с середины XV до XVIII в. Сербия находилась под властью Османской империи) на протяжении XV, XVI и XVII веков литературный (письменный) язык «консервируется», т.е. остается таким, каким был до турецкого нашествия. В данный период активно велись попытки архаизации языка и его приближения к греческим корням («гуманизм в языке»), но турки этот процесс приостановили. Центрами развития культуры и языка в это время являлись сербская церковь и монастыри.

В XVII в. под сильным турецким давлением (в результате крупных австрийско-турецких сражений) сербы начали переезжать на север и заселять южную часть Габсбургской империи. Австрийцы оказывали сильное давление на сербов, заставляя их принимать униатство, но сербская церковь и народ сопротивлялись. После переселения сербы остались без богослужебных книг и без возможности книгопечатания, и поэтому во второй четверти XVIII в. по приглашению митрополита сербского к ним начали приезжать русские учителя, чтобы образовывать их. С собой они привозили книги (не только богослужебные), написанные на так называемом славяно-русском

(*рускословенски*) языке (русском изводе старославянского языка), который около 1730 г. заменил сербославянский (*српскословенски*) язык.

Поскольку в основе славяно-русского языка лежали русский и церковнославянский языки, он сербскому народу был непонятен. Его знали немногочисленные образованные люди, писавшие на нем литературные произведения. В связи с этим сербы все громче начали говорить о необходимости приближения письменного языка к народному, и многие писатели стали вносить в него характеристики сербского разговорного языка. Первым сербским писателем, выступившим за использование народной сербской речи в литературе, считается Досифей Обрадович (1739–1811). Он был одним из первых образованных людей, который старался писать на «народном» языке. Таким способом начинается образование нового извода сербского языка – так называемого «славяносербского языка» (*славеносрпски језик*).

В конце XVIII и начале XIX в. главной характеристикой сербского письменного языка являлся полный беспорядок, который сохранился до реформы языка, осуществленной Вуком Стефановичем Караджичем. Сава Мркаль в 1810 г. в своем главном произведении «Сало толстого ера или же азбучные перестановки» предлагал удалить из алфавита все лишние буквы, которые в «народном» языке уже не имели соответствующих звуков (например, «ять», «ъ»). С этого начиналась крупнейшая реформа сербского языка. Последователь Савы Мркаля, Вук Стефанович Караджич, пошел дальше: он положил народный язык в основу литературного языка; пользуясь правилом «одна буква – один звук», удалил из языка мягкий знак, создал новые буквы (Љ, Њ, Ћ, Ђ), из латинского алфавита позаимствовал букву «j» (соответствует русскому «й»), а из старых румынских текстов букву «ц» (до этого времени звук «дж» существовал, но буквы не было); опубликовал первую грамматику сербского языка («Писменица сербскога језика» 1814 г.) и первое собрание сербских народных песен («Мала простонародна славеносербска пјеснарица»), а также первый словарь сербского языка (1818 г.), содержащий 26 270 слов (без

цензуры), а потом и второе издание словаря сербского языка, в состав которого вошло 47 500 слов. Долгое время эта реформа вызывала сопротивление церкви, и она официально была принята только через четыре года после смерти реформатора, т.е. в 1868 г.

В XIX в. среди славянских лингвистов становится популярной идея создания единого славянского языка, употребление которого смогло бы сблизить славянские народы и предотвратить возможные конфликты. В свое время, роль объединяющего начала сыграл язык, созданный Кириллом и Мефодием. В XVII в. попытку создания «всеславянского» языка осуществил хорватский ученый Юрий Крижанич, находившийся в ссылке в Тобольске. В своей работе «Грамматическое изыскание о русском языке (идея всеславянского языка)» («Грамматично изказанье об руском езику», 1661) Ю. Крижанич представил модель чисто славянского языка, освобожденного от всевозможных заимствований. Основу лексики данного языка составляли слова общеславянского происхождения, а также элементы русского, сербского и хорватского языков. В начале XIX в. о важности создания общего для славян языка высказывался словацкий ученый Ян Геркель («Основы общего славянского языка», 1826), а в 1850 г. сербскими, хорватскими и словенскими филологами, такими как Вук Караджич, Джуро Даничич, Иван Кукулевич, Димитрие Деметер, Франьо Миклошич, было подписано Венское литературное соглашение, целью которого являлось объединение южнославянских народов посредством создания общего литературного языка. За основу единого языка славянские лингвисты предложили взять штокавский диалект с иекавским произношением как наиболее распространенный среди южных славян. Существующие различия в алфавитах и написании слов предлагалось сгладить за счет унификации различных морфологических норм и некоторых изменений в орфографии.

Близость южнославянских языков давно подчеркивалась исследователями. Свидетельством этого является, в частности, тот факт, что уже в начале XIX в. появился термин «сербскохорватский язык». Впервые его

употребил немецкий филолог Якоб Гримм в 1824 г. при переводе «Малой сербской грамматики» Вука Караджича. В 1836 г. словенский лингвист, один из основателей славяноведения Ерней Копитар в своих работах использовал термины «сербскохорватский» и «хорватосербский» язык (*serbochorvatica sive chorvatoserbica*). После создания в 1918 г. Королевства сербов, хорватов и словенцев, а затем Югославии в 1931 г. официальным государственным языком был объявлен сербскохорватскословенский язык.

В 1954 г. известными лингвистами, писателями и филологами Сербии, Хорватии, Черногории, Боснии и Герцеговины было подписано Новисадское соглашение (в г. Нови-Сад), утверждающее однородность языков сербов, хорватов и черногорцев и признающее их равноправие. Основным результатом Новисадского соглашения явилась разработка нового свода орфографических правил, изданного в 1960 г. и устанавливающего существование сербохорватского и хорватско-сербского языков – двух вариантов одного языка.

Со временем, из-за неодинакового подхода к лексике (в основном из-за различного подхода к заимствованным словам, источникам заимствованных слов, склонности к неологизмам, а потом и хорватского желания языкового различия), появились восточный и западный варианты одного языка. В 1967 г. хорватскими лингвистами была принята Декларация о названии и позиции хорватского литературного языка и провозглашении хорватского языка отдельным энтитетом. С этого времени официальное название «сербохорватский» или «хорваткосербский» в Хорватии превращается в хорватский литературный язык, пока в остальных частях Югославии остается прежним, и появляется много новых слов (неологизмов) в хорватском варианте, чтобы отличить новый энтитет от сербского, восточного варианта.

С распадом Югославии, в результате политических и военных действий, в Сербии пропадает необходимость в общем (т.е. старом) названии языка, и термин «сербохорватский» заменяется термином «сербский язык». Создание новых отдельных литературных языков было обусловлено не лингвистическими, а политическими и социолингвистическими причинами, в

результате чего на просторах бывшего сербохорватского речевого пространства сегодня существуют четыре языка – сербский, хорватский, боснийский и черногорский, которые, по сути, являются одним, который в своих работах хорватский лингвист Снежана Кордич называет полицентричным языком, с четырьмя центрами – в г. Белграде (г. Нови-Саде), г. Загребе, г. Сараеве и г. Никшиче (Подгорице) [Кордич, 2010]. В настоящее время в Хорватии, Боснии и Герцеговине используется латиница, а в Сербии и Черногории распространены кириллица и латиница, однако официальным алфавитом в Сербии признается кириллица, что отмечено в ныне действующей конституции Республики Сербии, принятой в 2006 г.

Как отмечалось нами выше, в развитии сербского литературного языка было немало пересечений с русским литературным языком, и история их формирования имеет много общих черт. Русский литературный язык, как и сербский, берет свое начало из старославянского языка – языка древнейших переводов греческих богослужебных текстов на славянский язык. Созданный для распространения христианской идеи, старославянский язык уже в X–XI вв. начинает использоваться и как язык науки и литературы.

Историческим продолжением старославянского языка на Руси стал церковнославянский язык восточнославянского извода, сформировавшийся в результате усвоения старославянских традиций в древнерусских условиях. Уже в XI в. церковнославянский язык становится книжно-литературным языком восточных славян и играет эту роль вплоть до XVIII в. На нем не только осуществлялись переводы богословской литературы, но и создавались оригинальные, непередаваемые тексты древнерусской литературы разных жанров. Церковнославянский язык был языком наддиалектным и нормированным. Кроме того, ему была присуща определенная стилистическая дифференциация, в результате чего появлялись варианты текстов с более или менее строгим соблюдением нормы [Ремнёва, 2012, с. 20].

В зависимости от жанра литературы, уровня образованности писца и ряда других факторов в церковнославянский текст проникали элементы бытовой

русской речи, живого разговорного языка, существующего и развивающегося параллельно с литературным языком. Неоднородность языка памятников древнерусской литературы позволяет многим исследователям, в частности известнейшему русскому лингвисту и литературоведу В.В. Виноградову, говорить о существовании на Руси дуализма в сфере письменно-словесного выражения [Виноградов, 1982, с. 10]. Вплоть до конца XVII – начала XVIII в., по мысли ученого, состояние русского языка может быть охарактеризовано как «книжно-разговорное двуязычие» [Виноградов, 1982, с. 6], при котором роль книжного языка играл церковнославянский язык на русской основе, а роль разговорного – русский язык, использующийся в бытовой речи. Живой народный язык нередко употреблялся для написания деловой и светской литературы, в связи с чем академик В.В. Виноградов, наряду с описанием церковнославянского литературного языка, говорил в своих работах о существовании народнорусских и церковнославянских элементов в различных текстах, а также о русской письменно-деловой речи [Виноградов, 1982, с. 6].

О смешанном характере языка многих важнейших древнерусских памятников писал также выдающийся русский филолог Б.А. Ларин, отмечая, что такие тексты, как «Слово о полку Игореве», произведения Владимира Мономаха, летописи, «Послание» Даниила Заточника и т.п., не относятся ни к духовной, ни к деловой литературе, и, следовательно, для анализа их языкового состава не подходит утверждение о том, что церковные книги писались на церковнославянском языке, а деловые – на древнерусском. Б.А. Ларин утверждал, что «мы имеем дело со смешанным характером языка в ряде наиболее важных и ценных памятников» и что «именно русский язык *сложного* состава характерен для памятников XII–XIII вв.» (курсив Б.А. Ларина) [Ларин, 1975, с. 23].

До конца XVII в. церковнославянский язык был широко распространен на Руси, и его знание свидетельствовало об образованности человека. По словам Генриха Лудольфа, автора русской грамматики, изданной на латинском языке в Оксфорде в 1696 г., в России «разговаривать надо по-русски, а писать по-

славянски», поскольку «ни писать, ни рассуждать по вопросам науки и образования» невозможно без использования церковнославянской лексики [цит. по: Виноградов, 1982, с. 11]. Однако, как отмечает В.В. Виноградов, во второй половине XVII в. резко проявился внутренний распад церковнославянского языка [Виноградов, 1982, с. 6]. Б.А. Ларин также говорит о том, что со второй половины XVII в. начинается период становления русского национального языка [Ларин, 1975, с. 7].

В XVIII в. в России остро заявила о себе проблема формирования национального самосознания, в связи с чем возникла необходимость создания нового литературного языка, ориентированного на живой разговорный язык. С этого времени церковнославянский язык становится только языком церкви.

В течение всего XVIII в. усиливается влияние на русский язык западноевропейских языков, а также расширяются состав и функции делового стиля, в литературе и деловой переписке усиливается русское разговорное начало. Важнейшим шагом к созданию литературного языка на русской почве стала петровская реформа орфографии 1707–1710 гг., введение так называемого гражданского шрифта, в результате чего церковнославянская графика перестала восприниматься как норма литературности.

Важное значение для формирования русского литературного языка имела деятельность Н.М. Карамзина. Стараясь создать новый слог русской литературной речи, оторваться от грамматической традиции церковнославянского языка, Н.М. Карамзин стремился в своих произведениях сблизить письменный язык с живой разговорной речью. Русский писатель выдвинул положение о необходимости «писать, как говорят, и говорить, как пишут» [Виноградов, 1982, с. 197], которое впоследствии в несколько измененном виде было обосновано сербом Вуком Караджичем. Однако в отличие от Вука Караджича, считающего, что основой сербского литературного языка должна стать речь простого народа, Н.М. Карамзин в качестве образца предлагал принять разговорный язык образованного общества. Высокую оценку деятельности Н.М. Карамзина для развития и формирования русского

литературного языка дал В.В. Виноградов, подчеркивая, что Карамзин указал русскому языку новое направление, «по которому пошли такие замечательные писатели, как Батюшков, Жуковский, Вяземский, Баратынский. Даже язык Пушкина многим обязан был реформе Карамзина» [Виноградов, 1982, с. 198].

Основоположником современного русского литературного языка считается А.С. Пушкин, творчество которого, по словам В.В. Виноградова, установило грань между старой и новой Россией и разрешило основные спорные вопросы и противоречия, которые возникли в истории русского литературного языка допушкинской эпохи и не были устранены литературной теорией и практикой до первого десятилетия XIX в. Язык Пушкина смог уравновесить основные стихии русской речи и способствовал творческому взаимопроникновению и слиянию «всех жизнеспособных элементов русского литературного языка предшествующего периода с общенародными формами живой разговорной речи и со стилями устной народной словесности, фольклора» [Виноградов, 1949, с. 187].

2.1.2. Русский и сербский языки: сходство и различие языковых систем

Описывая историю развития русского и сербского языков и говоря об их родстве, следует рассмотреть их общие и отличительные черты на различных уровнях языковой системы.

Общее происхождение всех славянских языков из одного источника, как отмечает Г.О. Винокур, привело к тому, что при всех многочисленных различиях грамматическая структура и словарный состав славянских языков обнаруживают очень глубокое сходство [Винокур, 1959, с. 11]. Такое «глубокое сходство» обнаруживают и рассматриваемые нами русский и сербский языки.

Исходя из цели нашего исследования, рассмотрим сходство и различие грамматических систем русского и сербского языков. Прежде всего отметим, что словообразование этих языков имеет много общего, однако в сербском

языке сохранилось больше древних форм, утраченных русским языком. Состав частей речи рассматриваемых языков одинаков и включает в себя шесть знаменательных (имя существительное, имя прилагательное, местоимение, имя числительное, глагол, наречие) частей речи и четыре служебных (предлоги, союзы, частицы, междометия) (таблица 1). В сербском и русском языках самостоятельные части речи (кроме наречия) являются изменяемыми, служебные части речи представляют собой неизменяемые классы слов [Klajn, 2005, с. 45].

Таблица 1

Части речи в сербском и русском языках

	Сербский язык	Русский язык
1	Imenice	Имена существительное
2	Pridevi	Имена прилагательное
3	Zamenice	Местоимения
4	Brojevi	Имена числительное
5	Glagoli	Глаголы
6	Prilozi	Наречия
7	Predlozi	Предлоги
8	Veznici	Союзы
9	Rečce	Частицы
10	Uzvici	Междометия

Имена существительные в сербском и русском языках характеризуются грамматическими категориями рода (м.р., ж.р., ср.р.), числа (ед.ч., мн.ч.), падежа, одушевленности/неодушевленности. В сербском языке, в отличие от русского, сохранилась форма звательного падежа, однако, по замечаниям исследователям, в настоящее время наблюдается тенденция ее обобщения с именительным падежом [Бошковић, 1990, с. 143]. Категория одушевленности/неодушевленности, формирование которой изначально было связано с необходимостью разграничения субъекта и объекта действия, в сербском языке выражена в меньшей степени, чем в русском, и свойственна

только существительным мужского рода в единственном числе (ср.: *nema druga* (Р.п. ед.ч.) – *vidim druga* (В.п. ед.ч.) и *nema drugova* (Р.п. мн.ч.) – *vidim drugove* (В.п. мн.ч.).

В зависимости от рода существительного и парадигмы его изменения по падежам в сербском и русском языках выделяются три типа склонения. Распределение существительных по типам склонения в русском и сербском языках можно считать аналогичным. Так, в сербском языке к первому склонению относятся существительные мужского рода, имеющие в Им. п. ед. ч. нулевое окончание, и существительные среднего рода (напр., *drug, zakon, ime, dete*); ко второму склонению относятся существительные мужского и женского рода, имеющие в Им. п. ед. ч. окончание *-a* (напр., *sudija, žena*); к третьему склонению относятся существительные женского рода, имеющие в Им. п. ед. ч. нулевое окончание (напр., *ličnost, so, misao*) [Стеванович, 1986, с. 15]. В русском языке, как и в сербском, к первому склонению относятся существительные мужского рода с нулевым окончанием в Им. п. ед. ч. (напр., *конь, край, нож, шалаш*) и существительные среднего и мужского рода, имеющие в Им. п. ед. ч. окончания *-o* (орфографическое *-o/-ё/-e*) и *-e* (напр., *окно, ружье, поле, бытие, домишко, дружище*); ко второму склонению относятся существительные женского рода с окончанием *-a* (орфографическое *-a/-я*) (напр., *туча, земля*), а также существительные мужского и общего рода с таким же окончанием в Им. п. ед. ч. (напр., *староста, судья, обжора, сирота*); к третьему склонению относятся существительные женского рода, имеющие в Им. п. ед. ч. нулевое окончание и основу на парно-мягкую согласную или на шипящую (напр., *кровать, ткань, площадь, ночь*), а также существительные среднего рода на *-мя* с окончанием в Им. п. ед. ч. *-a* (орфографическое *-я*) (напр., *время, имя, пламя*) и существительные среднего рода *дитя* и мужского рода *путь* [Русская грамматика, 1980, с. 481–482]. Небольшие отличия заключаются в том, что сербские аналоги русских существительных среднего рода на *-мя* заканчиваются на гласную *-e* (*ime* 'имя', *vreme* 'время', *pleme* 'племя'...) и

относятся к первому склонению, в отличие от русских, которые относятся к третьему, а также слова *dete* 'дитя' и *put* 'путь'.

Универсальность категории рода, присущая старославянскому языку и проявляющаяся в способности существительных сохранять свою родовую принадлежность во всех числах и падежах, претерпела значительные изменения как в русском, так и в сербском языках. В русском языке произошла полная нейтрализация родовых отношений в формах множественного числа (ср.: *шторы, столы, дома, окна – новые*). В отличие от русского языка, в сербском языке в Им. п. мн. ч. сохраняется исконное грамматическое значение рода (ср.: *mali đaci* (м.р.), *male devojčice* (ж.р.), *mala sela* (ср.р.), однако в других падежах множественного числа оно также нейтрализовано [Пипер, Клајн, 2013, с. 61].

Имена прилагательные в русском и сербском языках характеризуются грамматическими формами рода, числа, падежа, могут иметь полную и краткую формы, а также степени сравнения. В русском языке полную и краткую форму могут иметь только качественные прилагательные; при этом краткие прилагательные не изменяются по падежам. В сербском языке полная и краткая формы также свойственны качественным прилагательным, однако и некоторые относительные прилагательные (например, обозначающие материал) могут иметь краткую форму. Кроме того, в сербском языке краткие формы качественных прилагательных сохраняют парадигму склонения, утраченную русским языком.

Имена числительные в сербском и русском языках могут быть количественными, порядковыми и собирательными. Порядковые числительные в обоих языках склоняются как полные прилагательные, однако количественные числительные в сербском языке, по сравнению с русским, в большей мере выражают тенденцию к утрате парадигмы склонения. Так, в частности, количественные числительные от 1 до 4 (и все, которые заканчиваются на 1, 2, 3 и 4) в сербском языке изменяются по падежам. Что касается собирательных числительных, то в сербском языке, по сравнению с

русским, они могут выражать любое неограниченное количество предметов (например, *četrdeset sedmoro* – «47», *osamdeset devetoro* – «89» и т.д.).

Наибольшие различия в русском и сербском языках имеет глагольная система. Утраченная русским языком сложная разветвленная система глагольных форм, свойственная праславянскому языку, была сохранена в сербском. Кроме настоящего, сербский язык имеет четыре древние формы прошедшего времени (аорист, имперфект, перфект, плюсквамперфект) и две формы будущего времени (будущее I и будущее II) [Пипер, Клајн, 2013, с. 166]. Из четырех форм прошедшего времени в современном сербском языке самой употребительной является перфект, который может заменять собой другие глагольные формы (в частности, имперфект и плюсквамперфект). Аорист, имперфект и плюсквамперфект чаще встречаются в текстах художественной литературы, а в разговорной речи используются гораздо реже.

Синтаксическая система сербского и русского языков также имеет как общие, так и отличительные черты, анализировать которые мы не будем, так как это не вписывается в проблематику нашего исследования. Обратимся к лексическим составам рассматриваемых языков, которые имеют много общих древних корней, а также более поздних общих заимствований из тюркских и западноевропейских языков.

В целом основные группы древнейших общеславянских культурных терминов в сербском и русском языках представляют собой воспроизведение общего индоевропейского фонда. Как отмечает Г.О. Винокур, к ним относятся, например, названия важнейших степеней родства (*мать, дочь, сестра, сноха, деверь* и т.д.), наименования различных технических процессов (*писать, тесать, шить, вить, печь* и т.д.), наименования жилищ и селений (*дом, двор* и т.д.), наименования различных видов скота (*овца, свинья* и т.п.). Однако сербский и русский языки имеют и многие специфически славянские слова. К примеру, слова *конь* (или *комонь*) и *пес* не имеют соответствий в других индоевропейских языках. При этом интересно, что русский язык как раз для обозначения этих животных употребляет особые, не известные у других славян

названия *лошадь* и *собака*, заимствованные в более позднее время с востока [Винокур, 1959, с. 15–16].

Географическое расположение Сербии и ее исторические контакты с окружающими народами, отразившиеся в лексике, позволяют исследователям характеризовать сербский язык как «перекресток культур» [Малых, 2011, с. 68]. В сербском языке имеется много заимствований из восточных языков (турецкого, арабского, персидского и пр.), а также греческого, латинского, немецкого, французского, английского, венгерского, русского и др. Многие исконные слова, сохраняющиеся в русском языке, в сербском языке были вытеснены заимствованиями (ср.: рус. *взрыв* – серб. *eksplozija*; рус. *склонение* – серб. *deklinacija* и др.).

В русском и сербском языках можно выделить несколько групп близких слов, имеющих разное происхождение. Среди них, в частности, можно назвать общеиндоевропейскую лексику, в том числе заимствованную из латинского и греческого языков (например, серб. *demokratija* – рус. *демократия*, серб. *manastir* – рус. *монастырь* и др.). Кроме того, в русском и сербском языках есть огромное количество слов, имеющих общеславянское происхождение и сохраняющих исконное значение (например, рус. *вода* – серб. *voda*; рус. *хлеб* – серб. *hleb*; рус. *дерево* – серб. *drvo*; рус. *учить* – серб. *učiti*; рус. *земля* – серб. *zemlja* и др.).

В качестве отдельной группы лексики можно выделить так называемые ложные когнаты [Малых, 2011, с. 70], т.е. слова, имеющие близкое звучание или написание, но отличающиеся лексическим значением. Много подобных слов можно выделить среди славянской языковой группы. Например, в сербском языке слово *zasada* означает «до сих пор», *poklon* – «подарок», *pravo* – «прямо», *bukva* – «слово», *skoro* – «недавно», *vredan* – «ценный, достойный, трудолюбивый» и др. (в русском языке, как известно, данные слова имеют другое значение).

Родство сербского и русского языков обусловило также близость их словообразовательных систем. Одним из наиболее распространенных способов

образования новых слов в обоих языках является **аффиксация**. Большинство аффиксов являются праславянскими по происхождению и общеславянскими по распространению, что во многом было связано с частотностью их использования в старославянском языке (по замечаниям исследователей, в древнейших славянских памятниках можно выделить свыше ста словообразовательных аффиксов разной степени продуктивности [Ремнёва, 2012, с. 482]).

Словообразовательные системы современного русского и сербского языков характеризуются многообразием способов и средств создания новых лексических единиц разных частей речи. Более подробно этот вопрос будет освещен нами в следующем параграфе.

2.2. Словообразование в русском и сербском языках

2.2.1. Основные способы словообразования в русском и сербском языках

Сопоставление русского и сербского языков проводится лингвистами уже более ста лет. Основоположником сопоставительного изучения русского и сербского (сербскохорватского) языков считается Радован Кошутич (1866–1949), автор фундаментальных работ по фонетике, морфологии и лексикологии русского языка, родоначальник сербской научной русистики, а также полонистики и богемистики [Терзич, 2010, с. 39]. Наиболее значимыми работами в этой области являются также труды по русистике и теолингвистике Ксении Кончаревич, исследования по фонетике и морфологии Веры Николич, русско-сербский словарь Боголюбa Станковича, включающий 55 тыс. слов, и др. Контрастивному анализу русского и сербского языков посвящены работы Предрага Пипера и Богдана Терзича, которые особое внимание уделяют терминологии контрастивной лингвистики, разработке методологии сопоставления разных славянских языков, важности диахронического подхода при изучении языков одной родственной группы и др.

Кроме вышеупомянутых сербских лингвистов сравнительным анализом русского и сербского языков занимались такие сербские языковеды, как Б. Чович, Л.И. Чович, Р. Мароевич, Е. Матияшевич, Д. Войводич, Д. Мирич и др. Большинство исследований было проведено и опубликовано в Белградском университете, что имело особое влияние на рост престижа обучения русскому языку в Сербии [Николич, 2016, с. 31–32]. Начиная с 2009 г. в Белграде начал издаваться сборник научных трудов «Русский язык как инославянский», включающий в себя работы исследователей разных стран, посвященные актуальным вопросам методики и технологии обучения русскому языку и русской культуре в инославянском окружении, а также вопросам сопоставительного анализа русского и других славянских языков.

Словообразование славянских языков в сопоставительном аспекте только начинает изучаться специалистами, причем изучается оно в основном с чисто синхронических позиций. Одним из основополагающих выводов, к которому пришли ученые, занимавшиеся славянским словообразованием и с синхронических, и с диахронических позиций, можно считать заключение о чрезвычайной близости всех славянских языков именно в их словообразовательных системах.

Словообразование пронизывает все уровни языка, обладает исключительной подвижностью, характеризуется большим количеством и разнообразием структурных единиц, множественностью и коммуникативной значимостью функций, в связи с чем является одной из наиболее сложных и важных языковых систем. Термин «словообразование» в лингвистике употребляется для обозначения словообразовательного строя языка и для наименования раздела языкознания, объектом изучения которого являются процессы словопроизводства [Земская, 2016, с. 5]. Кроме того, выделяются два подхода к изучению словообразовательной системы языка – синхронный (синхронический) и диахронический (исторический). Синхронное словообразование исследует отношения сосуществующих единиц на определенном этапе развития языка, диахроническое – процессы превращения

одних единиц в другие, изменения, происходящие в языке и структуре слова на протяжении какого-либо промежутка времени.

Основные особенности словообразования у славянских народов сформировались еще в эпоху их языкового единства. К общеславянским словообразовательным универсалиям относятся, в частности, одинаковые способы словопроизводства, одинаковые разновидности морфологического способа (префиксация, суффиксация, префиксально-суффиксальный способ), более или менее одинаковые словообразовательные средства, в том числе нулевые морфемы, наличие продуктивных аффиксоидных типов словопроизводства, типов сложения и сращения слов и т.д.

В настоящее время в языкознании дифференцируются синхронные и диахронные способы словообразования. Синхронные способы словообразования отражают отношения единиц, сосуществующих на определенном этапе развития языка, а диахронные показывают процессы превращения одних единиц в другие с течением времени. Как отмечает Е.А. Земская, понятие «способ словообразования» при диахроническом подходе используется для ответа на вопрос, при помощи какого средства (или каких средств) образовано производное слово, а при синхронном подходе оно показывает, с помощью какого средства (или каких средств) выражается деривационное (т.е. словообразовательное) значение производного слова [Земская, 2016, с. 176].

Согласно работам выдающегося русского лингвиста Н.М. Шанского, к диахронным способам словообразования относятся такие, как лексико-семантический, лексико-синтаксический, морфолого-синтаксический [Шанский, 1959, с. 133].

Лексико-семантический способ представляет собой образование новых слов в результате изменений в смысловой стороне уже существующего слова путем получения им новых значений или расщепления одного слова на два или более слова-омонима: «За одним звуковым комплексом, являвшимся ранее одним словом, в силу внутренних законов развития данного языка

закрепляются два или больше, непосредственно друг с другом не связанных (как основное и производное) значений» [Шанский, 1959, с. 133]. Например, в русском языке: *язык* (средство человеческого общения), *язык* (орган вкуса), *язык* (пленный) и *язык* (в архаическом значении «народ»); в сербском языке: *jezik* (средство человеческого общения), *jezik* (орган вкуса) и *jezik* (в архаическом значении «народ»), *grad* (город) и *grad* (осадки), *luk* (растение) и *luk* (оружие) и т.д.

Под лексико-синтаксическим способом понимается процесс создания нового слова из словосочетания посредством соединения двух или более слов. Например, в русском языке: *близлежащий* (из *близ* + *лежащий*), *якобы* (из *яко* + *бы*), *сегодня* (из *сего* + *дня*), *сумасшедший* (из *с* + *ума* + *шедший*) и т. д.; в сербском языке: *jedanput* (из *jedan* + *put*), *takozvani* (из *tako* + *zvani*), *kućevlasnik* (из *kuća* + *vlasnik*) и т.д.

Морфолого-синтаксическим способом словообразования является процесс перехода слова или отдельной словоформы в другую часть речи. Например, в русском языке: *благодаря* (предлог, образованный из формы деепричастия от глагола *благодарить*), *зря* (т.е. *напрасно*, наречие, образованное из деепричастия от глагола *зреть*), *мастерская*, *ученый*, *столовая*, *раненый* и т.п. (существительные, образованные из прилагательных посредством субстантивации), *суть* (т.е. *самое главное*, *существенное*; существительное, образованное от глагола *быть* в форме 3-го лица мн. числа наст. вр.); в сербском языке: *dežurni*, *bližnji*, *dragi* (существительные, образованные от прилагательных посредством субстантивации) и др.

К синхронным способам словообразования, в соответствии с классификацией, представленной в «Русской грамматике» (1980), относятся следующие:

1. Способы образования слов, имеющих одну мотивирующую основу (суффиксация, в том числе нулевая; префиксация; постфиксация; префиксация в сочетании с суффиксацией, в том числе нулевой; префиксация в сочетании с

постфиксацией; суффиксация в сочетании с постфиксацией; субстантивация прилагательных и причастий).

2. Способы образования слов, имеющих более чем одну мотивирующую основу (сложение, или чистое сложение; сложение в сочетании с суффиксацией; сращение; аббревиация) [Русская грамматика, 1980, с. 136–137].

Если при синхронном словообразовании средством выражения деривационного значения производного слова являются аффиксы (аффикс), такой способ принято называть морфологическим. Морфологический способ словообразования считается наиболее продуктивным в русском и сербском языках. По словам Н.М. Шанского, данный способ является «богатым, поистине неиссякаемым источником пополнения словаря новыми словами» [Шанский, 1959, с. 133]. В качестве морфологических способов словопроизводства ученый рассматривает такие, как аффиксация (префиксальный, суффиксальный и префиксально-суффиксальный способы), сложение основ и безаффиксный способ. К последнему исследователь относит такие случаи словообразования, при которых основа образующего глагола или имени прилагательного без добавления каких-либо аффиксов становится основой имени существительного (например, *зелень, сушь, разбег, взмах, обжиг* и т.д.) [Шанский, 1959, с. 141].

С синхронической точки зрения Е.М. Земская в современном русском выделяет двенадцать способов словообразования, подразделяя их на аффиксальные (суффиксация, префиксация, префиксально-суффиксальный способ, нулевая суффиксация, префиксация в соединении с нулевой суффиксацией, сложение в соединении с суффиксацией, сложение в соединении с нулевой суффиксацией) и безаффиксные (чистое сложение, сращение, аббревиация, субстантивация, усечение основы) [Земская, 2016, с. 189].

Известный сербский лингвист, академик Иван Клайн в «Грамматике сербского языка» (2005) выделяет такие способы образования новых слов в сербском языке, как аффиксация (суффиксация и префиксация), сложение (или

композиция) и конверсия («преобразование, превращение») [Klajn, 2005, с. 175]. Среди них самым продуктивным способом словообразования в сербском языке, как отмечает И. Клайн, является суффиксация. Аффиксальным способам словообразования в русском и сербском языках посвящен следующий раздел. Сложение и конверсию мы не рассматриваем, поскольку эти способы не относятся к предмету нашего исследования.

2.2.2. Аффиксация как наиболее продуктивный способ словообразования в русском и сербском языках

Наиболее продуктивным, гибким и богатым видом словообразования в русском и сербском языках является аффиксация. Аффиксация как способ образования слов – это создание нового слова путем присоединения к основе образующего слова тех или иных словообразовательных элементов. В зависимости от того, какие словообразовательные элементы участвуют в образовании слова и как они присоединяются к образующей основе, в аффиксации, как правило, выделяется три разновидности: суффиксальный, префиксальный и суффиксально-префиксальный способы словообразования [Виноградов, 1975, с. 156].

Из них наиболее продуктивной разновидностью в русском и сербском языках является суффиксальный способ словообразования, характерный для всех категорий полных слов, активно пополняющихся новыми лексическими единицами. Под суффиксацией обычно понимается способ словообразования, при котором новое слово образуется посредством присоединения суффикса (суффиксов) к производящей основе. При этом способе словопроизводства деривационное значение передается с помощью суффикса и системы флексий производного слова [Земская, 2016, с. 181]. И. Клайн определяет суффиксацию как способ словообразования с помощью

суффикса, которым производное слово отличается от производящего [Пипер, Клайн, с. 220].

Употребляющиеся в русском и сербском языках суффиксы в преимущественно являются исконно славянскими, возникшими на базе существующего в них языкового материала или унаследованного ими из более древнего языкового источника. Уникальным для русского языка является суффикс *-чик/щик*, появившийся в XIV в. и не характерный для других славянских языков.

Слова, образованные посредством суффиксации, могут относиться как к той же части речи, что и производные, так и к другой. Так, например, в русском языке от имен существительных с помощью суффикса могут быть образованы существительные (*учитель – учительница, учительская*), прилагательные (*глаз – глазной, глазастый*), глаголы (*ленять – ленятьничать*), от имен прилагательных образуются существительные (*желтый – желток*), глаголы (*белый – белеть*), наречия (*красивый – красиво*) и т.д. В сербском языке имена существительные также могут являться словообразовательной базой для существительных (*ruka – rukav, rukavica*), прилагательных (*uzor – uzoran*), глаголов (*noć – noćiti*); глаголы участвуют в словообразовании существительных (*ćitati – ćitanje, ćitalac, ćitateljka, ćitaonica*), прилагательных (*ćitati – ćitljiv*) и т.д.

Каждая часть речи в русском и сербском языках имеет свой набор суффиксов, но наиболее богаты в этом отношении имена существительные и прилагательные. Особенно выделяются имена существительные, которые в русском и сербском языках могут быть образованы от существительных, прилагательных, глаголов, реже – от числительных и местоимений. В сербском языке возможно также образование существительных от наречий (например, *napred – napredak*). Значения многих суффиксов имен существительных в русском и сербском языках аналогичны. Можно выделить суффиксы со значением национальности, профессии, места действия, суффиксы с абстрактным и собирательным значением, суффиксы со значением действия или состояния, диминутивности, аугментативности, пейоративности и т.д. В

качестве примеров наиболее распространенных суффиксов существительных в русском и сербском языках можно назвать следующие:

– в сербском: *-ač, -l(a)c, -ac, -telj, -nik, -ar, -ak, -cija, -ista, -lo, -janin/-janka, -in/-inka, -ovina, -ćica, -je, -stvo, -inja* и др. (например, *nosilac, trgovac, vozač, učitelj, putnik, nastavnik, akademik, Poljak, Amerikanac, boginja, sveštenstvo* и т.д.);

– в русском: *-тель-, -ец, -чик-/щик, -л-, -ун, -ищ-, -к-, -ств-, -ок, -иц, -ик, -ость, -ист, -еньк-, -онок-/ёнок* и др. (например, *мечтатель, бомбардировщик, творец, зубрила, пугало, бегун, убежище, варка, руководство, прыжок, жалость, нелепица* и т.д.).

Распространенным способом словопроизводства в русском и сербском языках является также префиксация, т.е. образование слов путем присоединения префикса к производящему слову. Префиксация действует при образовании слов всех основных частей речи, но, в отличие от суффиксации, производное слово всегда относится к той же части речи, что и производящее. Например, в русском языке: *счастье – несчастье, умный – преумный, бежать – прибежать, быстро – пребыстро*; в сербском языке: *zakon – bezakonje, vazdušan – bezvazdušan, staviti – dostaviti, malo – nemalo*. Как видно из приведенных примеров, многие префиксы в русском и сербском языках имеют общеславянское происхождение и аналогичную семантику.

Префиксация как вид словопроизводства наиболее активна среди глаголов, которые посредством приставок образуют целые ряды слов. Например, в русском языке: *ехать – приехать, заехать, отъехать, приехать, переехать, въехать, подъехать* и т.д.; в сербском языке: *igrati – obigrati, zaigrati, naigrati, doigrati, poigrati, proigrati* и т.д.

Нередко в процессе словообразования в русском и сербском языках одновременно участвуют префикс и суффикс. В таком случае исследователи говорят о префиксально-суффиксальном способе словопроизводства. Внутри данного способа образования новых слов выделяют два подвида. В первом случае производящим является существительное с предлогом, который в составе производного преобразуется в приставку; одновременно с приставкой в

образовании производного слова участвует и суффикс. Например, в русском языке: *на столе – настольный, под окном – подоконник*; в сербском языке: *bez put – bespuće, bez kraj – beskrajan* и т.п. Во втором случае в качестве производящей используется основа какой-либо части речи, к которой одновременно присоединяются приставка и суффикс. В русском языке: *нос – переносица, курс – сокурсник*; в сербском языке: *staklo – zastakliti, um – naumiti*. Как в русском, так и в сербском языке суффиксально-префиксальный способ в наибольшей мере распространен среди глаголов [Пипер, Клайн, 2013, с. 239].

2.2.3. Словообразовательные процессы в современных русском и сербском языках

Рассмотренные выше типы словообразования, включая сложение, конверсию и аффиксацию, являются исторически устойчивыми и характеризуют как современное состояние русского и сербского языков, так и процессы, происходящие в предшествующие периоды их развития. Изменения, происходящие в словообразовательной системе русского и сербского языков, затрагивают в основном степень продуктивности тех или иных словообразующих и формообразующих элементов, т.е. расширение или, напротив, сужение их связей и производящих качеств.

В конце XX – начале XXI в. было опубликовано большое количество лингвистических трудов, посвященных исследованию словообразовательных процессов в различных славянских языках. Рост интереса к данной проблеме был обусловлен активизацией процессов словопроизводства в связи с появлением новых реалий и понятий и необходимостью их обозначения. Результатом проведенных исследований является вывод о значительном сходстве между основными процессами, протекающими в различных славянских языках [Земская, 2010, с. 211].

Тенденции, действующие в настоящее время в русском и сербском словообразовании, имеют много общего. Как отмечает Е.А. Земская, различия

между словообразовательными процессами касаются не сущности явлений, а состава действующих аффиксов [Земская, 2010, с. 253]. В общих чертах происходящие изменения в русском и сербском языках можно обозначить как перераспределение роли и функций разных способов словообразования. В частности, многие исследователи отмечают рост активности прежде периферийных способов словообразования. При сохранении высокой активности суффиксации, в русском и сербском языках резко возрастает роль таких способов словообразования, как префиксация, словосложение, аббревиация, производство сложносокращенных и составных наименований и т.д. [Ристич, 2010, с. 33–34; Драгиевич, 2016, с. 159; Чорич, 2010, с. 326; Земская, 2010, с. 211–212; и др.]. Как отмечает Елка Матияшевич, «возрастание композиции и аббревиации в XX веке, в особенности в его второй половине, – это одна из самых характерных черт языка уходящего века» [Матијашевић, 2019 А, с. 508].

Высокая продуктивность способов словообразования, ранее малораспространенных или не свойственных славянским языкам (распространение аналитических прилагательных, аббревиатур, сложных структур с иноязычными несклоняемыми формантами и т.п.), позволяет ученым говорить о проявлении тенденции к аналитизму и агглютинативности в славянских языках [Земская, Рудник-Карватова, 2010, с. 218; Бениньи, 2007, с. 68; Матијашевић, 2019 А, с. 508].

Анализируя процессы, происходящие в системе словообразования, лингвисты говорят о «расцвете префиксации» в славянских языках, в том числе в русском и сербском [Ристич, 2010, с. 33-34; Земская, 2010, с. 213]. Если Н.М. Шанский в 1959 г. писал о том, что большинство префиксов в русском языке являются исконными, а заимствованных немного и они непродуктивны [Шанский, 1959, с. 100], то в настоящее время активизируется использование как исконно славянских, так и заимствованных словообразовательных формантов. Среди наиболее употребительных заимствованных приставок как в русском, так и в сербском языках выделяются следующие: *анти-* (*anti-*), *супер-*

(*super-*), *a-*, *агро-*(*agro-*), *аква-* (*akva-*), *контр-* (*kontra-*), *евро-*(*evro-*), *пост-*(*post-*), *де-*(*de-*), *ре-*(*re-*), *квази-*(*kvazi-*), *мульти* (*multi-*, *мега-*(*mega-*), *псевдо-* (*pseudo-*) и т.д. (например, в русском: *антидиалог*, *суперэлемент*, *постцензурный*, *дестабилизировать*, *контраргумент* и т.д.; в сербском: *anormalnost*, *antimuzej*, *multiverski*, *superzvezda*, *ultrakatolik* и т.д.). Среди исконно русских приставок в настоящее время наиболее употребительными являются *про-*, *со-*, *сверх-*, *недо-*, *около-*, *пред-*, *без-*, *при-* и т.д. (например, *проколоть*, *совладелец*, *сверхидея*, *недочеловек*, *принаучный* и т.д.). В сербском языке широко распространены такие исконные приставки, как *не-*, *protiv-*, *полу-*, *пре-* и др. (например, *nedemokrata*, *polulik*, *polurečenica*, *protivgradni*, *prerazuman* и т.д.).

Продуктивность префиксации в русском и сербском языках усиливается также посредством процессов гибридизации, т.е. соединения исконно русских и исконно сербских морфем с заимствованными формантами. Например, в русском языке активный класс слов-гибридов составляют иноязычные глаголы с русскими приставками *от-*, *пере-*, *про-* и др. (*отксерокопировать*, *перепрофилировать*, *протестировать* и т.п.). В сербском языке большое количество слов-гибридов образуется при соединении иноязычных формантов *anti-*, *pseudo-*, *kvazi-*, *kontra-* с сербскими основами (например, *antitalenat*, *kvazisrbin*, *kontraargument* и т.п.).

Наряду с префиксацией, в русском и сербском языках наблюдается повышенная продуктивность различных суффиксов. Так, в частности, в русском языке в сфере имен существительных самую высокую активность проявляют отвлеченные существительные с суффиксами *-изация*, *-изм*, *-ость*, *-ство*, *-щина/-овщина* и т.д. (например, *монетизация*, *хиппи зм*, *русскость*, *диссидентщина*, *целительство* и т.д.) [Земская, 2010, с. 224–225]. В сербском языке также отмечается появление многочисленных словоформ с суффиксом *-zacija* и продуктивность суффиксов иностранного происхождения типа *-fobija*, *-filija*, *-oidan* (например, *akrofobija*, *albanofob*, *aristokratoidan* и т.д.) [Ристич, 2010, с. 36].

Исследователями подчеркивается также рост числа существительных, называющих носителей характерных особенностей, поступков, деятельности, в

том числе представителей определенных профессий и званий. Как пишет Е.А. Земская, в русском языке «за лидерство борются суффиксы *-ник* и *-щик*», производящие наименования лиц по характеру профессиональных занятий, социальному положению в обществе и т.п. (например, *льготник*, *бюджетник*, *однойзычник*, *компьютерщик*, *информационщик*, *диабетчик* и т.д.) [Земская, 2010, с. 232]. В сербском языке наблюдается особая активность суффиксации при образовании женских коррелятов от наименований мужского рода по виду профессиональной деятельности (например, *advokatica*, *taksistkinja*, *akademikinja*, *aktivistkinja*, *lingvistkinja*, *barmenka*, *hokejašica*, *profesorica/profesorka*, *pedagogica*, *veroučiteljica*, *prevodilica* и т.п.). По замечанию известного сербского лингвиста Ст. Ристич, большинство подобных наименований являются окказиональными или жаргонными, однако их популярность сказалась на распространении данного типа словообразования в сферы, не связанные с обозначением профессии, звания и т.п. (например, *frajerica*, *moralizatorka*, *propagandistica*, *bezveznica* и т.п.) [Ристич, 2010, с. 36–37]. В русском языке с начала XX в. также наблюдается количественный рост женских коррелятов, образованных, в том числе, посредством суффиксов *-их-* и *-ш-*, прежде имеющих исключительно сниженный характер (например, *лауреатка*, *клиентка*, *визуальщица*, *продюссерша*, *лифтерша*, *дилерша* и т.п.).

В настоящее время развитие лексики в русском и сербском языках сопровождается усилением процессов модификации, которые проявляются, в частности, в функционировании категории субъективной оценки. Так, в частности, для сербского языка характерен охват диминутивностью все новых групп существительных [Ристич, 2004, с. 37]; в русском языке уменьшительные производные также активны во всех сферах и обладают богатым набором суффиксов и выражаемых ими значений.

Учитывая направленность нашего исследования, в следующем параграфе мы более подробно остановимся на анализе словообразовательных средств выражения эмотивности в русском и сербском языках.

2.3. Словообразовательные формы выражения эмотивности в русском и сербском языках

2.3.1. Аффиксы как носители эмотивного значения в русском и сербском языках

Обращаясь к описанию русской языковой картины мира, многие исследователи говорят о высоком эмоциональном накале русской речи, богатстве языковых средств, способствующих выражению эмоций и эмоциональных оттенков. По словам всемирно известного лингвиста А. Вежбицкой, «русская культура относит вербальное выражение эмоций к одной из основных функций человеческой речи» [Вежбицкая, 1996, с. 43]. Разнообразие языковых средств выражения эмотивности, в том числе богатая система экспрессивного словообразования, отличает русский язык от ряда западноевропейских языков, в частности английского, но сближает его с другими славянскими языками и «отражает общую “эмоциональность” человеческих взаимоотношений в славянской культуре» [Вежбицкая, 1996, с 152].

Богатые возможности словообразования в русском и сербском языках, широчайший спектр словообразовательных формантов позволяют передать самые тонкие и глубокие эмоции человека, выделить и обозначить различные оттенки его переживаний и волнений, отразить его чувствования и ощущения. В процессе передачи эмоций оказываются задействованы все способы словопроизводства, однако наиболее продуктивными словообразовательными средствами выражения эмотивности в русском и сербском языках являются аффиксация (префиксация и, в особенности, суффиксация), а также сложение (композиция) и универбация [Ристић, 2004, с. 13].

Посредством словообразования в русском и сербском языках обогащается фонд эмотивной лексики – как именной (*ложечка, сверхсильный, кровопийца; levak, naduvenko, lažnoborac, krvopija*), так и глагольной (*загрустить, опечалиться, разочароваться; nakrcati se, bubnuti, guknuti*). По словам сербской

исследовательницы Станы Ристич, посвятившей множество работ изучению эмотивной лексики, в сербском языке именно существительные, наряду с глаголами, являются важнейшим средством выражения экспрессивности. В русском языке важную роль в выражении эмотивности играют также прилагательные. В частности, в русском языке широко распространены уменьшительные формы прилагательных, которые в других славянских языках употребляются реже [Вежбицкая, 1996, с. 54].

Русский и сербский языки, как и другие славянские языки, отличаются большим количеством аффиксов, обладающих ярко выраженным эмотивным значением и способствующих выражению чувств говорящего или его отношения к предмету высказывания. Как отмечает сербский филолог Ирена Грицкат, анализ многих суффиксов, имеющих эмотивное значение и активно используемых в современном сербском языке, свидетельствует о том, что они изначально составляли общеславянский фонд и применялись для выражения эмоционального отношения к понятию [Грицкат, 1995, с. 3].

Аффиксы, служащие для выражения внутреннего состояния говорящего и его отношения к предмету высказывания, в исследовательской литературе имеют разные обозначения. Так, к примеру, они могут характеризоваться как эмоционально-экспрессивные аффиксы; А.А. Шахматов, В.В. Виноградов и ряд других исследователей называют их суффиксами и префиксами субъективной оценки; В.И. Шаховский, подчеркивая наличие эмотивной коннотации в их семантике, описывает их как аффиксы эмотивно-субъективной оценки [Шаховский, 1994, с. 23]. Поскольку при образовании многих слов эмотивный компонент значения содержится именно в семантике аффиксов, такие префиксы и суффиксы могут рассматриваться как эмотивные, т.е. служащие для выражения субъектом речи своих эмоций.

Аффиксы эмотивно-субъективной оценки в русском и сербском языках являются, как правило, многозначными и в зависимости от контекста могут передавать различные оттенки значения. Так, по словам М.Н. Кожиной, употребление уменьшительно-ласкательных суффиксов «чаще всего

сопровождается экспрессией ласкательности», однако может также передавать значение пренебрежительности, презрительности, иронии. Использование увеличительных суффиксов обычно сопровождается экспрессией грубости, пренебрежения, неодобрения, но может также отражать восхищение и удивление говорящего [Кожина, 2016, с. 242].

Противоположные эмотивные коннотации, передаваемые аффиксами эмотивно-субъективной оценки, могут быть рассмотрены как мелиоративные и пейоративные. Мелиоративность (от лат. *melior* – лучший) и пейоративность (от лат. *pējor* – худший) как языковые категории, выражающие эмоционально-оценочное отношение говорящего к предмету речи, представляют собой два эмоциональных полюса – положительный и отрицательный. Мелиоративы, содержащие положительные коннотации, «способны создавать соответствующее эмоциональное настроение, порождать определенные ассоциации, соответствующим образом настраивать адресата речи на положительные ответные эмоциональные реакции» [Лескина, 2009, с. 78]. Пейоративы, напротив, являются носителями отрицательных коннотаций со значением неодобрения, иронии, осуждения, презрения, уничижения и т.п., способствуя тем самым выражению негативных эмоций и ощущений.

2.3.2. Мелиоративные значения: аффиксальные способы их выражения в русском и сербском языках

В исследовательской литературе под мелиоративами понимаются лексические единицы, «в семантике которых присутствуют семы положительных эмоций» [Коробова, 2007, с. 8]. Наиболее продуктивным словообразовательным способом выражения мелиоративности (т.е. эмоций любви, нежности, радости, восхищения, восторга, удивления и т.п.) в русском и сербском языках является аффиксация.

Среди префиксов, способствующих передаче положительных эмоций, можно назвать такие, как *супер-*, *наи-*, *сверх-*, *пре-*, *раз-/рас-* (в русском языке) и

mega-, super-, pre-, raz-/ras- (в сербском языке) и др. Например: *одаренный – сверходаренный, добрый – предобрый, веселый – развеселый; tudar – premtudar ‘мудрый – премудрый’, veseo – razveseo ‘веселый – развеселый’* и др. Каждый префикс включает в себе особую эмотивную коннотацию, которая обогащает слово дополнительными оттенками значения.

Так, в частности, префикс *най-* (*naj-*) в русском и сербском языках, присоединяясь к мотивирующей основе, усиливает эмотивную насыщенность слов и придает им значение высшей, предельной степени проявления качества. В русском языке префикс *най-* чаще всего присоединяется к формам превосходной степени имен прилагательных (*наибольший, наикрепчайший, наилучший, наиумнейший* и др.), в сербском языке данный префикс добавляется к формам сравнительной степени прилагательных, образуя формы превосходной степени (*najpoznatiji ‘самый известный’, najnoviji ‘самый новый’, najkraći ‘самый короткий’, najslabiji ‘самый слабый’* и др.) [Клајн, 2006, с. 76]. Сразу отметим, что в русском языке суффиксы *-айш/-ейш-*, участвующие в образовании превосходной степени имен прилагательных, также придают словам яркую экспрессивную окраску и могут участвовать в выражении внутреннего состояния говорящего, указывая на предельную степень проявления качества, признака, свойства (*прекраснейший, милейший, добрейший, чудеснейший, величайший, великолепеннейший* и т.д.).

Нередко префиксы, обладающие эмотивными коннотациями, употребляются в сочетании со сложением, что усиливает экспрессивность слова и увеличивает его эмотивно-оценочный потенциал: *большой-пребольшой, чудесный-расчудесный, милый-премилый; lepo-prelepo, dobro-predobro* и т.п.

Самым же продуктивным способом выражения мелиоративности в русском и сербском языках является суффиксация. Одним из наиболее важных критериев выделения мелиоративов исследователи считают наличие в слове диминутивных суффиксов, имеющих уменьшительно-ласкательное значение и отражающих доброжелательное, позитивное отношение к чему-либо [Коробова, 2007, с. 8]. Например, рус. *-очек* (*листочек: тут два суффикса: оч и ек*), *-к-*

(дитятко), -еньк- (реченька), -ушк- (избушка), -ик (домик) и др.; серб.: -ić-/-čić- – *anđelić/andělčić* ‘ангелочек’, *gradić* ‘городок’, -ćica – *zverčića* ‘зверушка’, -če – *golupče* ‘голубок’, *prozorče* ‘окошко’, -ence – *detence* ‘ребеночек’, *pilence* ‘цыплёночек’, -ak – *šumarak* ‘лесочек’, *oblačak* ‘облачко’ и др.). и др. Кроме того, в отдельных случаях положительные эмоции восхищения, удивления, похвалы могут передаваться посредством прибавления к производящей основе аугментативов – суффиксов со значением увеличительности. Например, -иш- (*дружишце*, *голосишце*), -ин- (*молодчина*, *домина*); -čin- – *drugarčina/lafčina* («*On je prava drugarčina* ‘Он настоящий дружишце’ / *On je prava lafčina* ‘Он настоящий львишце’»), *glaščina* («*Kakvu glaščinu ima...*» ‘Какой голосишце у него/нее’), -ušin- – *sestrušina* («*Naša velika sestrušina Rusija*» ‘Наша великая сестра Россия’ [Речник српскохрватскога књижевног језика, 1990, Т. 5, с. 745]).

2.3.3. Пейоративность и способы ее выражения в русском и сербском языках

В лингвистической литературе неоднократно отмечалось, что языковые средства, обозначающие негативные эмоции и оценки, во многом преобладают над положительно маркированными единицами. По замечанию Е.В. Скворцовой, исследующей лексико-семантические аспекты асимметрии положительной и отрицательной зон оценки на материале русского и английского языков, «слова негативной семантики имеют численное превосходство над словами позитивной семантики на уровне языка и речи» [Скворцова, 2012, с. 16]. Пейоративность в лингвистической литературе рассматривается как один из видов оценки, которая передается посредством эмоционально окрашенных языковых единиц. Отличительным признаком пейоративов является наличие эмотивной коннотации [Кулешова, 2013, с. 28], которая во многих случаях заключается именно в семантике аффиксов.

Наиболее эффективным словообразовательным способом выражения пейоративного значения, как и мелиоративного, является аффиксация. Очень

часто присоединяемый формант усиливает негативную коннотацию, содержащуюся в производящей основе, в связи с чем производное слово приобретает ярко выраженную эмотивно-субъективную окраску. В частности, добавление к эмотивным основам прилагательных и глаголов суффиксов *-уз-*, *-атин-*, *-ак-*, *-ец-* в русском языке и суффиксов *-džij-*, *-ija(n)*, *-ac* в сербском языке также способствует образованию негативно окрашенных наименований лиц и предметов (*глупец*, *пошляк*, *хитрюга*, *тухлятина*; *mazalo* 'мазила', *hvalisavac* 'хвастун', *siledžija*, *grubijan* 'грубиян').

Русский и сербский языки характеризуются большим разнообразием продуктивных словообразовательных моделей с пейоративно окрашенными суффиксами, обладающими широкими возможностями для выражения негативных эмоций и отрицательных оценок. С их помощью могут быть переданы значения презрения, уничижения, неодобрения, иронии, порицания и т.п. Так, в русском и сербском языках негативные эмоции могут выражаться с помощью особых пейоративных формантов, т.е. эмотивных суффиксов, употребляющихся преимущественно в негативном значении. В русском языке примерами пейоративных единиц могут быть такие, как суффикс *-щин-*, служащий для образования существительных женского рода, обозначающих бытовое или общественное явление, единичное лицо, с оттенком отрицательного отношения к нему (*деревенщина*, *банальщина*, *военищина* и т.п.); суффикс *-ня*, производивший от глагольной основы существительные со значениями хлопотливого, неприятного, длительного действия, орудия и продукта действия (*мазня*, *размазня*) [Виноградов, 1972]; суффиксы *-ак*, *-аст*, *-ан* со значением неодобрения (*гуляка*, *горластый*, *критикан*); суффиксы *-яй*, *-ыг* со значением презрения (*слонтяй*, *прощелыга*) и т.д. Кроме того, как пейоративный в лингвистической литературе принято описывать суффикс *-к-* — по словам А. Вежбицкой, самый многосторонний и неуловимый среди русских экспрессивных суффиксов [Вежбицкая, 1996, с 137] (*выскачка*, *недоучка* и т.п.). В сербском языке примерами пейоративных формантов могут выступать суффиксы *-онј-* (*glavonja* 'большоголовый человек'), *-улј-* (*mrtvuļja* 'дохлячка'), *-ис-*

(*pričalica* 'болтун') и т.п. Многие пейоративные суффиксы являются общими для русского и сербского языков (как и для других славянских языков). В частности, отрицательную эмотивную коннотацию неодобрения и презрения могут приносить в слово древнеславянские суффиксы *-lo/-la* (из **dlo*) при обозначении какого-либо лица (*мазила*; *kričalo* 'крикун'), суффиксы *-un* (*говорун*; *bogatun* 'богатеи'), *-an* (*критикан*; *slugan* 'прислужник'), *-ijan* (*грубиян*; *grubijan*) и др.

Нередко выразителями отрицательной эмотивно-субъективной оценки в русском и сербском языках оказываются аугментативные суффиксы. Так, к примеру, с помощью суффиксов *-ищ-*, *-ин*, придающих словам значение увеличительности, в русском языке может передаваться высшая степень эмоционального накала, отрицательная характеристика чего-либо или кого-либо с ярко выраженной эмотивной коннотацией неодобрения и презрения (*стыдобище*, *дурачина*). В сербском языке аугментативные суффиксы также участвуют в выражении пейоративных смыслов. В частности, при передаче негативных эмоций по отношению к какому-либо лицу в сербском языке продуктивными являются такие суффиксы, как *-etin-*, *-urin-*, *-ćin-* (например, *-etin-* – *budaletina* 'дурачище', *babetina* 'бабуца', *-in-* – *psina* 'псина', *đavolina* 'вражина', *-ćin-* – *seljačina* 'деревеничина', *podlačina* 'подлице, очень подлый' и др.). В качестве аугментативных суффиксов Иван Клайн в «Грамматике сербского языка» также выделяет такие, как *-in-*, *-ur-*, *-urd-* [Клайн, 2003, с. 182]; в словаре Матицы сербской помету *аугментативные* имеют также слова, образованные посредством суффиксов *-šin-*, *-erd-* [Речник српскохрватскога књижевног језика, Т.5, с. 589, с. 745]).

Для выражения отрицательного отношения говорящего к предмету высказывания в русском и сербском языках могут быть использованы также нейтральные или диминутивные суффиксы в пейоративном употреблении. В зависимости от контекста уменьшительные суффиксы могут приобретать отрицательные коннотации, внося в слово значение презрительности, уничижительности, иронии. В русском языке подобные значения могут

заключаться, в частности, в суффиксах –ушк-/юшк-, -енок/-онок, -ешк-/ошк- (лошаденка, пивнушка, рыбешка), в сербском языке – в суффиксах -ić-, -k-, -čić (slugica ‘прислужник’, paduvenko ‘зазнайка’, pisarčić ‘писака’ и др.). и др. Кроме того, диминутивные суффиксы могут указывать на низкую общественную репутацию человека (в хорватском варианте gosponček ‘господинчик’), низкую социальную ценность и непрофессионализм (doktorčić, lekarčić ‘докторишка’) и т.д. [Novak, Golub, 2016, с. 64].

В отличие от суффиксов, префиксы в русском и сербском языках гораздо реже участвуют в передаче негативных эмоций и оценок. В качестве примера в сербском языке можно назвать продуктивный префикс nadri-, синонимичный префиксу псевдо- (psevdo-) (от греч. pséudos – ложь, вымысел) и имеющий значение «ложный, мнимый» [Кулешова, 2013, с. 33] (например, nadriučenjак ‘псевдоученый’, nadrifilozof ‘псевдофилософ’, nadriadvokat ‘псевдоадвокат’, nadriduhovit ‘человек с ложным чувством юмора’, nadriduhovitost (прилагательное от nadriduhovit), nadrilekar ‘псевдолекарь, неквалифицированный врач’, nadriparametan ‘псевдоумник, глупец’, nadriknjiga ‘полуобразованный, недоученный человек’ и др.).

Кроме того, широкими возможностями передачи общего значения отрицания и его многочисленных подвидов в русском и сербском языке обладает префикс не- (ne-). В русском и сербском языках посредством данного префикса могут быть образованы слова со значением противоположности: nevelik ‘невеликий’, nedalek ‘недалекий’, nelep ‘некрасивый’, nedobar ‘нехороший’, nevažan ‘неважный’, neiskren ‘неискренний’ и др. В русском языке, в отличие от сербского, префикс не- может также иметь значение умеренного, некатегоричного отрицания: невысокий в значении «не очень высокий», небогатый – «не очень богатый». Как отмечает Ирена Грицкат, в современном сербском языке такие прилагательные, как nevisok, nebogat, воспринимаются как устаревшие или как русицизмы [Грицкат, 1995, с. 25].

2.3.4. Универбация как средство эмотивизации языковых единиц

Как уже было неоднократно подчеркнуто в нашей работе, суффиксация является очень продуктивным способом словообразования и создания эмотивного значения языкового знака. Действенным способом передачи эмоционального состояния и отношения к чему-либо в русском и сербском языках является суффиксация в сочетании со сложением, так называемая универбация, которую в настоящее время исследователи рассматривают как один из способов, наряду с аффиксацией и сложением, эмотивизации лексики, усиления ее эмотивного потенциала. Универбация представляет собой трансформацию сложной номинативной единицы в одно слово (универб, универбат) при помощи суффиксов (*анонимное письмо* – *анонимка*; *dokumentarni film* ‘документальный фильм’ – *documenatarac* ‘документалка’ и т.п.) [Чорич, 2010, с. 326]. Новообразованная единица сохраняет денотативное значение производящих основ и приобретает дополнительное, ярко выраженное коннотативное значение [Бабанов, 1994, с. 131–132]. Коннотативная семантика универба содержит комплексную информацию: репрезентативную (выделение объекта – некоего его свойства); эмотивно-оценочную (выражение эмоционального отношения к объекту речи) и стилистическую (экспрессивно-иллокутивный эффект) [Ристић, 2004, с. 191].

Универбация является одной из наиболее продуктивных, распространенных и популярных моделей словообразования в современных славянских языках, и ее активность отмечают многие исследователи, в частности, Е.А. Земская, А.В. Бабанов, Г.А. Николаев, М.В. Радченко, Е. Матияшевич, Дж. Оташевич, С. Ристич, Б. Чорич, М. Радованович и др. По словам Елки Матияшевич, сербского специалиста по морфологии, словообразованию и стилистике русского и сербского языков, универбация свойственна многим славянским языкам и является одним из проявлений общей тенденции к демократизации языка, которая усматривается в стремлении изменений и новых дериваций по направлению: от периферии к центру, из

диалектов, просторечия, жаргонов в литературный язык [Матијашевић, 2019 А, с. 506].

Как отмечает Н.В. Дьячок, термин «универбация» впервые был употреблен немецким лингвистом Карлом Бругманном в 1904 г. для обозначения звуковых единиц, возникших на основе словосочетаний, внешне цельнооформленных, но не обладающих содержательной изолированностью [Дьячок, 2010, с. 205–206]. Несмотря на активное использование термина «универбация» в исследовательской литературе, существуют и другие наименования данного явления. Так, к примеру, в русской исследовательской литературе, кроме универбации, представлены такие термины, как включение, стяжение или семантическая конденсация, семантическая компрессия. В сербской научной традиции для обозначения данного словообразовательного явления используются такие термины, как «универбација, универбизација, универбирање, сажимање, синтетичко сажимање, семантичка кондензација, компресија, формално сажимање, елипса» [Чорич, 2010, с. 326]. Однако наиболее широко в русской и сербской лингвистической литературе распространен термин *универбация* (и *универбализация* как один из его вариантов), а образованное данным образом слово называется *универб* или *универбат*.

Универбация реализуется в основном в разговорной речи. По замечанию Станы Ристић, универбы, как правило, являются стилистически маркированными единицами, демонстрирующими переход в неофициальный экспрессивный регистр коммуникации с ярко выраженным значением насмешки, иронии, неодобрения, шутки [Ристић, 2004, с. 190]. В словарях универбы обычно характеризуются как ненормативные единицы (окказионализмы, жаргонизмы), однако, обладая повышенной экспрессивностью, они активно проникают в другие функциональные стили, особенно в публицистическую речь.

Все универбы в русском и сербском языках можно разделить на две группы. К первой из них относятся универбы, содержащие эмотивно-

оценочную характеристику человека, его поступков, деятельности, особенностей темперамента и т.п. Например, рус. *оперативник* (*сотрудник оперативного отдела*), *генеральша* (*генеральская жена*), *богач* (*богатый человек*); серб. *emotivac* ‘эмоциональный человек’, *depresivac* ‘человек, склонный к депрессии, депрессивный человек’, *marginalac* ‘маргинальный человек’, *domac* ‘человек, живущий в доме-интернате’ и т.д. Ко второй группе относятся все остальные образования, не называющие определенное лицо, но характеризующие различные объекты окружающей действительности. Например, рус. *мобильник* (*мобильный телефон*), *эпоксидка* (*эпоксидная смола*), *зачетка* (*зачетная книжка*), *помойка* (*помойная яма*), *дежурка* (*дежурная часть*); серб. *anonimka* ‘анонимная доставка’, *snajperka* ‘снайперская винтовка’, *kauboјas* ‘фильм про ковбоев, ковбойский фильм’, *kgиријak* ‘крупный план’, *ljubić* ‘любовный роман’, *kgимиć* ‘криминальный роман, детектив’ и т.д.

Словообразовательная база универбов в русском и сербском языках достаточно широка. Чаще всего данные единицы образуются на основе сочетания существительного и прилагательного и представляют собой суффиксальные существительные. В сербском языке данные единицы образуются на основе сочетания существительного и прилагательного посредством суффикса *-njak*, а также суффиксов *-ac/-lac*, *-ać*, *-ar*, *-k-* и, реже, *-ić*, *-oš*, *-aš*, *-or*, *-an* (например, *minimalac* ‘минимальный личный доход’, *ustereņjak* ‘получающий специальное образование (в колледже, техникуме)’, *rolovņjak* ‘бэушный, подержанный’ и др.); в русском языке в образовании универбов участвуют такие суффиксы, как *-ик-*, *-к-*, *-ик/-ник*, *-лк-*, *-овк-*, *-ач*, *-ак/-як*, *-ша* и ряд других. Как правило, универбы образуются в результате сочетания двух компонентов, однако трехкомпонентные (и больше) словосочетания также могут быть базой для их создания: *безлимитка* (*безлимитная кредитная карта*), *вышка* (*высшая мера наказания*); *minimalac* («минимальный личный доход»), *ustereņjak* ‘получающий специальное образование в колледже, техникуме’) и т.д.

Очень редко универбы представляют собой глагольные образования, созданные по модели «глагол + существительное». Стана Ристич приводит следующие примеры таких единиц в сербском языке: *mitingašiti* ‘участвовать в митинге’, *menadžerisati* ‘заниматься менеджментом’, *čabrirati* ‘находиться в тяжелой ситуации’, *dramiti* ‘вести себя драматично’, *krizirati* ‘переживать кризис (обычно о наркомании)’ и др. Такие универбы образуются посредством суффиксов *-irati*, *-isati*, *-ašiti*, производящей основой многих из них являются фразеологические сочетания или жаргонная экспрессивная лексика, благодаря чему они имеют ярко выраженную стилистическую окраску и эмотивную коннотацию [Ристић, 2004, с. 195].

В русском языке также возможен процесс создания универбов по данной модели. Т.П. Белоусова, рассматривая способы универбации фразеологизмов в современном русском языке, приводит примеры универбов, созданных посредством постфиксации грамматически опорного компонента глагольной фразеологической единицы и суффиксации зависимого компонента глагольной фразеологической единицы: *трепаться* (*трепать языком*), *смотаться* (*смотать удочки*), *надрываться* (*надрывать горло*), *вольтить* (*тянуть вольтку*), *канителить* (*тянуть канитель*), *гробить* (*вгонять в гроб*) и др. [Белоусова, 2009, с. 65].

Таким образом, мы видим, что универбация в коммуникативном плане представляет собой процесс экспрессивизации языковых единиц – универбы функционируют как лексика с ярко выраженной эмотивно-оценочной коннотацией и стилистической окрашенностью. Реализация эмотивно-оценочного и стилистического потенциала употребляемого универба зависит от его денотативного значения и от условий коммуникации.

2.3.5. Эмотивный потенциал грамматических форм разных частей речи

Особенностью славянских языков, в том числе русского и сербского, является возможность представления внутреннего состояния человека как особого процесса, характеризующегося динамичностью, целенаправленностью, интенсивностью, длительностью, наличием временных фаз, отражающих различные стадии эмоционального переживания, и т.д. Процессуальный характер переживаний человека может быть выражен с помощью словообразовательных средств, а именно – глагольных префиксов, присоединяемых к эмотивным глагольным лексемам.

Известно, что префиксация глаголов в русском и сербском языках отличается большим богатством и выразительностью и ее возможности в передаче различных оттенков значения очень широки. Так, с помощью глагольных префиксов можно обозначить различные временные фазы переживания: начало эмоционального процесса (рус. *затосковать, взволноваться, встревожиться, вознегодовать, возрадоваться, развеселиться, расплакаться*, серб. *zaželeti, rasplakati, razveseliti, rastužiti se, obradovati se, ustalasiti*), ограниченность эмоционального переживания временным интервалом (целый час, день – рус. *проплакать, прогоревать*, серб. *proplakati, progovoriti*), его окончание (рус. *отгрустить, отгоревать, довеселиться, донервничаться*, серб. *izmičiti se, odvikati se*) и др. Как отмечает Е.В. Петрухина, специалист в области русского и славянского языкознания, возможность выражения «временных границ эмоционального и психического переживания, его интенсивности при помощи словообразовательных средств по продуктивным моделям» свидетельствует о процессуальном, динамическом представлении эмоций в русской языковой картине мира [Петрухина, 2002, с. 10].

Немалую роль в выражении эмоциональных переживаний человека в русском языке играют действительные и страдательные причастия настоящего и прошедшего времени, образованные посредством суффиксов *-ущ-, -ющ-, -ащ-, -ящ-, -виш-, -иш-, -ем-, -им-, -ом-, -нн-, -т-, -енн-* (*вдохновляющий – вдохновившийся – вдохновляемый – вдохновленный, страдающий – отстрадавший – выстрадавший, восхищающийся – восхитившийся – восхищенный, радующийся – порадовавшийся – обрадованный, тоскующий – истосковавшийся, обижающийся – обижаемый – обиженный* и др.). В сербском языке причастия в меньшей степени задействованы в выражении эмотивности, поскольку, как мы отмечали в предыдущем параграфе, в нем сохранилась только форма страдательных причастий прошедшего времени (*trpni glagolski pridev*), оканчивающихся на *-n (-na, -no), -en (-ena, -ono), -ven (-vena, -veno), -t (-ta, -to)* и соответствующих краткой форме в русском языке (*zaljubljen* от *zaljubiti se*, *nasmejan* от *nasmejati se* и др.) [Стеванович, 1986, с. 339].

В выражении эмоционального состояния в русском и сербском языках принимают участие также суффиксы имен прилагательных. В русском языке эмотивные прилагательные могут быть образованы, к примеру, от соответствующих имен существительных посредством суффиксов *-н* и *-лив*, имеющих значение «проявляющий то или наделенный тем, что названо производящей основой» (*нервный, радостный, печальный, стыдливый, тоскливый, счастливый* и др.), и эмотивно-оценочных суффиксов *-оньк-/ -еньк-, -ущ-/ -ющ-, -енн-*, передающих широчайшую палитру разных эмоциональных оттенков (*добренький, плохонький, миленький, несчастненький, злющий, страшный, обалденный (разг.)* и др.) [Земская, 2016, с. 296–297]. В сербском языке имена прилагательные, так же как и в русском, отличаются богатой системой суффиксов, многие из которых могут использоваться для передачи эмотивного значения. В качестве примера можно привести суффикс *-(a)n* – самый распространенный суффикс имен прилагательных в сербском языке (*srećan* ‘счастливый’, *radostan* ‘радостный’, *tužan, setan, četeran* ‘грустный,

печальный' и др.), а также множество суффиксов, имеющих диминутивное значение: *-(a)k*, *-ač(a)k*, *-ikav*, *-ičav*, *-aš(a)n*, *-ah(a)n* и др. (*poveličak*, *slabačak*, *blednjikav*, *bledičav*, *slabašan*, *malašan*, *malahan*, *živahan* и др.) [Клајн, 2003, с. 254-257].

Таким образом, анализ словообразовательных ресурсов русского и сербского языков свидетельствует об их широчайших возможностях в передаче внутреннего состояния человека, его переживаний и ощущений, эмоционального восприятия действительности. Эмотивный потенциал слова может усиливаться за счет использования различных словообразовательных ресурсов (сложение основ, аффиксация, универбация и др.), однако наиболее эффективным и продуктивным способом передачи эмотивного значения является суффиксация. Ведущую роль в выражении эмотивности в русском и сербском языках играют суффиксы субъективной оценки, среди которых особенно выделяются диминутивные суффиксы, т.е. суффиксы со значением уменьшительности, в русской лингвистической традиции чаще всего обозначаемые как уменьшительно-ласкательные.

Способность диминутивных суффиксов выражать широкий спектр как мелиоративных, так и пейоративных оттенков экспрессии обуславливает их распространенность и широкую употребительность в славянских языках. Особенности категории диминутивности и способы ее выражения в русском и сербском языках мы подробнее рассмотрим в следующей главе.

Рассмотренные выше родство русского и сербского языков, словообразовательные средства выражения эмотивности в обоих языках, а также современные словообразовательные процессы и эмотивный потенциал морфологических средств позволяют сформулировать следующие выводы.

Выводы

1. Современный русский литературный и современный сербский литературный языки имеют длительную общую языковую и культурную историю; рассматриваемые языки развивались в рамках общей славянской языковой группы, но сформировались как отдельные языки и, соответственно, отдельные лингвокультуры.

2. Политические и общественные процессы, происходящие на Балканах, ведут и к языковым изменениям, что вызывает интерес к исследованию современного состояния южнославянских языков и их сопоставлению с другими славянскими языками. В настоящее время под современным сербским языком понимается язык, который распространен на территории Сербии и частично на территориях Боснии и Герцеговины (Республики Сербской) и Черногории.

3. Основные особенности словообразования у славянских народов сформировались еще в эпоху их языкового единства, в связи с чем все славянские языки, в том числе русский и сербский, отличаются чрезвычайной близостью словообразовательных систем.

4. К общеславянским словообразовательным универсалиям относятся, в частности, одинаковые способы словопроизводства, одинаковые разновидности морфологического способа (префиксация, суффиксация, префиксально-суффиксальный способ), наличие продуктивных аффиксоидных типов словопроизводства, типов сложения и сращения слов и т.д. Среди всех способов словообразования в русском и сербском языках одним из наиболее распространенных является аффиксация.

5. Словообразовательные системы русского и сербского языков обладают богатыми возможностями выражения эмотивности. В процессе передачи эмоций задействованы все способы словопроизводства, из них наиболее эффективным является аффиксация, в особенности – суффиксация.

6. Русский и сербский языки, как и другие славянские языки, характеризуются богатством аффиксов эмотивно-субъективной оценки, способствующих выражению чувств говорящего и его отношения к предмету высказывания. Наибольшим эмотивным потенциалом в русском и сербском языках обладают суффиксы эмотивно-субъективной оценки, которые отличаются полисемичностью и способностью передавать различные оттенки экспрессии в зависимости от контекста.

ГЛАВА 3. ДИМИНУТИВЫ КАК НОСИТЕЛИ ЭМОТИВНОГО ЗНАЧЕНИЯ

3.1. Диминутивные формы в русском и сербском языках и их ЭМОТИВНОСТЬ

3.1.1. Диминутив и компоненты его значения

Как было отмечено нами выше, значительную роль в выражении эмоционального состояния говорящего в русском и сербском языках играют суффиксы субъективной оценки (по В.И. Шаховскому, *эмотивно-субъективной оценки*). По словам В.В. Виноградова, данные суффиксы способствуют передаче самых разнообразных оттенков экспрессии: сочувствия, иронии, пренебрежения, злобы, пестрой и противоречивой гаммы эмоций и оценок [Виноградов, 1972]. В зависимости от семантики номинации суффиксы субъективной оценки традиционно распределяются на две группы. К первой группе относятся диминутивы, имеющие уменьшительное значение. Ко второй – аугментативы, имеющие увеличительное значение [Русская грамматика, 1980; Klajn, 2003]. В лингвистической литературе данные суффиксы обычно обозначаются как «уменьшительные» и «увеличительные», однако, по словам А. Вежбицкой, эти наименования являются лишь ярлыками, за которыми «скрывается широкий спектр различных функций, природа и взаимодействие которых остаются загадкой» [Вежбицкая, 1996, с. 89].

Термин *диминутив*, относительно недавно получивший распространение в российской лингвистике, происходит от английского *diminutive* (ср. фр. *diminutif*, нем. *diminutiv*, исп. *diminutivo*), т.е. *уменьшительный*, «придающий значение уменьшительности, сопровождаемое эмоциональной окраской ласкательности или пренебрежения» [Ахманова, 1969]. В английский язык данный термин пришел из латыни: лат. *deminuo* – «уменьшать», *deminutus* – «малый, маленький», *deminutivus* – «уменьшительный», *deminutivum* –

«уменьшительное слово», *diminutive* – «в уменьшительной форме» и пр. [Большой латинско-русский словарь]. Различное написание данного термина в латинском и английском языках (ср. лат. *deminutive* и англ. *diminutive*) обусловило появление двух вариантов данного термина в русском языке – *деминутив* и *диминутив*.

Диминутив – это измененная форма слова, которая оценивает объект как маленький, меньший, небольшой, например, *дом* – *домик*, *гвоздь* – *гвоздик*, *рука* – *ручка* и т.п. Однако семантику размерности в чистом виде диминутивы передают крайне редко; чаще всего их значение осложнено положительной либо отрицательной субъективной оценкой и экспрессией. Диминутивные формы используются для называния чего-то любимого, милого, дорогого, или, наоборот, диминутивность вносит в высказывание значение пренебрежительности, снисхождения, уничижительности, включая указания на неточное описание признака, неполное его проявление или ограничение проявляемых свойств. Как отмечает Т.В. Шмелева, диминутивы – это «дериваты типа *свечка, листочек, кругленький, ничегошеньки* с семантикой размерности (уменьшительности) и субъективными смыслами, на основе которых возникает своеобразная экспрессия» [Шмелева, 2017, с. 313].

Диминутивы являются носителями эмотивного значения, выполняют функцию аккумуляции и трансляции эмоций. Вербальное выражение диминутивных значений возможно посредством различных языковых средств – фонетических, лексических, словообразовательных, синтаксических, и продуктивность их использования зависит от характера языка и его грамматической структуры. Так, в славянских языках, отличающихся богатством словообразовательных формантов, диминутивные значения передаются в основном посредством аффиксов эмотивно-субъективной оценки, так называемых диминутивных или уменьшительно-ласкательных суффиксов, которые, присоединяясь к словоформе, в определенных контекстах добавляют значение уменьшительности и/или эмоциональной оценки, характерной для семантического поля диминутива (симпатия, жалость, издевка, смягчение и

т.д.). В других языках (в частности, английском) возможность передачи эмоций посредством аффиксации ограничена, в связи с чем в них преобладают лексические и синтаксические способы формирования диминутивов.

Универсальность характера диминутивов и возможность их передачи средствами разных языковых уровней находит отражение и в интерпретациях термина «диминутив». Можно сказать, что существуют узкое и широкое толкование данного понятия. Так, в частности, если речь идет о диминутивности в русском языке, в качестве определяющего признака учеными, как правило, подчеркивается наличие в слове уменьшительных словообразовательных формантов. К примеру, в словаре «Эффективное речевое общение (базовые компетенции)» (2012) Т.В. Шмелева определяет диминутив как грамматический термин, обозначающий тип производных слов разных частей речи, содержащих в своей структуре уменьшительно-ласкательные суффиксы и суффиксы субъективной оценки [Шмелева, 2012, с. 145]. Иракский лингвист, доктор Акиль Яхья Хассан в работе «Категория диминутивности в русском языке» интерпретирует диминутивность как «особое языковое значение, связанное прежде всего с указанием на уменьшение размера объекта» и, как правило, выражаемое морфологически путем прибавления определенного аффикса к именной основе [Акиль, с. 87]. Сербский лингвист Ирена Грицкат определяет диминутивность как морфологическую категорию, первично выражающую значение уменьшительности, но под воздействием контекстуальной или стилистической ситуации приобретающую многомерные модификации [Грицкат, 1995, с. 1]. Однако в том случае, если исследование проводится на материале английского, немецкого, французского и др. языков или имеет сопоставительный характер, языковеды в основном прибегают к более широкому толкованию диминутивов, определяя их как «знаки, представляющие различные уровни языка, с наращенной семой «уменьшительности», включающие компоненты «ласкательности» и «уничижительности» для демонстрации полярности знака» [Слабко, 2015, с. 112].

3.1.2. История изучения категории уменьшительности в российской лингвистике

Хотя термин *диминутив* в российской лингвистике начал использоваться относительно недавно, то языковое явление, которое он обозначает, описывалось многими учеными, начиная с М.В. Ломоносова. В «Российской грамматике Михайла Ломоносова», изданной в 1757 г., автор говорит об именах *умалительных* и *увеличительных* в русском языке, при этом употребляет данные термины как кальки с лат. *deminutus*, *deminutivus* и *augmentatus*. Имена умалительные подразделяются М.В. Ломоносовым на *ласкательные* и *презирательные* и, с точки зрения ученого, могут быть представлены как существительными, так и прилагательными, а также именами собственными [Ломоносов, 1788, с. 103–104].

Н.И. Греч в «Практической русской грамматике» 1827 г. выделяет *уменьшительные* и *увеличительные* имена существительные, отмечая сопричастие в их значении двух компонентов – размерности и эмотивности (в современной терминологии): имена уменьшительные представляют «предмет меньшим против обыкновенного, со значением ли, что оный притом ничтожен и презрителен, или показывая, что оный, при малости своей, красив и приятен. Первые из сих имен уменьшительных именуются *уничижительными*, последние *приветственными*» [Греч, 1827, с. 27].

Большое внимание категории *уменьшительности* и *уменьшительным формам* слова уделяет К.С. Аксаков в «Опыте русской грамматики» 1860 г., рассматривая уменьшительные суффиксы как *уменьшительные окончания* первого, второго и третьего слоя. Описывая значения уменьшительных форм слова, К.С. Аксаков, так же, как и Н.И. Греч, отмечает, что данные формы могут указывать как на размер предмета, так и на отношение говорящего к нему. При этом К.С. Аксаков подчеркивает, что значение размерности может быть выражено автономно, без добавления экспрессивных компонентов: «Это уменьшительное просто показывает, что предмет меньше своего

обыкновенного вида» [Аксаков, 1860]. Однако нередко значение уменьшительности осложняется экспрессивным компонентом, поскольку значение *малого* напрямую соотносится со значением *милого*: «Чтобы представить предметы милыми, чтобы высказать ласкающее отношение, на них как бы наводится уменьшительное стекло, и они, уменьшаясь, являются милыми», «Кроме размера внешнего, уменьшительное выражает другое, отсюда вытекающее значение *милого*: *малому* свойственно быть *милым*» [Аксаков, 1860]. К.С. Аксаков также отмечает многозначность уменьшительных форм и многочисленность оттенков, выражаемых с их помощью: «Кроме *милого*, предмет принимает характер жалкого, бедного, робкого, возбуждающего о себе это сознание в говорящем» [Аксаков, 1860].

А.А. Потебня в работе «Из записок по русской грамматике» рассматривает уменьшительные и ласкательные формы слов, при этом подчеркивая, что не следует отождествлять *объективную уменьшительность* и *ласкательность*, которая может выражаться уменьшительной формой существительного или прилагательного и отражать «личное отношение говорящего к вещи» [Потебня, 1968, с. 71–74].

А.А. Шахматов в монографии «Синтаксис русского языка» (1927) выделяет различные грамматические категории существительных, в число которых входят *категория уменьшительности* [Шахматов, 1927, с. 17, с. 44] и *категория субъективной оценки*, позволяющая различать слова со значением увеличительным, уменьшительным, ласкательным, пренебрежительным [Шахматов, 1927, с. 34]. Таким образом, А.А. Шахматов, вслед за К.А. Аксаковым и А.А. Потебней, разделяет объективную уменьшительность и уменьшительность, осложненную различными оттенками экспрессии. Так, к примеру, ученый отмечает, что уменьшительные суффиксы, употребляемые для обозначения маленького размера, нередко могут использоваться для «выражения того или иного аффекта, сопровождающего произнесение всей фразы» [Шахматов, 1927, с. 35].

В.В. Виноградов в работе «Русский язык. Грамматическое учение о слове» (1972) рассматривает категорию субъективной оценки и ее формы – уменьшительные, ласкательные и пр. При этом В.В. Виноградов подчеркивает многозначность суффиксов субъективной оценки и для их обозначения использует такие термины, как уменьшительно-ласкательные, ласкательно-уменьшительные, ласкательно-домашние, фамильярно-ласкательные, ласкательно-уничижительные, пренебрежительно-фамильярные, презрительно-уничижительные и другие суффиксы. Ученый развивает положение К.С. Аксакова об уменьшительных окончаниях первого, второго и третьего слоя и выделяет первую, вторую и последующие степени субъективной оценки, зависящие от количества присоединяемых к нейтральной основе слова уменьшительных суффиксов. При этом исследователь подчеркивает, что с нарастанием степени оценки (удвоение, утроение и т.д.) стирается значение объективной уменьшительности и усиливается эмоциональное значение: «Все последующие за второй степени экспрессивного усиления связаны с выражением эмоционального отношения к предмету и далеки от уменьшительного значения» (например: доч-ур-оч-к-а, баб-ул-ень-к-а и т.д.) [Виноградов, 1972].

Отдельное внимание категории уменьшительности уделяет О.С. Ахманова в «Словаре лингвистических терминов» (1969). Исследователь определяет уменьшительность (англ. *diminutivity*) как «обобщенное значение малого объема, размера и т.п., обычно выражаемое посредством уменьшительных аффиксов и сопровождающееся различными эмоциональными окрасками – ласкательности, уничижительности и т.п.» [Ахманова, 1969]. Поскольку уменьшительные аффиксы могут передавать как положительные, так и отрицательные оттенки экспрессии, О.С. Ахманова выделяет два вида уменьшительного значения – уменьшительно-ласкательное (англ. *diminutive-hypocoristic*), сопровождаемое экспрессивной окраской нежного чувства, испытываемого к чему-то маленькому и милому, и

уменьшительно-пренебрежительное (англ. *diminutive-pejorative*), сопровождаемое пейоративной эмоциональной окраской.

Очень интересный пример использования уменьшительных и ласкательных суффиксов в речи приводит российский психолог, специалист по проблемам психологии языка и мышления Н.И. Жинкин в монографии «Речь как проводник информации» (1982). Ученый отмечает, что данные суффиксы могут употребляться не только людьми, но и одомашненными животными, в частности попугаями. Уменьшительно-ласкательные суффиксы указывают на величину предмета и в то же время способствуют выражению эмоций, чему помогает интонация и жестикация. Так, некий волнистый попугайчик Петя, к которому обращались как Петруша, Петечка, Петюша, в скором времени сам начал активно использовать уменьшительные и ласкательные суффиксы и создавать новые формы своего имени и другие слова разных частей речи (существительные, прилагательные, глаголы): Петюлька, Петюлюсенький, Петровичка, Петичкатка, сладочка, говористочка, любичка, мальчинский, птиченский, споемчик, споем споемчик и др. [Жинкин, 1982, с. 42]. При этом бросалась в глаза увлеченность, с которой попугайчик общался с хозяйкой. Тем самым Н.И. Жинкин показывает, что словоформы с уменьшительно-ласкательными суффиксами содержат в себе творческое начало, обладают богатым эмотивным потенциалом и помогают выразить состояние, в котором находится говорящий.

3.1.3. Категория диминутивности в современной лингвистике

В настоящее время исследованию категории уменьшительности, или диминутивности, посвящают свои работы многие российские и зарубежные ученые. Диминутивная функция считается языковой универсалией и встречается в большинстве языков мира, в связи с чем диминутивность и диминутивные производные – тема, очень широко освещенная в

лингвистической литературе. Диминутивность достаточно хорошо описана в сфере славянских и романских языков. Вопросам реализации семантики диминутивности в русском языке посвящены, в частности, труды русских (Е.А. Земская, В.И. Шаховский, Т.В. Шмелева, И.В. Фуфаева, Е.Ю. Протасова, Н.Ф. Спиридонова, М.Д. Войекова, З.И. Резанова, В.А. Кузьменкова и др.) и зарубежных языковедов (А. Вежбицкая, Акиль Яхъя Хассан и др.). В сербском языке категорией диминутивности занимались такие ученые, как И. Клайн, Ж. Станойич, Л. Попович, С. Стеванович, П. Пипер, В. Йованович, С. Ристич, И. Грицкат, Е. Матияшевич, А. Шенович, Р. Жудич и др. Многие лингвистические исследования имеют контрастивный характер и связаны с сопоставительным анализом выражения диминутивности в различных языках и с особенностями передачи диминутивных форм в процессе перевода (работы М.Г. Тагабилевой, З.И. Резановой, И.М. Некрасовой, А.В. Лысых, С.А. Колосова, С.В. Лескиной, Ю.В. Слабко, Л.Ю. Резниченко и др.).

Интерес к исследованию диминутивности и диминутивных форм возрос в языкознании в связи с общим поворотом лингвистики к изучению прагматической стороны языка, анализу лингвокультурной и лингвопсихологической картины мира. Многими лингвистическими направлениями на первый план выдвигается круг вопросов, связанных с эмотивной и экспрессивной функциями языка, с вербальным выражением эмоций как особенности национального характера. Так, к примеру, с точки зрения Л.Ю. Резниченко, диминутивы можно рассматривать в качестве маркеров культурно значимой информации, эмотивного индекса этнической общности и аксиологической системы координат: «Диминутивность представляет значимый фрагмент в картине мира и составляет часть лингвокультурной картины мира этноса» [Резниченко, 2009, с. 86].

Возможности проявления диминутивных значений в языке, по свидетельству современных исследователей, во многом зависят от менталитета народа: чем эмоциональнее нация, чем она свободнее в проявлении своих чувств и переживаний, тем больше в ее языке средств для выражения

различных оттенков экспрессии. Так, в частности, А. Вежбицкая пишет о высокой эмоциональной температуре и высоком эмоциональном накале русской речи, которым соответствует богатство языковых средств для выражения эмоций и эмоциональных оттенков, поскольку «русская культура относит вербальное выражение эмоций к одной из основных функций человеческой речи» [Вежбицкая, 1996, с. 43]. Л.В. Резниченко, описывая диминутивность как национальный индекс культуры, отмечает, что славянский и испанский/латино-испанский этнопсихотипы в проекции диминутивности являются сильно/гиперэмоциональными, и славяне, проживающие в англоязычных странах, ощущают неудовлетворенность и «острую нехватку диминутивов», когда для выражения своих эмоций не могут подобрать эквиваленты в английском языке [Резниченко, 2009, с. 87].

Как отмечает З.И. Резанова, развитое диминутивное словообразование является особенностью современных славянских языков, в значительной степени отличающей их деривационные системы от других в пределах индоевропейской семьи. Характерной чертой славянских диминутивных суффиксов является их функционально-семантический синкретизм [Резанова, 2017, с. 161], способность передавать огромное количество значений, многие из которых активизируются только в контексте. Богатство и разнообразие диминутивных формантов позволяют исследователям создавать целые каталоги, описывающие значения уменьшительно-ласкательных суффиксов [Виноградов, 1972], их семантическое варьирование [Русская грамматика, 1980] и др.

В семантике диминутивов выделяются два компонента значения: размерно-оценочный компонент, связанный с категорией количества и размерности и оценивающий предмет по шкале «больше – норма – меньше», и эмоционально-оценочный компонент, выражающий отношение говорящего к предмету речи и к адресату и оценивающий их по шкале «хорошо – безразлично – плохо» [Резанова, 2017, с. 162; Колосов, 2017, с. 197]. Так, к примеру, размерно-оценочный компонент проявляется в значениях «маленький, меньше нормы по размеру» (рус. *столлик, домик*; серб. *kućica* 'домик', *sobica*

'комнатка'), «меньшее, незначительное количество вещества» (рус. *выпить чашечку чая, стаканчик водички*), «незначительная интенсивность» (рус. *дождик (дождичек) прошел*; серб. *beličast* 'беленький', *slatkast* 'сладенький'), «малая степень социальной важности» (рус. *бумажонка, книжонка*; серб. *doktorčić, lekarčić* 'докторшишка') и т.д. Базовыми для эмотивно-оценочного компонента являются значения ласкательности и одобрения, однако в зависимости от контекста значения диминутивных форм могут варьироваться от доброжелательности, поощрения до уничижительности, презрения. Диминутивы могут использоваться для выражения вежливости, извинения, позитивного отношения к чему-либо, удивления, изумления, смущения, неуверенности, растерянности, раздражения, чувства боязни или испуга, а также неодобрения чьих-либо действий, взглядов, негативной оценки какого-либо явления, события, предмета, профессиональных или каких-либо других качеств личности [Кузьменкова, 2007, с. 39–40].

Диминутивные суффиксы используются также для образования уменьшительно-ласкательных форм имен собственных. В российской лингвистике уменьшительные имена обозначаются терминами «гипокористика» и «гипокористическое имя» (от греч. *υποκοριστικός* 'уменьшительный, ласкательный' и *υποκορίζομαι* 'лепетать как ребенок, ласкательно называть'). В сербской лингвистической традиции термин «гипокористика» (серб. *хипокористика*) более употребителен, чем в русской, и нередко используется как синоним ласкательности в целом. Так, Стана Ристић отмечает, что аугментативные и диминутивные суффиксы регулярно реализуют пейоративные и гипокористические значения [Ристић, 1994, с. 541], а Елка Матияшевич описывает гипокористичность как одно из значений суффиксов субъективной оценки (наряду с диминутивностью и пейоративностью) [Матијашевић, 2019 Б, с. 629].

Семы размерности и эмотивности потенциально присутствуют в значении диминутивов, но их активизация и интенсификация зависят от контекста. В некоторых случаях эти значения могут отделяться друг от друга, и тогда слово

с диминутивным аффиксом выражает только размерное или только эмотивное значение (например: рус. *чайная ложечка* – размерное значение; *Ну и денечек!* – эмотивное значение; серб. *kašičica* 'ложечка' – размерное значение; *kućica* 'домик' и *slobodica* 'свобода в выражении «*moja kućica – moja slobodica*» 'мой дом – моя крепость' – эмотивное значение).

Наличие в языке диминутивных форм, обладающих только размерно-оценочным значением (или значением объективной уменьшительности), позволило И.В. Фуфаевой в работе «Экспрессивные диминутивы в условиях конкуренции с нейтральными существительными (на материале русского языка)» (2017) разделить диминутивы на две группы:

- 1) уменьшительные (неэкспрессивные) диминутивы;
- 2) экспрессивные диминутивы [Фуфаева, 2017, с. 4].

В статье о диминутивных заменах в русском словаре И.В. Фуфаева отмечает, что уменьшительные, неэкспрессивные диминутивы выражают только значение меньшего размера, сосуществуют с производящими словами, не конкурируя с ними, так как в речи чаще всего обозначают разные объекты (*дай ложечку* о чайной ложке и *дай ложку* о столовой ложке)» [Фуфаева, 2016, с. 121–122]. В уменьшительных диминутивах значение суффикса входит в денотативный компонент значения слова (например: *столик* 'маленький стол', *зеркальце* 'маленькое ручное зеркало' и т.д.). Уменьшительные диминутивы означают другие предметы (денотаты) по сравнению с обычными формами:

– меньшего размера, отличающиеся от денотата производящего слова назначением/формой (например: *лопатка для торта*, *лопаточка для крема*, *вилочка для лимона* 'маленькая вилка', *колбаски охотничьи*);

– меньшего размера, чем денотат производящего слова (например: *ведерко майонеза* 'небольшое ведро');

– в чем-то подобные денотату производящего слова и имеющие значение, развившееся на базе семы «меньший по размеру» (например: *ножка* (мебели, гриба), *грибок* (о микроорганизме) и пр.). При этом уменьшительные диминутивы могут являться терминами, использоваться в научном и

официально-деловом стилях (например: *микроворсинки, реснички, жгутики* – специализированные органеллы и структуры клетки и др.).

Под экспрессивными диминутивами И.В. Фуфаевой понимаются единицы, которые выражают не объективную уменьшительность, а субъективное отношение говорящего к денотату (или адресату), или устанавливают отношения между говорящим и адресатом [Фуфаева, 2017, с. 4]. В экспрессивных диминутивах значение суффикса входит не в денотативный, а в коннотативный компонент значения слова (например, *солнышко выглянуло* – положительное эмоционально-оценочное отношение к солнечной погоде; *дайте, пожалуйста, справочку* – этикетное смягчение просьбы и т.п.).

На основании связи с базовым критерием уменьшительности все экспрессивные диминутивы исследователь подразделяет на две группы: 1) субъективно-уменьшительные диминутивы, выражающие уменьшительность как прямое значение, но имеющие ярко выраженную эмотивную окраску: интенсивные, риторические, эвфемизмы (например: *с краешку, минуточку, морщинка* и др.); 2) диминутивы, не выражающие уменьшительность как прямое значение, но передающие субъективное эмоциональное отношение (ласкательные и пренебрежительные) или устанавливающие отношения между коммуникантами (фатические, этикетные), например: *девчушка, домишко, работничек, кафешка, сигареточка, фильмец* и др. [Фуфаева, 2017, с. 92].

Кроме того, И.В. Фуфаева выделяет так называемые «бывшие» диминутивы, относя к ним слова, исконно являющиеся уменьшительно-ласкательными формами, однако утратившие данное значение в современном русском языке.

3.1.4. Диминутив как микропереводема

Диминутивные словообразования как носители эмотивного значения невероятно популярны в славянских языках, особенно в русском. Исследователи говорят об экспансии диминутивов в русском языке, вытеснении диминутивными формами нейтральных существительных [Фуфаева, 2017], называют диминутивность «агрессивной категорией», захватывающей все новые сферы коммуникации [Рылов, 2006]. Диминутивные формы используются в разговорной, публицистической, художественной речи: *выпить чайку, кофейку; купить огурчики, помидорчики; взять книжку, тетрадку; пройтись немножко; посмотреть в окошко; подняться по ступенькам; спуститься по лесенке; купаться в речке; зажечь свечку; затопить печку* и т.д.; *посетить магазины «Пятерочку», «Монетку», «Дочки-Сыночки»* и т.п. Парафразируя В.И. Шаховского, сказавшего, что эмоции сегодня в моде, мы можем утверждать, что и диминутивы сегодня тоже в моде.

Популярность и всестороннее использование диминутивных форм создает трудности для иностранцев, и одной из задач современной лингвистики является передача широкой гаммы диминутивных значений в процессе перевода. В.И. Шаховский, уделяющий большое внимание проблеме межъязыкового перевода эмотивных значений, в своих трудах отмечает, что «эмотивный смысл как единица перевода может быть “упакован” в эмотивном аффиксе, в эмотиве, в свободном или устойчивом эмотивном словосочетании, в предложении, фрагменте текста или в целом тексте» [Шаховский, 1997, с. 139]. И, как следствие, ученый предлагает следующую иерархию эмотивных единиц перевода (переводем): микропереводемы (эмотивные аффиксы), простые переводемы (слова-эмотивы), сложные переводемы (эмотивные словосочетания), макропереводемы (предложения) и гиперпереводемы (структурные образования большие, чем предложение, с определенной эмоциональной доминантой) [Шаховский, 1997, с. 139].

Диминутивные аффиксы как микропереводемы представляют собой сложную задачу для переводчиков, поскольку, как мы отмечали выше, не все языки обладают столь развитой системой диминутивных словоформ, как славянские, и переводчикам приходится прибегать к различным приемам, способствующим сохранению эмотивных значений: «В разных языках (в силу национально-культурной специфики стереотипов, гештальтов и ассоциаций) возможности для передачи коннотативных оттенков различны, что порождает межкультурные эмотивные лакуны и трудности в переводе художественной литературы и официальных документов» [Шаховский, 2015, с. 8].

Как уже отмечалось выше, диминутивное словообразование в славянских языках значительно более развито по сравнению с таковым в других индоевропейских языках, в частности, в английском, немецком и французском. Хорошо известно, что английский язык, будучи аналитическим, имеет весьма ограниченный набор диминутивных суффиксов. И.В. Арнольд в работе «Лексикология современного английского языка» выделяет только шесть продуктивных английских суффиксов, вносящих в слово эмоциональную окраску и имеющих значение уменьшительности, ласкательности или пренебрежительности: *-ling*, *-ie* (*-y*, *-ey*), *-ette*, *-let*, *-ster*, *-kin* (*-kins*) [Арнольд, 2012, с. 123]. Данные суффиксы употребляются преимущественно в обращениях к людям (*auntie* ‘тетушка’, *daddy* ‘папочка’, *dearie* ‘дорогуша, милочка’), в том числе при использовании имен собственных (*Tommy*, *Eddie*), при обозначении птиц, животных (*duckling* ‘утенок’, *gosling* ‘гусенок’, *lambkin* ‘ягненок’), отдельных предметов (*booklet* ‘маленькая книжка, книжечка’, *droplet* ‘капелька’, *hanky* ‘платочек, носовой платок’). Исследователь также подчеркивает количественное превосходство русских диминутивных суффиксов над английскими и значительно меньшее семантическое разнообразие уменьшительных суффиксов в английском языке.

В связи с ограниченным количеством уменьшительных суффиксов в английском языке преобладает лексико-синтаксический способ выражения диминутивных значений. В частности, в английском языке диминутивность

может быть представлена именными словосочетаниями с размерными прилагательными *little, small, tiny* и т.п. и лексемы *baby* (например: *little surprise* 'сюрприз', *little child* 'ребенок', *little face* 'личико', *small voice* 'голосок', *small bird* 'птичка', *tiny window* 'оконце', *tiny box* 'коробочка', *baby top* 'маечка', *baby birds* 'птенцы' и др.) [Лескина, Слабко, 2015].

Анализируя характер функционирования диминутивов в английском языке, можно сделать вывод о том, что английские словоформы и лексико-синтаксические конструкции являются менее экспрессивными, чем их русские аналоги, в их значении превалирует компонент размерности, а не эмотивности, что и продемонстрировали нижеприведенные примеры из частично проанализированного нами англоязычного перевода романа М. Шишкина «Письмовник» (*The Light and the Dark*), выполненного известным переводчиком Эндрю Бромфилдом (см. таблицу 2).

Что касается таких языков, как немецкий и французский, то они по сравнению с английским обладают более широким репертуаром диминутивных суффиксов, но по сравнению со славянскими языками эти суффиксы не отличаются такой высокой продуктивностью.

Национальная специфика употребления диминутивов определяет трудности, связанные с сохранением и передачей всех компонентов их значения (и размерности, и эмотивности) в практике перевода. Как показывает анализ переводов, выполненных с русского на английский, немецкий, французский и другие языки, переводчики либо опускают диминутивные формы, заменяя их нейтральными, в результате чего утрачивается выразительность, либо используют различные приемы, позволяющие заполнить «эмотивную лакуну» и сохранить тональность оригинала.

Так, в случае русско-английского перевода от переводчика требуется определенная изобретательность в поиске средств выражения эмотивного значения русского суффикса. В таблице 2 приведены некоторые примеры диминутивных форм из романа «Письмовник» М. Шишкина и их соответствия из англоязычной версии романа (переводчик Эндрю Бромфилд). Данные

примеры наглядно демонстрируют, что из-за малоупотребительности уменьшительно-ласкательных суффиксов в современном английском языке, переводчик пользуется способами описательного перевода и/или транскрипции/транслитерации, чтобы передать эмотивность (которая, по нашему мнению, передается только в случаях транслитерации и транскрипции).

Таблица 2

**Русские диминутивы и их соответствия в англоязычной версии романа
«Письмовник» М. Шишкина**

Русский язык	Английский язык
Сашенька	Sashenka
Володенька	Volodenka
По старинке	In the same old way
Песчинки	Grains of sand
Мальчишка	A little boy
Семечко	One little seed
Спинка	Back
Вовка-морковка	Vovka the Carrot

**3.1.5. Особенности употребления диминутивов
в славянских языках**

Совершенно очевидно, что приемы передачи диминутивных суффиксов зависят от близости/дальности языков, в связи с чем следует рассмотреть особенности выражения уменьшительности в славянских языках.

Как мы отмечали выше, все славянские языки характеризуются развитой системой диминутивного словообразования. Многие диминутивные суффиксы имеют общеславянское происхождение и встречаются в разных славянских

языках. Елка Матияшевич в качестве примеров уменьшительных суффиксов, относящихся к эпохе праславянского единства, называет такие, как:

– в русском языке **-ок-/-ик-/-чик-** (м.р.), **-ка** (ж.р.) и **-ко** (ср.р.). Например: *город – городок, прут – прутик, береза – березка, борозда – бороздка, облако – облачко, молоко – молочко*;

– в сербском языке **-ak**, **-ić/-čić** (м.р.), **-ica** (ж.р.) и **-ce** (ср.р.). Например: *grad – gradić, prut – prutić, breza – brezica, brazda – brazdica, oblak – oblačić, oblačak, mleko – mlekce* и др. [Матијашевић, 2019 Б, с. 630].

Этот ряд можно дополнить также македонскими суффиксами *-ка, -ица, -ок, -ец* (например: *риба – рибица, брат – братец, син – синок, јагода – јаготка* и др.), болгарскими суффиксами *-ка, -ица, -це* (например: *градина – градинка, гора – горица, дете – детенце*) и др.

Диминутивные суффиксы во всех славянских языках являются полисемичными, могут передавать широкую гамму размерно-оценочных и эмотивно-оценочных значений (ср.: рус. *листочек, домишко*, серб. *prozorče* ‘окошко’, *doktorčić* ‘докторишка’, хорв. *rapigica* ‘понугайчик’, *ovčica* ‘овечка’, макед. *детенце* ‘ребеночек’, *носенце* ‘носишко’, польск. *braciszek* ‘братишка’, *nozka* ‘ножка’, болг. *седмичка* ‘неделька’, *секундичка* ‘секундочка’, словен. *brvca* ‘мостик’, *lužica* ‘лужица’, чеш. *čajíček* ‘чаек’, *pivko* ‘пивко’ и др.).

М.Г. Тагабилева, опираясь на семантическую модель диминутивов, предложенную Дэниэлом Журафски (Daniel Jurafsky, 1996), на материале южнославянских языков выделяет такие значения диминутивных суффиксов, как: 1) «маленький» (серб. *kokoš – kokoškica* ‘курица – курочка’); 2) «ребенок/потомок» (серб. *lisica – lisiče* ‘лиса – лисенок’); 3) «уменьшенное подобие» (серб. *vilje – viljiška*, макед. *виље – вилушка* ‘вилы – вилка’); 4) «имитация» (макед. *кора – корица* ‘кора – обложка’); 5) «часть/единичный представитель» (серб., хорв. *trava – travka* ‘трава – травинка’) [Тагабилева, 2016, с. 21].

В славянских языках, как и в русском языке, уменьшительно-ласкательные суффиксы могут наращиваться друг на друга, в результате чего

диминутивные образования могут выражать первую, вторую, третью и последующие степени субъективной оценки (по В.В. Виноградову). Например, рус. *доч-ур-оч-к-а*, *дев-ч-он-оч-к-а*, серб. *vrv-č-ic-a* 'веревочка', *jel-č-ic-a* 'елочка', польск. *star-usz-ek* 'старичок', *mat-ecz-k-a* 'мамочка', макед. *искр-ич-к-а* 'искорка', болг. *вод-ич-к-а* 'водичка', *баб-ич-к-а* 'бабушка' и др.

Кроме того, в славянских языках наблюдается экспансия экспрессивных диминутивных форм и их лексикализация, переход в разряд нейтральной лексики (например: рус. *кукушка*, *палатка*, *беседка*, *бабочка*, *палец*, *сердце*; серб. *kolica* 'коляска', *babica* 'акушерка', болг. *кокошка* 'курица', *печка* 'плита', *трошица*, *трошичка* 'частица', хорв. *vrgsa* 'лента' и др.).

Схожесть и разнообразие эмотивных словообразовательных формантов в славянских языках в большинстве случаев позволяют переводчикам находить оптимальные варианты передачи диминутивных значений в процессе перевода с одного славянского языка на другой. Однако даже в близкородственных славянских языках наблюдаются особенности в семантике и употреблении диминутивов, в связи с чем взаимозаменяемость уменьшительно-ласкательных суффиксов не всегда оказывается возможной. Так, в частности, З.И. Резанова, рассматривая темпоральную семантику в русском, болгарском и польском языках, отмечает вариативность субъективно-оценочных смыслов, выражаемых наименованиями точных отрезков времени, и различие контекстных условий их актуализации: «При наличии типологической общности, деривационные системы современных славянских языков отличаются и по составу диминутивных производных имен (ср.: *день* – *денек* – *денечек* (рус.), *dzień* – *dzionek* (польск.), но *день* – ? (болг.); *неделя* – *неделька* (рус.), *седмица* – *седмичка* (болг.), но *tydzień* – ? (польск.)), и по спектру их семантического и функционального варьирования» [Резанова, 2017, с. 163]. В случае отсутствия в языке эквивалента-диминутива переводчику для актуализации смысла маленького, незначительного отрезка времени приходится использовать добавочные или альтернативные лексемы, имеющие значение «маленький», «немного»,

«всего лишь»: *пару часиков – няколко часа, через часок – след един час, прилечь на часок – да полегнат за малко* и др. [Резанова, 2017, с. 169].

3.1.6. Диминутивы в русском и сербском языках

Поскольку нас интересует контрастивная эмотиология, а именно анализ и сравнение русских и сербских диминутивов как носителей эмотивного значения, следует более подробно рассмотреть значения уменьшительно-ласкательных суффиксов в данных языках. На основе монографии «Русский язык. Грамматическое учение о слове» (1972) В.В. Виноградова [Виноградов, 1972], «Русской грамматики» (1980) под ред. Н.Ю. Шведовой [Русская грамматика, 1980], а также работ Е.А. Земской [Земская, 2016], А. Вежбицкой [Вежбицкая, 2016], Акиля Яхьи Хассана [Акиль], И.В. Фуфаевой [Фуфаева, 2017] нами были выделены наиболее частотные диминутивные суффиксы и суффиксальные образования, а также их значения в русском языке (таблица 3). В сербском языке выделение диминутивных суффиксов и их значений было сделано нами на основе работ Ивана Клайна [Клајн, 2003], Станы Ристич, Бояны Милосавлевич [Ристић, Милосављевић, Јовановић, 2005], Владана Йовановича [Йованович, 2010], Эдиты Андрич [Андрич, 2011], Ирены Грицкат [Грицкат, 1995], а также Веб-корпуса сербского языка (Web corpus of Serbian). Выделенные русские и сербские суффиксы приведены в таблицах 3 и 4. Примеры, приведенные в таблицах, взяты из названных выше источников.

Таблица 3

Диминутивные суффиксы и их значения в русском языке

Суффиксы	Значение	Пример
-ан-	ласкательности, гипокористики	Мишаня, маманя, папаня

Суффиксы	Значение	Пример
-ат-	уменьшительности	деньжата
-ёнок-	невзрослости, ласкательности	миленок
-ашк-	уменьшительности	мордашка, коняшка
-ейк-	уменьшительности	шубейка, коробейка
-ек-, -ёк-	уменьшительности, ласкательности	горошек, внучек, зверек, огонек
-енок-, -еныш-	уменьшительности, ласкательности, гипокористики, шутки и уничижительности	котенок, свиенок, слоненок, лапусеньш, Катеньш, Клarenьш, змееньш, гаденьш, упыреньш
-еньк-, -оньк-	уменьшительности, гипокористики	мужичонка, дяденька, глазёнки, пальчонки, ноженька, рученька, Катенька, Митенька
-ерк-	часть целиком заимствованной иноязычной основы	табакерка, этажерка
-ец-	ласкательности или уничижительности	братец, морозец, хлебец, докладец
-ец(о), -иц(е), -ц,	уменьшительности и ласкательности	письмецо, оконце, корытце, платьице, креслице
-ечк-	уменьшительности, ласкательности, гипокористики	семечко, блюдечко, ситечко, дощечка, роднулечка, лапулечка, Сашечка, Машечка, Петрушечка
-ёш-	ласкательности, гипокористики	Игореша
-ешек-	уменьшительности	краешек, камешек
-ёшк-	уменьшительности	рыбешка, трешка, комнатешка

Суффиксы	Значение	Пример
-ик-	уменьшительности, гипокористики	волосики, домик, мячик, Юрик
-иньк-	ласкательности, гипокористики	заинька, баиньки
-иц(я)	уменьшительности и ласкательности	водица, земляца, книжица, лужица, рощица
-ичк-	ласкательности	водичка, росичка
-ишк-	ласкательности или пренебрежительности	делишки, нервишки, дровишки, детишки, ребятишки, штанишки, экспертишко, тренеришко
-к-	уменьшительности и ласкательности	аптечка, шубка, иголка, облачко, ручка, дочка, ночка
-ок-	уменьшительности, ласкательности, гипокористики	голосок, зубок, медок, дружок, листок, Нинок, Лизок
-онк-	ласкательности или пренебрежительности	ручонка, мальчонка, бумажонка, душонка, собачонка
-онок-	ласкательности, гипокористики	Олесенок, Ольгушонок, Катенок, Никитенок, игруленок, миленок, пацаненок, внучонок
-оньк-	ласкательности, гипокористики	кисонька, березонька, голубонька, Лизонька
-оньш-	уменьшительности, ласкательности, гипокористики	зайчоныхш, галчоныхш

Суффиксы	Значение	Пример
-очк-	уменьшительности, ласкательности, гипокористики, уничижительности	вазочка, вербочка, звездочка, косточка, розочка, лапочка, Юрочка, Шурочка, дурочка
-ошк-	уменьшительности	окошко, лукошко
-ул-	ласкательности (часто при обращениях к близкому лицу), гипокористики, иронии	бабуля, дедуля, сынуля, Димуля, актрисуля, кисуля
-ун-	ласкательности, гипокористики	Сергуня, Пашуня, Мишуня, Олесюня, Сашуня
-ур-	уменьшительности, гипокористики	дочура, Дашура, Катюра, Сашура
-урк-	уменьшительности	дочурка, печурка
-ус-	ласкательности (часто при обращениях к близкому лицу), гипокористики	бабуся, дедуся, Викуся
-уш-	ласкательности, гипокористики, иронии	Катюша, Танюша, Андрюша, дорогуша, капризуша
-ушек	уменьшительности, ласкательности	камушек, хлебушек
-ушк-(безуд.)	уменьшительности, ласкательности, гипокористики	солдатушки, козлятушки, коровушка, думушка, соседушка, Никитушка, Иванушка, Егорушка, Аннушка
-ушк-(уд.)	ласкательности и уничижительности (неодобрения)	девчушка, речушка, комнатушка, болтушка, вертушка

Суффиксы	Значение	Пример
-ушок-	ласкательности	хлевушок
-ц-	уменьшительности	дверца, блюдце, болотце
-чик-	уменьшительности	бубенчик, шкафчик, карманчик, барабанчик
-ынк-	уменьшительности	косынка
-ышек-	оттенок ласкательности	воробышек, клинышек, оладышек
-ышк-	уменьшительности и ласкательности	бревнышко, гнездышко, перышко, ядрышко, крылышко
-ыц-	уменьшительности, ласкательности	Мыльце, зеркальце, одеяльце
-юшк-	уменьшительности и ласкательности	сараяшка, зверюшка
-явк-	пренебрежительности	козявка, малявка
-ячк-	уменьшительности	болячка
-яшк-	уменьшительности и пренебрежительности	дервяшка, медяшка, костяшка

В сербском языке существуют аналогичные диминутивные суффиксы. Они приведены в таблице 4.

Таблица 4

Диминутивные суффиксы и их значения в сербском языке

Суффиксы	Значение	Пример
-ас	архаичное значение, шутливо-ласковое «искажение»; иронический оттенок.	bratac 'братец'

Суффиксы	Значение	Пример
-ak	уменьшительности; субъективной оценки (эмотивности); гипокористики	cvetak 'цветочек', danak 'денек', devojčurak 'девчоночка'
-anc-	уменьшительности; субъективной оценки (эмотивности); гипокористики	psetance 'собачонка'
-ašc-	уменьшительности; субъективной оценки (эмотивности); гипокористики	srdašce 'сердечко'
-e	«детёныш», «молодой»; уменьшительности; субъективной оценки (эмотивности);	maše 'котенок/котеночек'
-eljak	уменьшительности; субъективной оценки (эмотивности); гипокористики	puteljak 'тропинка/тропиночка'
-enc-	уменьшительности; субъективной оценки (эмотивности); гипокористики; «детёныш»	detence 'ребеночек'
-ešc-	уменьшительности; субъективной оценки (эмотивности); гипокористики; «детёныш»	jagnešce 'ягненок'
-ić	уменьшительности; «детёныш мужского пола», «молодой»; «слабый»;	dečaćić 'мальчонок/мальчонка/мальчишка', prstić 'пальчик', jarić 'козленочек', vetrić 'ветерок'
-ic-	уменьшительности; «детёныш», «молодая»; гипокористики («милый», «хороший»); субъективной оценки (эмотивности); экспрессивности	ribica 'рыбка', Perica 'Петенька', Verica 'Верочка', ručica/rukica 'ручка/ручонка', bakica 'бабулечка', ženica 'жёнушка', uličica 'улочка'
-ičak	уменьшительности; субъективной оценки (эмотивности); гипокористики	kamičak 'камушек'

Суффиксы	Значение	Пример
-k-	уменьшительности; гипокористики	ujka 'дядечка', trunka ' ', travka 'травинка', Mirka, Milka, Jasminka, Sofka (женские имена)
-c- (-ca/-co)	архаическое, гипокористики; субъективной оценки (эмотивно-экспрессивное); объективной оценки	braca 'братишка', reĉsa 'речушка', krvca 'кровинка/кровушка'
-c- (-ce)	уменьшительности; «детёныш мужского пола», «молодой»; оттенок пренебрежительности; гипокористики («милый», «хороший»); положительной субъективной оценки (эмотивности); «небольшое количество (например, людей)»	uvce 'ушко', zvonce 'звоночек', detence 'ребеночек', devojĉence 'девчоночка', ogledalce 'зеркальце', ždrebence 'жеребеночек', gnezdaĉce 'гнездышко', društ Vance 'компашка'
-ĉ- (-ĉe)	«детёныш», «молодой»; уменьшительности; гипокористики; оттенок пренебрежительности	ĉaĉe 'ученичок', devojĉe 'девчонка'
-ĉić	уменьшительности; «детёныш мужского пола», «молодой»; оттенок пренебрежительности; гипокористики («милый», «хороший»); субъективной оценки (эмотивности); экспрессивности	stoĉić 'столик', golupĉić 'голубеночек', vladarĉić 'слово, выражающее пренебрежительное отношение к «правитель»', momĉić 'паренек', stanĉić 'квартирка'
-ĉić-	уменьшительности; пейоративности; гипокористики («милый», «хороший»); субъективной оценки (эмотивности); экспрессивности	granĉića 'веточка', stvarĉića 'вещица', sevĉića 'трубочка', devojĉića 'девочка'
-kast	«небольшой степени»	crnkast 'черноватый', slatkast 'сладковатый', plavkast 'синеватый'

Суффиксы	Значение	Пример
-iĉast	«небольшой степени»	plaviĉast 'синенький', beliĉast 'беленький'
-ka-	уменьшительности; экспрессивности, гипокористики, ономатопеическое; пейоративное	grickati 'покусывать, погрызывать', Lepuška 'Красотка/Красоточка'
-k+ar-	уменьшительности; экспрессивности, ономатопеическое; пейоративное	leškariti 'полеживать', piskarati 'пописывать'
-ik-	уменьшительности; экспрессивности, ономатопеическое;	vozikati se 'покатываться, поездить'
-k+et-	уменьшительности; экспрессивности, ономатопеическое; пейоративное	pucketati 'потрескивать'
-uck-	уменьшительности; экспрессивности, ономатопеическое;	gleduckati 'посматривать, поглядывать', dremuckati 'подремывать', zevuckati 'позевывать'
-nu-	уменьшительности; экспрессивности, ономатопеическое; пейоративное	bosnuti 'уколоть', dremnuti 'вздремнуть'
-ar-	экспрессивности, ономатопеическое; пейоративное	životariti 'прозябать', maštariti 'придаваться мечтаниям'
-ulj-	«небольшой степени», экспрессивности	smejuljiti se 'посмеиваться'
-ut-	«небольшой степени», экспрессивности	skakutati 'попрыгивать'
-uš-	«небольшой степени», экспрессивности	pevušiti 'напевать, попевать'
-uš+k-	«небольшой степени», экспрессивности	ljuljuškati 'покачивать (ребёнка...)'

Сопоставление русских и сербских диминутивных суффиксов, представленных в таблицах 3 и 4, показывает, что формальное соответствие

между ними существует: оба языка характеризуются разветвленной системой уменьшительно-ласкательных суффиксов, которые содержат как размерно-оценочный, так и эмотивно-оценочный компоненты значения.

Согласно данным, представленным в «Русской грамматике» [Русская грамматика, 1980] и «Новом словообразовательном словаре русского языка для всех, кто хочет быть грамотным» [Тихонов, 2014], а также в книге «Творба речи у савременом српском језику. Други део: суфиксација и конверзија» [Клајн, 2003], формальными переводческими соответствиями русских суффиксов должны быть сербские суффиксы, представленные в таблице 5.

Таблица 5

Русские уменьшительно-ласкательные суффиксы и их соответствия в сербском языке

Русский язык	Сербский язык
-ок/-ик/-чик/-(о)к	-ak/-(a)k
-еньк-/енк-	-enj(a)k
-ушк-	-ušk-
-онк-	-onj(a)k
-инк-	-injak
-очк-/ечк-	-eč(a)k
-ельк-/елк-	-elj(a)k-
-ик	-ić
-к	-k
-ишк/-ышк-	-ašč-
-ец	-ac
-ц(е)	-c(e)

В таблице 5 приведены наиболее яркие примеры абсолютных формальных соответствий суффиксов в русском и сербском языках.

Однако если посмотрим на выражаемую суффиксами семантику, то увидим, что кроме размерности, которая одинаково передается в обоих языках, в русском языке превалирует эмотивное значение (оттенок ласкательности и пренебрежительности), а для сербского языка наиболее типичным является гипокористическое значение (которое более нейтрально по отношению к субъективной оценке). Это наблюдение подтверждается и анализом словарей сербского языка, где большинство слов, имеющих уменьшительные суффиксы, отмечаются как диминутивно-гипокористические [Ристић, Милосављевић, Јовановић, с. 602].

Таким образом, мы видим, что, с одной стороны, родство и близость русского и сербского языков, а также наличие в них аналогичных систем суффиксации создают благоприятные условия для поиска формальных и семантически точных соответствий русским диминутивным суффиксам в сербском переводе. Но, с другой стороны, разница в семантике диминутивных суффиксов и их эмоционально-субъективной насыщенности могут вызвать определенные трудности в процессе перевода.

Для подтверждения наших наблюдений в следующих разделах мы обратимся к сопоставительному анализу русских и сербских уменьшительно-ласкательных лексических форм на материале русскоязычного романа «Письмовник» Михаила Шишкина и его сербского перевода.

3.2. Диминутивные формы в романе М. Шишкина «Письмовник»

3.2.1. «Письмовник» М. Шишкина как псевдо-эпистолярный роман

Передача и сохранение эмотивных смыслов, в том числе выраженных посредством диминутивных форм, как отмечалось нами выше, является одной

из наиболее сложных переводческих задач. Материалом нашего исследования стал роман Михаила Шишкина «Письмовник», опубликованный в 2010 г., и его перевод на сербский язык, выполненный Любинкой Милинчич в 2012 г.

М. Шишкин входит в число наиболее известных современных русских писателей, несмотря на то что многие годы проживает в Швейцарии. Произведения М. Шишкина известны не только в России, но и во многих других странах; исследованию его творчества посвящаются отдельные конференции [Знаковые имена..., 2017]. По словам журналиста Влада Толстова, «Михаила Шишкина впору назвать если не самым известным, то самым уважаемым российским писателем» [Толстов, 2011]. Критик Наталья Кочеткова называет Михаила Шишкина «одним из самых привечаемых публикой российских авторов – несмотря на стилистическую и психологическую сложность его прозы» [Кочеткова, 2011], а Мартын Ганин в рецензии на роман отмечает, что «в современной русской прозе есть Михаил Шишкин, еще два-три писателя – и все остальные» [Ганин, 2010].

Михаил Шишкин является автором четырех романов («Всех ожидает одна ночь (Записки Ларионова)» (1993), «Взятие Измаила» (2001), «Венерин волос» (2007), «Письмовник» (2010), нескольких повестей, рассказов, эссе. Окончив в свое время романо-германский факультет Московского государственного педагогического института, пишет как на русском, так и на немецком языке. Произведения Михаила Шишкина отмечены многими премиями и наградами, в том числе премией журнала «Знамя» за лучший литературный дебют (1993), Букеровской премией за роман «Взятие Измаила» (2000), премией «Национальный бестселлер» (2005) и «Большая книга» (2006) за «Венерин волос» и «Большая книга» (2011) за роман «Письмовник».

Произведения Михаила Шишкина переведены на тридцать языков мира, и роман «Письмовник» не является исключением. Опубликованный в 2010 г., он сразу обратил на себя внимание переводчиков и был переведен на 15 языков мира, в том числе, как отмечает сам автор, даже на такой

малораспространенный язык, как фарерский [Дельфонцева, 2013] (в настоящее время роман переводится еще на 20 языков).

В 2012 г. роман «Письмовник» стал известен и сербскому читателю благодаря переводчице Любинке Милинчич, получившей награду им. «Милоша Н. Джурича» Ассоциации литературных переводчиков Сербии за лучший перевод в области прозы. Любинка Милинчич является известным сербским журналистом, филологом, переводчиком, руководителем агентства и радио «Sputnik Сербия», учредителем и главным редактором литературного журнала «Книги», президентом «Общества поклонников русской культуры в Сербии» и др. Ею выполнены переводы произведений многих русских писателей на сербский язык (Владимира Набокова, Александра Солженицына, Евгения Евтушенко, Людмилы Улицкой, Елены Чижовой и др.). За свою переводческую деятельность Любинка Милинчич была отмечена многими наградами и премиями (в частности, в феврале 2020 г. ей присудили Всероссийскую литературную премию «Словес связующая нить» за переводы с русского языка на сербский и за большой вклад в укрепление дружбы между двумя народами).

Выбор «Письмовника» для нашего исследования не случаен: это своего рода *псевдо-эпистолярный* роман, содержание которого составляет вымышленная переписка двух влюбленных, однако разведенных во времени и пространстве. Герои пишут друг другу по-настоящему нежные, трогательные письма, поэтому эмотивный индекс романа очень высок.

Известный украинский пианист Алексей Ботвинов, создавший в 2011 г. по шишкинскому произведению театрально-музыкальный проект «Письмовник. Элегия», охарактеризовал его как «абсолютный шедевр интеллектуальной прозы» и «роман больших эмоций» [Ботвинов, 2019, эл. ресурс].

На первый взгляд, сюжет романа крайне прост и традиционен: влюбленные *он* и *она* пишут друг другу. На простоту романа указывает и автор в своих интервью, называя «Письмовник» простой книгой о простых вещах [Кочеткова, 2011]. Однако простота романа лишь кажущаяся, поскольку герои произведения М. Шишкина, юноша Володя и девушка Саша, как уже

отмечалось, разведены во времени и пространстве: жизнь Саши разворачивается, судя по некоторым приметам в тексте, во второй половине XX в. и охватывает несколько десятилетий, а Володя является участником Ихэтуаньского (Боксерского) восстания в Китае и обращается в своих письмах к военным событиям 1900 г. Володя погибает примерно через три месяца после прибытия российских войск в Китай, но письма от него Саша продолжает получать в течение многих лет. Герои не встречаются при жизни, хотя общим для них моментом являются воспоминания о дачном рае, их летнем романе, и «единственная встреча Володи и Саши, когда-либо имевшая место, происходит здесь, в книге» [Ганин, 2010].

Таким образом, «Письмовник» М. Шишкина выпадает из общей традиции жанра эпистолярного романа и представляет собой не сборник писем, а сборник *образцов* для составления писем, что кроется в самом названии произведения. В Толковом словаре русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова слово *письмовник* определяется как «1) сборник образцов для составления писем разного содержания; 2) книга для самообразования по языку и литературе» [Ушаков, эл. ресурс].

Роман М. Шишкина многослоен и может порождать различные интерпретации. Если рассматривать его в качестве образца для подражания и книги для самообразования, то на передний план, с нашей точки зрения, выходит аспект слова (языка) как связующей нити между временами и мирами, с помощью которой может быть преодолена смерть, восстановлена разорванная связь, воскрешена история. Критики отмечают, что диалогичность романа «Письмовник» иллюзорная, поскольку письма героев не доходят до адресата, словно бы зависая в пространстве и времени [Ганин, 2010]. Однако, по словам самого автора, это не так, поскольку лишь ненаписанные письма не доходят. Необходимо писать, словом преодолевая смерть и разлуку, восстанавливая утраченную гармонию: «Почему мои герои стали писать письма? <...> Они пишут письма, потому что мир разрушился, потому что в мире есть смерть. В жизни каждого человека наступает момент, когда связь времен рвется. Время

разорвалось, его нужно как-то соединить. Они пытаются соединить это разорванное время, этот разорвавшийся мир письмами. Но что делать, если письма не доходят? Тогда читающий эти письма становится тем самым недостающим звеном, которое снова соединяет этот мир, возвращает этому миру гармонию» [Тимашева, 2010].

Критиками неоднократно отмечалось своеобразие языка романа М. Шишкина, обилие в нем слов с диминутивными суффиксами. Причем цели использования уменьшительных форм в романе «Письмовник» толкуются критиками по-разному. Так, к примеру, Кирилл Анкудинов, описывая роман как «эпистолярные напоминания возлюбленных о былом – милые *пустячки*, прелестные бытовые *деталюшечки*, тургеневские *росинки* на веранде (курсив наш. – И.Г.)», видит в употреблении подобной лексики стилистические упражнения и постмодернистские изыскания автора, желающего на фоне самых сокровенных и самых неизбывных человеческих ситуаций провести очередной эксперимент с языком, нарративом, логосом [Анкудинов, 2010]. Мартын Ганин в особенностях поэтики М. Шишкина узревает специфический прием, мастерский ход автора, который «обвел всех вокруг пальца, сделав вид, что написал роман о любви» и «за кажущейся элементарностью, почти предельной простотой композиции романа, за уменьшительными суффиксами и придыханиями <...> маскирует книгу о двух людях, живших в разные времена, никогда не встречавшихся при жизни, обращающихся не друг к другу, а в пустоту» [Ганин, 2010].

Действительно, роман «Письмовник» насыщен диминутивными формами, позволяющими героям выразить свои чувства, создать атмосферу близости и интимности, воспроизвести в своих воспоминаниях ощущения детства и юности. На наш взгляд, использование большого количества уменьшительных форм в романе является не просто стилистическим приемом, а намеренной установкой автора, благодаря которой создается особое языковое пространство, специфическая языковая реальность, наполненная эмоциями близости, взаимопонимания, искренности, верности, позволяющая героям противостоять

внешнему миру грубости, черствости, предательства и обмана. Наша точка зрения подтверждается высказыванием самого Михаила Шишкина о существовании в России двух живых языков – внутреннего, домашнего, семейного, для своих, и языка внешнего – улицы, армии, тюрьмы, для мира, полного угроз. Домашним языком говорят с детьми и переносят его на всех близких, используя «все эти -очки, -ечки, -оньки, -еньки, все это уменьшительно-ласкательное изобилие, которое и верховную коммуникацию пытается одомашнить: Боженька, царь-батюшка». Это язык для «своих»: «Вам чайку? Водочки? Картошечки с лучком?» [Шишкин, 2011]. Однако домашней, внутренней реальности противостоит чужая, внешняя реальность, наполненная грубостью и унижением. Вот и приходится героям М. Шишкина создавать свой собственный мир из воспоминаний, заключенных в слово, из писем, направленных в никуда. Именно такой язык и создает высокую эмотивность романа «Письмовник». Поскольку роман представляет собой набор писем двух влюбленных, то вполне закономерно, что сами обращения друг другу являются «домашними»: «*Сашка*, родная!» [Шишкин, 2011, с. 11], «*Сашка* моя разноглазая!» [Шишкин, 2011, с. 167], «*Сашенька* моя!» [Шишкин, 2011, с. 11], «*Сашенька* моя хорошая!» [Шишкин, 2011, с. 4], «*Сашенька* моя далекая!» [Шишкин, 2011, с. 111], «*Володенька*!» [Шишкин, 2011, с. 3], «*Володенька* мой!» [Шишкин, 2011, с. 246], «*Вовка-морковка*, где ты сейчас?» [Шишкин, 2011, с. 2].

Помимо «домашних» ласковых обращений, письма героев Шишкина переполнены различными диминутивными формами с ярко выраженным эмотивным значением. Приведем несколько примеров:

«Вся *спинка* на ладони, *кожица* бархатная, *пузичко* по бокам распирает» [Шишкин, 2011, с. 177].

«Ну вот как ребенок берет кусок пластилина, лепит из него *зверушек*, *человечков*, деревья, *домики*» [Шишкин, 2011, с. 186].

«Растираю *спинку*, *животик*, *ножки*» [Шишкин, 2011, с. 249].

«*Молодчинка* ты! *Крошечная молодчинка*» [Шишкин, 2011, с. 166].

«Как мне стало тепло и хорошо, когда написал твое имя на первой *строчке* — *Сашенька!*» [Шишкин, 2011, с. 89].

«Спать он может, только положив под голову свою китайскую узорную *подушечку*, набитую каким-то особым чаем, со специальной *дырочкой* для уха» [Шишкин, 2011, с. 89].

«У меня над кроватью, сколько себя помню, висел план огромного океанского парохода в разрезе, на котором я без конца мог разглядывать каюты, трапы, машины, капитанский *мостик*, трюмы, *маленьких человечков*, которые гуляли по палубе или обедали за *столиками* в ресторане, матросов, кочегаров, там даже была *крошечная* собака, воровавшая сардельки у кока» [Шишкин, 2011, с. 96].

«*Сонечка* заявила, когда я пекла ей *оладушки*: — Мама сказала, что ты украла у нас папу» [Шишкин, 2011, с. 114].

«Он хотел, чтобы я помогала ему выбирать *платьица, туфельки*» [Шишкин, 2011, с. 116].

«Перед сном она еще привыкла к маминой *бутылочке* с „сонной *водичкой*“» [Шишкин, 2011, с. 117].

Эмотивная насыщенность текста М. Шишкина, высокая частотность использования в нем диминутивных форм (уголок, холмики, донышки, подушечка, дырочка, брикетки, кисточки, птичка, камушки, карандашики, пуговички, фитилек, братик, резиночки, ветерок, прудик, болотце, строчки, часики) создают особые трудности для переводчиков, поскольку их задачей становится не только воспроизведение содержания и эмотивного фона романа, но и воссоздание уникальной языковой действительности, придающей человеку чувство защищенности и устойчивости в жизни: «Чем унизительнее русская жизнь снаружи, тем больше тепла и ласки хочется среди своих. Поэтому и мучаются переводчики, что нигде больше реальность не создала таких полярных языковых пластов» [Шишкин, 2011].

Таким образом, выбор романа Михаила Шишкина «Письмовник» в качестве материала нашего исследования обусловлен высоким эмотивным

потенциалом данного текста и разнообразием использования в нем диминутивных суффиксов, что представляет собой переводческую проблему и богатый материал для проведения сопоставительного анализа.

3.2.2. Диминутивные формы в русском тексте

В романе М. Шишкина «Письмовник» методом сплошной выборки нами было отобрано и проанализировано 1284 диминутивные формы. Анализ выбранных диминутивов показал, что наиболее частотными суффиксами в русском тексте являются суффиксы *-ок-/-ик-/-чик-, -еньк-, -енк-, -к-, -ушк-, -онк-, -инк-, -очк-, -ельк-, -елк-*. Именно эти суффиксы, по классификации В.И. Шаховского [Шаховский, 1997], могут быть отнесены к микропереводам.

Основываясь на работах российских и зарубежных исследователей, рассмотренных нами в предыдущем параграфе (З.И. Резановой, И.В. Фуфаевой, С. Ристич и др.), все диминутивные формы, представленные в романе М. Шишкина, мы разделили на следующие группы:

1. Неэкспрессивные («размерные») диминутивы – диминутивы со значением объективной уменьшительности, уменьшительные диминутивы, обозначающие предмет меньшего размера по сравнению с денотатом производящего слова и не имеющие в языке ярко выраженного экспрессивного характера.

2. Экспрессивные диминутивы – диминутивы, выражающие субъективное отношение говорящего к предмету или адресату речи. Такие диминутивы подразделяются нами на два вида:

а) субъективно-уменьшительные диминутивы – диминутивы, выражающие уменьшительность как прямое значение, но при этом обладающие ярко выраженной эмотивностью;

б) субъективно-оценочные диминутивы – диминутивы, в семантике которых превалирует эмотивно-оценочный компонент значения, значение уменьшительности как таковой не выражено.

3. Стертые диминутивы, т.е. диминутивы, утратившие уменьшительно-ласкательное значение – формы, исконно являющиеся уменьшительными, но не имеющие данного значения в современном русском языке и, в большинстве случаев, вытеснившие из активного употребления нейтральную производящую форму.

3.2.3. Неэкспрессивные («размерные») диминутивы

Вслед за И.В. Фуфаевой, предложившей классификацию диминутивных форм в русском языке [Фуфаева, 2017, с. 4], к неэкспрессивным диминутивам в романе М. Шишкина мы относим, в частности, уменьшительные формы, которые существуют наравне с производящими словами и обозначают, как правило, другие объекты, нежели производящее слово. Подобные формы носителями языка воспринимаются как уменьшительные, однако в языке они не имеют какой-либо специфической экспрессивной окраски.

В анализируемом тексте М. Шишкина нами были выявлены следующие типы неэкспрессивных диминутивов:

– неэкспрессивные диминутивы, означающие предмет, имеющий меньшие размеры или иное назначение, чем денотат производящего слова (например, *стаканчик для щеток* – *стакан*, предназначенный для хранения зубных щеток; *палочка от мороженого* – небольшая, тонкая *палка*, на которой держится сладкое кушанье; *кисточка для бритья* – специальная небольшая *кисть*, служащая для нанесения пены на лицо в процессе бритья; *семечки* – как уменьшительное к слову *семя*, зачаток высшего растения; *тропинка* – узкая протоптанная дорожка, лесная или полевая *тропа*; *крошка* – уменьшительное

от слова *кроха*, мельчайшая часть, маленький кусочек какого-либо вещества, в тексте М. Шишкина – хлеба и др.);

– неэкспрессивные диминутивы, в основе семантики которых лежит метафорический перенос, включающий в себя уподобление по форме, назначению и сему «меньший по размеру». Такие диминутивы могут представлять собой устойчивые сочетания и использоваться не только в разговорном, но и в других стилях речи (например, *часовые стрелки*, *кончик языка*, *шляпка гвоздя*, *спинка стула* и др.).

– неэкспрессивные диминутивы, означающие часть целого, представляющие собой соотношение общего и единичного (например, *песчинка* – крупинка *песка*, мельчайшая частица данного вещества; *крапинка* – небольшое пятнышко как часть окраски чего-либо; *снежинка* – кристаллик льда, маленькая составляющая *снега*; *травинка* – один стебелек, побег *травы* и др.). Согласно Русской грамматике под редакцией Н.Ю. Шведовой, существительные с суффиксом *-инк-* имеют значение «одна маленькая частица однородной массы, названной мотивирующим словом, имеющим собирательное значение» [Русская грамматика, 1980, с. 205].

Названные диминутивные формы на *-инк-* могут одновременно рассматриваться как образования с уменьшительным значением, мотивированные существительными на *-ина* со значением единичности [Русская грамматика, 1980, с. 205]. Многие из подобных диминутивов в современном русском языке полностью либо частично утратили свою производящую форму, однако, в отличие от «бывших» диминутивов, сохраняют уменьшительное значение (например, *песчинка* является уменьшительно-ласкательной формой от *песчина*, означающей одно песчаное зерно; *снежинка* – уменьшительно-ласкательная форма слова *снежина*, одна частичка, «охлопочек», *пушинка* снега; *травинка* – уменьшительно-ласкательная форма от *травина*, один стебель или листочек травы [Даль, 2008–2017]; *крапинка* является исконной уменьшительно-ласкательной формой

существительного *крапина*, суффиксального образования от слова *крап* «пятна, брызги» [Шанский, 2000] и др.).

В связи с тем что данные формы воспринимаются как уменьшительные, их производящие формы, бывшие ранее нейтральными, в разговорной речи в ряде случаев приобрели оттенок увеличительности: *травина* (разг.) – большой стебель травы [Ушаков, эл. ресурс], большой высокий стебель травы [БТС, эл. ресурс]; *снежина* (разг.) – крупная снежинка [Ушаков Д.Н., Ефремова Т.Ф., эл. ресурс] и др. Эти формы отражены в словарях, но в разговорной речи уже не встречаются, т.е. их, по-видимому, можно отнести к разряду устаревших.

Выборочные примеры неэкспрессивных диминутивов, представленных в романе М. Шишкина «Письмовник», приведены в таблице 6. (Здесь и далее в примерах из текста М. Шишкина курсив наш.)

Таблица 6

Неэкспрессивные диминутивы в романе М. Шишкина «Письмовник»

Пример	Предложение (микрконтекст)	Значение
Семечко, семечки	А мы в нем были <i>семечками</i> [Шишкин, 2012, с. 7].	Меньшие размеры
Шляпка	Эти рифмы связывают мир, сбивают его, как гвозди, загнанные по <i>шляпки</i> , чтобы он не рассыпался [Шишкин, 2012, с. 11].	Уподобление по форме
Кисточка	<i>Кисточку</i> для бритья [Шишкин, 2012, с. 17].	Иное назначение
Песчинка	Так в песке уже живет будущее стекло, и <i>песчинки</i> – семена вот этого окна [Шишкин, 2012, с. 7].	Часть целого
Снежинка	Высокие отрывистые звуки, схваченные педалью, таяли редкими <i>снежинками</i> в воздухе [Шишкин, 2012, с. 51].	Часть целого
Блюдце	Налила себе из банки мед в <i>блюдце</i> и облизывает ложку [Шишкин, 2012, с. 36].	Иное назначение
Спинка	Ты лежишь на диване, закинув забинтованную ногу на <i>спинку</i> , и читаешь какой-то толстый том [Шишкин, 2012, с. 38].	Уподобление по форме

Пример	Предложение (микроконтекст)	Значение
Мушка	Волны подкрадываются искоса, и испуганные <i>мушки</i> то и дело взлетают [Шишкин, 2012, с. 47].	Меньшие размеры
Стрелки	Он подарил мне часики – детские, ненастоящие, с нарисованными <i>стрелками</i> [Шишкин, 2012, с. 48].	Уподобление по форме
Молоточек	Мы всего-навсего стучим войлочными <i>молоточками</i> [Шишкин, 2012, с. 51].	Иное назначение
Ложечка	Хожу и учусь всему заново – вот здесь чайные <i>ложечки</i> , вот здесь чайник, а где чай? [Шишкин, 2012, с. 147].	Меньшие размеры
Пирожок	Так странно, когда я женился на Аде, ты уже где-то была, лепила <i>пирожки</i> из песка [Шишкин, 2012, с. 193].	Меньшие размеры
Машинка	Ставила пишущую <i>машинку</i> на подушку [Шишкин, 2012, с. 224].	Иное назначение

Однако говорить о неэкспрессивном характере многих диминутивных форм применительно к роману М. Шишкина можно весьма условно, поскольку, являясь относительно нейтральными в языке, в тексте художественного произведения данные уменьшительные образования приобретают насыщенный эмотивный характер и активно участвуют в выражении различных оттенков экспрессии.

Так, к примеру, гвоздям, загнанным по *шляпки*, уподобляются в романе М. Шишкина рифмы, связующие мир, т.е. некие первоосновы, обеспечивающие соразмерность, согласованность и созвучие всех начал мироздания, всех, существовавших когда-либо и существующих сейчас существ, предметов, явлений: «Эти рифмы связывают мир, сбивают его, как гвозди, загнанные по *шляпки*, чтобы он не рассыпался» [Шишкин, 2012, с. 11]. Диминутивная форма

шляпки в данном предложении, являясь метафорой изначально присущих миру законов, передает важность всех, кажущихся незначительными, деталей, которые, несмотря на свою простоту, приводят человека к пониманию сущности окружающего мира: и *ветки* сосны, которая штопает небо, и аптечной *травки*, и часовой *стрелки*, и порезанного забинтованного *пальца* (диминутивная форма к праслав. **palъ*) [Шишкин, 2012, с. 11]. Все это оказывается связанным между собой, и использование диминутивных форм в данном контексте является максимально оправданным и необходимым, поскольку малое мыслится частью великого, временное – частью вечного.

Чтобы передать взаимосвязь большого и малого, части и целого, простого и сложного, М. Шишкин прибегает к использованию различных художественных образов, имеющих в тексте форму диминутивов. В частности, автор уподобляет нашу Вселенную в ее первоначальном состоянии некоему первоарбузу, который в виде *семечек* заключал в себе все, появившееся позднее (в том числе «все еще несказанные слова, и все видимые и невидимые галактики» [Шишкин, 2012, с. 7]). Образ *семечек* (уменьшительная форма слова *семя*) передает, с одной стороны, малость человека во Вселенной, а с другой стороны – его значительность, поскольку, будучи *семечками*, человек, его мысли и воспоминания являются зачатками новой жизни, основой существования и развития мироздания.

Аналогичную функцию выполняет в тексте и образ *войлочных молоточков* (необходимых элементов фортепиано), способствующий выражению мысли от том, что в сложном часто скрывается простое, каждая загадка имеет свой ответ, каждая задача – свое решение, необходимо лишь проникнуть в их суть, заглянуть внутрь них: «Видишь, как странно все устроено – в каждом сложном, необъяснимом есть что-то простое – мы всего-навсего стучим войлочными *молоточками*» [Шишкин, 2012, с. 52]. Использование данной диминутивной формы привносит в повествование такие противоречивые экспрессивные оттенки, как уничижительность и торжественность, что соответствует двойственности и неоднозначности мира.

3.2.4. Экспрессивные диминутивы

Наибольшую роль в создании эмотивного фона произведения М. Шишкина играют экспрессивные диминутивы. Как отмечалось выше, экспрессивные диминутивные формы подразделяются нами на субъективно-уменьшительные и субъективно-оценочные.

Субъективно-уменьшительные диминутивы передают уменьшительность как объективное значение, называют предмет, меньший по размеру, интенсивности, протяженности, длительности и т.п., чем денотат производящего слова, и одновременно с этим обладают ярко выраженным эмотивным значением. Спектр эмотивных оттенков, которые могут быть переданы посредством субъективно-уменьшительных диминутивов, достаточно широк. Среди них можно назвать ласкательность («Он подарил мне *часики* – детские, ненастоящие, с нарисованными стрелками» [Шишкин, 2012, с. 48]), умиленность («Растираю *спинку, животик, ножки*» [Шишкин, 2012, с. 406]), сочувствие, жалость, сострадание («Становятся человечными по отношению к живущей в кармане *зверушке*» [Шишкин, 2012, с. 85]), уничижительность, неуверенность («*Пупок* мироздания, *горстка* букв» [Шишкин, 2012, с. 360]), иронию, участие («Присела на *минутку* задние *лапки* почесать, а вышло, что навсегда» [Шишкин, 2012, с. 17]), незначительность, снисходительность («Кое-где чернеются китайские *деревеньки*» [Шишкин, 2012, с. 264]) и др.

В тексте М. Шишкина использование субъективно-уменьшительных диминутивов способствует в основном выражению позитивных чувств и эмоций, испытываемых героями произведения. Пейоративных оттенков значения данные диминутивные формы практически не передают, что, на наш взгляд, связано с общей тональностью романа, отличающейся атмосферой интимности, близости и доверительности, создаваемой перепиской героев.

Выборочные примеры субъективно-уменьшительных диминутивов, представленных в романе М. Шишкина «Письмовник», и выражаемых ими значений приведены в таблице 7.

Субъективно-уменьшительные диминутивы в романе М. Шишкина «Письмовник»

Пример	Предложение (микрконтекст)	Значение
Зверушки	Ну вот как ребенок берет кусок пластилина, лепит из него <i>зверушек</i> , человечков, деревья, домики [Шишкин, 2012, с. 311].	Меньший по размеру + ласкательность, умильность
Человечки	Ну вот как ребенок берет кусок пластилина, лепит из него зверушек, <i>человечков</i> , деревья, домики [Шишкин, 2012, с. 311].	Меньший по размеру + ласкательность, умильность
Пузырики	Лежала и смотрела, как волоски на коже по всему телу покрываются <i>пузыриками</i> [Шишкин, 2012, с. 314].	Меньший по размеру + ласкательность
Горстка	Точка пересечения линий в перспективе, пупок мироздания, <i>горстка</i> букв [Шишкин, 2012, с. 360].	Меньший по количеству + неуверенность, растерянность
Спинка	Потом хожу с ним на плече по комнате, похлопываю по <i>спинке</i> , чтобы срыгнул [Шишкин, 2012, с. 298].	Меньший по размеру + ласкательность, нежность
Струйка	И вдруг что-то в пупке щекотное – открываю глаза, а это ты тонкой <i>стружкой</i> сыплешь из кулака песок мне на живот [Шишкин, 2012, с. 352].	Меньший по интенсивности + ласкательность, нежность
Минутка	Присела на <i>минутку</i> задние лапки почесать, а вышло, что навсегда [Шишкин, 2012, с. 17].	Меньший по длительности + ироничность, участие
Шажки	Забросила ноги на стенку и вдруг побежала мелкими <i>шажками</i> по обоям [Шишкин, 2012, с. 27].	Меньший по длине + ласкательность, трогательность
Снежок	На улице шел легкий <i>снежок</i> , и дворник лопатой сгребал его в сугробы [Шишкин, 2012, с. 339].	Меньший по интенсивности + ласкательность
Ветерок	С берега шел теплый <i>ветерок</i> и приносил какие-то новые неузнаваемые запахи [Шишкин, 2012, с. 112].	Меньший по интенсивности + ласкательность, созерцательность
Островок	Вот так не осталось и <i>островка</i> прохлады, а сна все нет и нет [Шишкин, 2012, с. 125].	Меньший по размеру + безысходность, отчаянность

Как видно из приведенных в таблице 7 примеров, в семантике субъективно-уменьшительных диминутивов представлены два компонента значения – размерности и эмотивности. При этом эмотивная составляющая может сочетать в себе несколько оттенков экспрессии. Так, к примеру, уменьшительно-ласкательная форма *ветерок* выражает разные эмотивные значения в зависимости от контекста. В предложениях «Проснулся рано – и это лучшее время здесь. Только рассвело, еще свежо, утренний *ветерок*» [Шишкин, 2012, с. 177] диминутивная форма отражает ощущения радости и временного облегчения, которые испытывает главный герой. В приведенном выше предложении «С берега шел теплый *ветерок* и приносил какие-то новые неузнаваемые запахи» форма *ветерок* одновременно заключает в себе ощущения ласки, легкости и тревожности, поскольку герою было «радостно отчего-то, и страшновато» [Шишкин, 2012, с. 112]. Во фразе «Эх вы, *ветерок* в голове! В школе ведь проходили! В одно ухо влетело, в другое вылетело. Учи вас, дураков!» [Шишкин, 2012, с. 80] данная форма передает эмоции неодобрения, уничижения, снисходительности.

Однако наибольшей семантической сложностью характеризуются в тексте М. Шишкина субъективно-оценочные диминутивы, не выражающие уменьшительность как прямое значение, но передающие различные оттенки экспрессии, как мелиоративные, так и пейоративные. В частности, в романе «Письмовник» нами были выделены такие значения субъективно-оценочных диминутивов, как ласкательность (*коленки, сандалики, маечка, туфельки, сумочка, солнышко* и др.), гипокористичность (*Сашенька, Володенька, Игорек, Костик, Аленушка* и др.), восторженность, восхищение (*мамочка, мордочка, рожницы* и др.), сочувствие, жалость, сострадание (*солдатушки, мальчишки* и др.), уничижительность (*писульки, безделушки* и др.), пренебрежительность, презрение, сарказм (*везунчик, дурочка* и др.), снисходительность (*деточка, Сашка-промокашка* и др.), насмешка, ирония (*назначеньце, шкурка* и др.) и пр.

Многие диминутивы в контексте художественного произведения становятся выразителями сразу нескольких, в том числе противоположных,

эмотивных значений. Так, в частности, существительное *кровиночка*, образованное при помощи суффикса *-очк-*, имеющего в языке ласкательное и уменьшительно-ласкательное значение [Русская грамматика, 1980, с. 211], в романе М. Шишкина становится средством выражения сарказма, некоторой насмешки, поскольку помещается в один контекст с негативно окрашенным, стилистически сниженным глаголом *унавозит*: «Понимаю, Вам важно знать, поля какой именно вражеской империи унавозит Ваша *кровиночка*» [Шишкин, 2012, с. 104].

Важную роль в создании эмотивного фона романа «Письмовник» играют имена собственные и их уменьшительно-ласкательные формы (гипокористики). При образовании данных форм в романе используются такие суффиксы, как *-еньк-* (*Сашенька, Володенька*), *-к-* (*Сашка, Вовка, Янка*), *-ик-* (*Костик*), *-ек-* (*Игорек*), *-ушк-* (*Аленушка*), *-ечк-* (*Сонечка, Танечка*), *-очк-* (*Адочка, Яночка*).

Как отмечает А. Вежбицкая, каждый суффикс, используемый для образования ласкательных форм имен собственных в русском языке, имеет свою семантическую формулу, свое толкование, и может включать в себя несколько оттенков значения. Формы с суффиксом *-очк-*, к примеру, выражают положительное отношение к адресату и в представлении говорящего соотносятся с миром детства, поэтому значение данного суффикса может быть истолковано следующим образом: «Я испытываю по отношению к тебе какие-то хорошие чувства вроде тех, которые испытывают, говоря с маленькими детьми» [Вежбицкая, 1996, с. 119]. Сочетание хорошего отношения к адресату речи и его восприятия как ребенка отражается в употреблении ласкательных форм с суффиксом *-очк-* в романе «Письмовник». В частности, некий старик, новый ухажер одной из героинь романа, при обращении к ней использует такие уменьшительно-ласкательные формы, как *Яночка* («*Яночка* моя! Вот тебе самое дорогое, что у меня есть!» [Шишкин, 2012, с. 66]) и *деточка* («*Деточка*, я влюблялся в женщин, когда твои родители еще не родились» [Шишкин, 2012, с. 66]), что согласуется с большой разницей в их возрасте.

В отличие от суффикса *-очк-*, как отмечает А. Вежбицкая, суффикс *-еньк-* не содержит семы «маленький по размеру или возрасту». В Русской грамматике под редакцией Н.Ю. Шведовой он характеризуется как ласкательный [Русская грамматика, 1980, с. 211]. Суффикс *-еньк-* выражает ласковое отношение к адресату, его использование сопровождается чувствами нежности, любви, личными и интимными коннотациями.

Семантическую формулу суффикса *-еньк-* А. Вежбицкая представляет так: «Я испытываю по отношению к тебе какие-то хорошие чувства». Я испытываю какие-то хорошие чувства, говоря с тобой и думая о тебе [Вежбицкая, 1996, с. 122–123]. В романе М. Шишкина «Письмовник» именно суффикс *-еньк-* является наиболее употребительным при обращении главных героев друг к другу: *Володенька*, *Сашенька*. Исключительно форму *Володенька* использует героиня в своих письмах, дополняя ее такими обращениями, как «Мой любимый человек! Радость моя!» [Шишкин, 2012, с. 113], «Мой милый, дорогой, ненаглядный, единственный!» [Шишкин, 2012, с. 100], «Любимый!» [Шишкин, 2012, с. 403] и др. В Володиных письмах также часто (75 раз на протяжении романа!) используется форма *Сашенька*, сопровождаемая ласковыми обращениями «Любимая! Родная моя!» [Шишкин, 2012, с. 409], «Чудесная моя!» [Шишкин, 2012, с. 119], «Чудо мое! Славная моя!» [Шишкин, 2012, с. 176], «Милая моя, хорошая!» [Шишкин, 2012, с. 244] и др.

Особыми эмотивными коннотациями при образовании форм имен собственных отличается также суффикс *-к-*, «самый многосторонний и неуловимый» среди русских экспрессивных суффиксов [Вежбицкая, 1996, с. 137]. Несмотря на то что в лингвистической литературе данный суффикс принято описывать как пейоративный [Вежбицкая, 1996, с. 137], он характеризуется полисемичностью и может передавать различные оттенки экспрессии от любви до презрения и высокомерия. В переписке главных героев романа М. Шишкина суффикс *-ка* используется для выражения нежности, ласки, ощущения теплоты и близости: «Все у нас будет, Сашка, родная, поверь!» [Шишкин, 2012, с. 276], «Сашка моя разноглазая!» [Шишкин, 2012, с. 280],

«дорогая моя Сашка» [Шишкин, 2012, с. 372], «далекая моя Сашка» [Шишкин, 2012, с. 14], «Вовка-морковка, где ты сейчас?» [Шишкин, 2012, с. 8] и др. При общении героини с подругой данный суффикс свидетельствует об их дружеских, близких, доверительных отношениях и отсутствии дистанции между ними: «Сашка, поверь, дети – не заменитель любви [Шишкин, 2012, с. 327]», «И радуюсь, когда Янка зовет по субботам посидеть с ее детьми» [Шишкин, 2012, с. 295].

Многие субъективно-оценочные диминутивы, отмеченные нами в романе «Письмовник», характеризуются полисемичностью. Выборочные примеры диминутивов и выражаемые ими оттенки экспрессии представлены в таблице 8.

Таблица 8

Субъективно-оценочные диминутивы в романе М. Шишкина «Письмовник»

Пример	Предложение	Значение
Рожица	Он корчит умильные <i>рожицы</i> , пускает пузыри, а я чувствую себя совершенно счастливой [Шишкин, 2012, с. 298].	Ласкательность, восхищение
Сашенька	<i>Сашенька!</i> [Шишкин, 2012, с. 299].	Ласкательность, гипокористичность
Дочка	Сашенька, <i>дочка</i> , я боюсь! [Шишкин, 2012, с. 321].	Тревожность, растерянность
Мамочка	<i>Мамочка!</i> [Шишкин, 2012, с. 322].	Нежность, доброжелательность
Игорек	Устану, прилягу отдохнуть, а <i>Игорек</i> устроится рядом и ездит по мне машинкой – как по горам [Шишкин, 2012, с. 325].	Ласкательность, гипокористичность
Мальчишка	Бедные <i>мальчишки!</i> [Шишкин, 2012, с. 327].	Жалость, сострадание, сочувствие
Шкурка	Пробежала кошка, и мне на минуту показалось, что это моя Кнопка, позвала ее, но это была Кнопка в новой <i>шкурке</i> [Шишкин, 2012, с. 339].	Ирония, сожаление
Зайка	<i>Зайка!</i> [Шишкин, 2012, с. 33].	Ласкательность, нежность

Пример	Предложение	Значение
Шапочка	В какой-то дурацкой вязаной <i>шапочке</i> [Шишкин, 2012, с. 344].	Жалость, участие
Солнышко	Погода за морем: <i>солнышко</i> , тепло [Шишкин, 2012, с. 261].	Ласкательность
Везунчик	Он крупный губошлеп и <i>везунчик</i> [Шишкин, 2012, с. 364].	Презрение, неодобрение
Песик	После ванны <i>песик</i> может простудиться [Шишкин, 2012, с. 364].	Сарказм
Писульки	Извини, что получают короткие <i>писульки</i> – совершенно нет времени на себя [Шишкин, 2012, с. 13].	Уничижительность, неодобрение
Деточка	<i>Деточка</i> , я влюблялся в женщину, когда твои родители еще не родились [Шишкин, 2012, с. 66].	Снисходительность
Назначеньце	<i>С назначеньцем!</i> [Шишкин, 2012, с. 62].	Насмешка, неодобрение

3.2.5. Стертые диминутивы

В романе М. Шишкина «Письмовник», наряду с неэкспрессивными и экспрессивными диминутивами, нами было выделено достаточно большое количество форм, исторически являвшихся уменьшительно-ласкательными, но в настоящее время утративших данное значение и не воспринимаемых носителями языка как диминутивные. По аналогии с существующим термином «стертая метафора», т.е. общепринятая метафора, утратившая семантически мотивированные связи значений, подобные уменьшительные формы мы предлагаем обозначать как *«стертые» диминутивы*.

Изначально данные диминутивы представляли собой пару в оппозиции «нейтральное производящее слово – уменьшительно-ласкательная производная форма слова», однако со временем многие из них вытеснили из активного употребления нейтральную форму, что позволяет говорить об экспансии диминутивов в русском языке [Фуфаева, 2016, с. 257].

Для выделения диминутивов, утративших исконное уменьшительно-ласкательное значение в процессе исторического развития языка, нами были разработаны определенные критерии:

1. Прежде всего, слово, выбранное для анализа, должно иметь формальный признак, позволяющий отнести его к диминутивам, – сегмент, соответствующий какому-либо уменьшительно-ласкательному суффиксу (-ок-/ -ик-/ -чик-, -еньк-, -енк-, -к-, -ушк-, -онк-, -инк-, -очк-, -ельк-, -елк- и др.). На современном этапе развития языка с точки зрения синхронического словообразования данный сегмент может представлять собой часть корня, однако с диахронической точки зрения он является суффиксом. Например, в современном русском языке в слове *лепешка* выделяется корень *лепешк-* и флексия *-а*, однако исконно, как отмечается в этимологическом словаре Н.М. Шанского, данное слово представляло собой суффиксальное уменьшительно-ласкательное производное от слова *лепеха*, в свою очередь образованного от глагола *лепить* посредством суффикса *-еха* [Шанский, 2000]. Таким образом, в слове *лепешка* с диахронической точки зрения может быть выделен корень *леп-*, суффикс *-еш*, называющий продукт действия, и уменьшительно-ласкательный суффикс *-ка*.

2. Несмотря на то что слово, претендующее на роль «стертого» диминутива, содержит уменьшительно-ласкательный суффикс, в современном русском языке оно не должно иметь значения ни уменьшительности, ни ласкательности.

При определении значения слова мы ориентировались на толковые словари русского языка, в том числе на интернет-ресурсы (например, Грамота.ру), а также на результаты, полученные нами при проведении неформальных опросов среди носителей русского языка.

Так, к примеру, слово *палатка*, исконно являющееся уменьшительно-ласкательным образованием от существительного *палата* в значении «дом, дворец» (например, «царские палаты» или «палаты каменные») [Крылов; Шанский, 2000] и обозначающее, по всей видимости, «роскошный шатер»

[Фасмер], сейчас не содержит ни уменьшительного, ни экспрессивного компонентов значения, называя «временное, обычно летнее помещение из непромокаемой плотной ткани или шкуры (обычно натянутой на каркас)» [БТС].

В том случае, если слово сохраняет значение уменьшительности, но лишено каких-либо эмотивных оттенков, мы его классифицируем как неэкспрессивный диминутив (например, *крапинка*, *крутинка* и т.п.). Если слово сохраняет экспрессивный характер, но не выражает уменьшительность как объективный признак предмета, оно относится нами к субъективно-оценочным диминутивам (например, *везунчик* и т.п.).

3. Диминутивы, утратившие уменьшительно-ласкательное значение, должны представлять собой пару в оппозиции «нейтральная форма – уменьшительно-ласкательная форма». Производящая форма может быть выделена с помощью словарей современного русского языка либо посредством этимологических словарей [Фасмер; Шанский, 2000; Крылов]. В частности, в этимологическом словаре Н.М. Шанского слова, выделяемые нами в качестве «бывших» диминутивов, обозначаются как исконные суффиксальные уменьшительно-ласкательные производные от того или иного слова. Например: *лепесток* – «искон. суф. уменьшит.-ласкат. производное от *лепест* “лист”, в свою очередь образованного посредством суф. *-ест* (ср. *шелест*) от той же основы, что *лепень* “лоскут”, лит. *Lāpas* “лист”» [Шанский, 2000].

Если обратиться к анализу языкового материала, представленного в романе М. Шишкина «Письмовник», соотношение диминутивов, утративших уменьшительно-ласкательное значение, и их производящих форм может иметь следующие варианты:

1. Производящая нейтральная форма полностью вытеснена из употребления, не сохранилась в современном русском языке (например, *лепесток* от *лепест*, *палец* от *пал*, *варежка* от *варега*, *зрачок* от *зрак*, *стручок* от *струк*, *сверчок* от *сверч*, *палка* от *пала*, *огурец* от *огур* и др.).

2. Производящая форма сохранилась в русском языке, но приобрела какую-либо стилистическую окраску (книжн., разг. и др.), в то время как бывшая диминутивная форма стала употребляться в качестве нейтральной (например, *пятка* и *пята* (устар.), *бабочка* и *баба* (трад.-нар.), *лепешка* и *лепеха* (сниж.), *лягушка* и *лягуха* (обл. и сниж.) и др.).

3. Производящее слово и его исконное уменьшительно-ласкательное производное сохранились в современном русском языке, однако оба используются как нейтральные и приобрели разные значения (например, *палатка* и *палата*, *порошок* и *порох*, *дворец* и *двор*, *цветок* и *цвет* и др.).

4. Производящая нейтральная и уменьшительно-ласкательная формы сосуществуют в современном русском языке и в словарях отмечаются как равные (например, *елка* и *ель*, *нитка* и *нить* и др.).

Однако, будучи нейтральными в языке, в определенном контексте «бывшие» диминутивы могут становиться эмотивами. В частности, в романе М. Шишкина «Письмовник» одно и то же слово может выполнять функцию нейтрального обозначения лица или предмета, но также может приобретать различные оттенки экспрессии.

В качестве примера рассмотрим существительные *мальчик* и *девочка*, в современном русском языке имеющие значение «ребенок или подросток мужского/женского пола» [БТС] и не обладающие какой-либо экспрессией: «Вот идет какой-нибудь *мальчик* с лейкой в руке... [Шишкин, 2012, с. 43]», «Янка не хотела знать до родов, кто родится, и ждала *девочку*, а родился *мальчик*» [Шишкин, 2012, с. 295], «Родилась *девочка*» [Шишкин, 2012, с. 29], «*Девочкой* я часами вглядывалась в зеркало» [Шишкин, 2012, с. 30], «Сегодня увидела, как *девочка* упала с велосипеда – ободрала коленку...» [Шишкин, 2012, с. 16] и др.

Однако данные слова могут употребляться в переносном значении, что наделяет их различными мотивными смыслами (так называемая «ситуативная эмотивность» [Шаховский, 1990]). Например, в предложении «Так вот, златоусты, с их упованием на продление себя во времени, это такие же глупые начитанные *мальчики*, как я, пытающиеся всю свою жизнь заговорить витиеватыми

разговорами смерть, а она, в конце концов, не дослушав, все равно хлопнет их по ушам» [Шишкин, 2012, с. 219] существительное *мальчики* имеет значение «неопытный, наивный, неискушенный, несведущий молодой человек, мужчина» [БТС] и наделено ярко выраженной пренебрежительной коннотацией. Слово *девочка* также может приобретать различные эмотивные смыслы. В частности, оно может играть роль ласкового обращения к любимой женщине, возлюбленной, выражая при этом ласкательность, нежность, интимность и т.п. оттенки экспрессии: «*Девочка* моя! Любимая моя!» [Шишкин, 2012, с. 280], «Саша! Пишу тебе, *девочка* моя, и забываю обо всем, что кругом! Как хорошо!» [Шишкин, 2012, с. 253].

Таким образом, можно заключить, что все группы диминутивов (неэкспрессивные, экспрессивные, стёртые) в романе М. Шишкина «Письмовник» участвуют в выражении эмотивности и в связи с этим представляют собой сложную переводческую задачу, требующую от переводчика внимательного подхода и использования различных приемов, позволяющих сохранить эмотивную тональность произведения.

3.3. Отражение русских диминутивных форм в сербском переводе

3.3.1. Способы перевода русских диминутивных форм на сербский язык

Приступая к анализу русского текста и его перевода на сербский язык, мы предполагали, что благодаря родственности русского и сербского языков, а также наличию аналогичных систем суффиксации в данных языках, русские уменьшительно-ласкательные суффиксы могут найти формальные и семантически точные соответствия в сербском переводе. Для верификации данного предположения нами было проведено исследование, материалом которого, как уже отмечалось, был выбран роман М. Шишкина «Письмовник» и его перевод на сербский язык. Выбор данного текста в качестве материала был обусловлен специфическим жанром данного произведения, особым эмоциональным миром, для языкового воплощения которого автор использует

огромное количество диминутивных форм, которые, как уже говорилось, он считает приметой «языка для своих». Методом сплошной выборки нами были отобраны и проанализированы 1284 русские диминутивные формы, среди которых наиболее частотными, как уже отмечалось выше, являются –ок-/-ик-/-чик-, -еньк-, -енк-, -к, -ушк-, -онк-, -инк-, -очк-, -ельк-, -елк-.

Сопоставительный анализ оригинального русского текста и сербского перевода показал, что приведенные формальные соответствия (см. таблицу 5) не всегда используются в переводе, т. е. далеко не всегда являются переводческими соответствиями¹.

Нами были выявлены следующие закономерности, характеризующие особенности перевода диминутивных форм с русского языка на сербский:

1. Полное совпадение диминутивных суффиксов (полный перевод).
2. Функциональная замена (частичный перевод).
3. Утрата диминутивных суффиксов (нулевой перевод).
4. Добавление сербских диминутивных суффиксов при отсутствии суффикса в русском тексте (компенсированный перевод).

Каждая группа закономерностей имеет свои особенности, которые будут рассмотрены нами ниже.

3.3.2. Полное совпадение русских и сербских диминутивных суффиксов (полный перевод)

Как показал анализ текста М. Шишкина и его перевода на сербский язык, полное совпадение русских и сербских суффиксов происходит достаточно редко и в основном только тогда, когда речь идет о ласковом обращении по имени. В этом случае используется прием транслитерации, т.е. русский суффикс переносится в сербский язык. Данные уменьшительно-ласкательные формы имен собственных имеют ярко выраженную культурологическую

¹ Мы не ставили своей целью провести анализ всех сербских диминутивных форм по параметрам «эмотивность/размерность», поскольку исходным материалом для нас были русские диминутивные формы.

окраску, свидетельствующую о принадлежности данного слова русскому языку, поскольку в сербском языке подобные формы не употребляются. Из проанализированных 1284 русских диминутивов, полное совпадение наблюдается всего в 96 случаях (7,5 %). Ниже в таблице 9 приведены наиболее яркие примеры полного совпадения на формальном уровне русских и сербских диминутивных суффиксов при переводе.

Следует отметить, что при переводе уменьшительно-ласкательных форм имени главной героини (*Сашенька*, *Сашка*) диминутивные суффиксы сохраняются в большинстве случаев (на 107 диминутивных форм в русском тексте – 87 диминутивных форм в сербском). Однако при переводе мужского имени *Володенька* (в тексте М. Шишкина встречается 7 раз) Любинкой Милинчич используются в основном гипокористики (*Voloda*), и только в одном случае переводчица сохраняет изначальную диминутивную форму (*Volodenka*).

Таблица 9

Полное совпадение русских и сербских диминутивных суффиксов (полный перевод)

Диминутивная форма в русском тексте	Предложение в русском тексте	Вариант перевода на сербский язык	Предложение в сербском тексте
Сашенька	<p><i>Сашенька</i> моя хорошая! [Шишкин, 2012, с. 13]</p> <p>Да, <i>Сашенька</i> моя дачная, как давно это было и в какой-то совсем другой и далекой жизни [Шишкин, 2012, с. 38].</p> <p><i>Сашенька</i> моя далекая! [Шишкин, 2012, с. 189]</p> <p><i>Сашенька</i>, милая, хорошая, я не жалею тебе, нет, и знаю, что ты это понимаешь [Шишкин, 2012, с. 205].</p>	Sašenjka	<p><i>Sašenjka</i> moja, draga! [Šiškin, 2011, с. 9]</p> <p>Da, <i>Sašenjka</i> moja sa daće, kako je to davno bilo, u nekakvom drugom i dalekom životu [Šiškin, 2011, с. 24].</p> <p><i>Sašenjka</i> moja daleka! [Šiškin, 2011, с. 114]</p> <p><i>Sašenjka</i>, mila, dobra, ja ti se ne žalim, ne, i znam da ti to razumeš [Šiškin, 2011, с. 123].</p>

Диминутивная форма в русском тексте	Предложение в русском тексте	Вариант перевода на сербский язык	Предложение в сербском тексте
Кристаллики	Морская вода, высыхая, оставляет на ее коже <i>кристаллики</i> соли [Шишкин, 2012, с. 50].	kristalići	Morska voda se suši i ostavlja na njenoj koži <i>kristaliće</i> soli [Šiškin, 2011, с. 32].
Сашка	Далекая моя Сашка... [Шишкин, 2012, с. 14] Сашка, родная! [Шишкин, 2012, с. 23] Сашка моя родная! [Шишкин, 2012, с. 222] Все у нас будет, Сашка, родная, поверь! [Шишкин, 2012, с. 276] Сашка моя разноглазая! [Шишкин, 2012, с. 280]	Saška	Draga moja Saška... [Šiškin, 2011, с. 9]. Saška, rođena! [Šiškin, 2011, с. 15] Saška moja rođena! [Šiškin, 2011, с. 133] Sve crno mi imati, Saška, mila, veruj mi! [Šiškin, 2011, с. 166] Saška moja, raznooka! [Šiškin, 2011, с. 168]
Володенька	Володенька! [Шишкин, 2012, с. 377]	Volodenka!	Volodenka! [Šiškin, 2011, с. 227]
Мостик	Выбежала на <i>мостик</i> , а он взорвался от прибоя — и я сразу получила от моря мокрую пощечину [Шишкин, 2012, с. 46].	mostić	Istrčala sam na <i>mostić</i> , a on se prolomio od udarca talasa — i odmah sam dobila od mora mokrар šamar [Šiškin, 2011, с. 29].
Мальчик с пальчик	Получился <i>мальчик с пальчик</i> [Шишкин, 2012, с. 11].	Palčić	Ispao je — <i>Palčić</i> [Šiškin, 2011, с. 7].

Полное совпадение русских и сербских диминутивных суффиксов можно наблюдать также при переводе уменьшительно-ласкательных форм на *-ик-*, которым в сербском языке соответствуют формы на *-ić*: напр., *мостик* – *mostić*, *кристаллики* – *kristaliće*. Диминутивный суффикс *-ик-*, согласно «Русской грамматике» под ред. Н.Ю. Шведовой, имеет уменьшительное значение, сопровождающееся, как правило, экспрессией ласкательности, но может также иметь только ласкательное экспрессивное значение и значение

уничижительности [Русская грамматика, 1980, с. 205]. В сербском языке суффикс *-ić* также может выражать уменьшительное, уменьшительно-ласкательное, гипокористическое значение, кроме того, может передавать ироничные и презрительные оттенки экспрессии [Ристић, Милосављевић, Јовановић, 2005, с. 602]. Данный суффикс является достаточно частотным в сербском языке и используется для образования различных групп диминутивной лексики: 1) диминутивов, обозначающих профессию, статус, личные особенности человека; 2) диминутивов, обозначающих животных и их детенышей; 3) диминутивов, обозначающих предметы, растения и пр. Благодаря тому, что суффикс *-ić* широко распространен в сербском языке и имеет значения, аналогичные русскому суффиксу *-ик-*, он является формальным и семантически точным соответствием при переводе.

Полное совпадение русских и сербских суффиксов в тексте Л. Милинчич наблюдается также при переводе наименований, в частности названия газеты «Вечерка». В данном случае переводчица также прибегает к приему транслитерации, передавая изначальный облик слова буквами сербского алфавита: «Открываю вчерашнюю *“Вечерку”*, а там про нас с тобой» [Шишкин, 2012, с. 7] – «*Otvaram jučerašnju „Večerku“*, а тамо о теби и мени» [Šiškin, 2011, с. 5], «От тусклой лампочки вчерашняя *“Вечерка”* будто утопленница» [Шишкин, 2012, с. 360] – «*Od mutnog svetla jučerašnja „Večerka“ izgleda kao utopljenica*» [Šiškin, 2011, с. 216]. Однако в данном случае эмотивность достигается не за счет использования диминутивных форм, а посредством универбации, т.е. трансформации сложной номинативной единицы в одно слово при помощи суффикса.

3.3.3. Функциональная замена (частичный перевод)

В отличие от полного перевода, частичный перевод появляется значительно чаще. Частичным переводом мы называем замену русских

дими́нутивных суффиксов сербскими дими́нутивными суффиксами, не являющимися формальными эквивалентами русских. Вместо формальных эквивалентов переводчик использует сербские суффиксы другой формы. Так, например, вместо сербского суффикса *-k-*, появление которого следовало бы ожидать при переводе слова *сандалики*, появляется суффикс *-ic-*: *sandalice*. В данном случае замена русского дими́нутивного суффикса в сербском переводе происходит в силу того, что в сербском языке слова женского рода не образуют дими́нутивную форму с помощью суффикса *-k-*. Из проанализированных 1284 русских дими́нутивов частичный перевод наблюдается в 304 случаях (23,7%).

Ниже в таблице 10 представлены примеры, иллюстрирующие основные способы замены русских дими́нутивных суффиксов сербскими суффиксами с аналогичным значением в сербском тексте.

Таблица 10

Функциональная замена (частичный перевод)

Дими́нутивная форма в русском тексте	Предложение в русском тексте	Вариант перевода на сербский язык	Предложение в сербском тексте
Зайка	Наверно, ему приятно было крикнуть: – <i>Зайка!</i> – и обе откликались...[Шишкин, 2012, с. 33]	Zečić	Sigurno mu se sviđalo kad vikne: – <i>Zečiću!</i> – i obe odgovaramo...[Šiškin, 2011, с. 21].
Косточка	В трамвае на нас оборачиваются – твой кулак у моего носа, а я целую ту <i>косточку</i> , которая июль...[Шишкин, 2012, с. 22].	Košćica	U tramvaju se okreću za nama, tvoja pesnica je kod mog nosa i ja ljubim onu <i>koščicu</i> koja predstavlja juli [Šiškin, 2011, с. 14].
Минутка	Присела на <i>минутку</i> задние лапки почесать, а вышло, что навсегда [Шишкин, 2012, с. 17].	Trenutak	Sela je za <i>trenutak</i> na zadnje nožice da se počeše, a ispalo je zauvek [Šiškin, 2011, с. 11].
Камушки	Помнишь, у тебя на полке были красивые <i>камушки</i> , которые ты когда-то привезла с моря? ...[Шишкин, 2012, с. 41]	Kamenčići	Sećaš se, kod tebe na polici su bili lepi <i>kamenčići</i> koje si nekad donela s mora? [Šiškin, 2011, с. 26]

Диминутивная форма в русском тексте	Предложение в русском тексте	Вариант перевода на сербский язык	Предложение в сербском тексте
Лепестки	И створоженные <i>лепестки</i> от свернувшегося молока вот в этой кружке с кофе [Шишкин, 2012, с. 30].	Grudvice	I te <i>grudvice</i> od pokvarenog mleka u šolji za kafu [Šiškin, 2011, с. 19].
Сандалики	И вот в одной коробке я нашла детские сандалики [Шишкин, 2012, с. 28]	Sandalice	I tako sam u jednoj kutijici našla dečje sandalice [Šiškin, 2011, с. 18]
Семечко	А мы в нем были семечками [Шишкин, 2012, с. 7].	Semenka	A mi smo u njoj bili semenke [Šiškin, 2011, с. 5].
Шапочка	Она заплывала очень далеко, и ее резиновая <i>шапочка</i> качалась на волнах [Шишкин, 2012, с. 50]	Kapica	Otplivala je vrlo daleko i njena gumena <i>kapica</i> se ljuljala na talasima [Šiškin, 2011, с. 31]
Палочки	...Папа-мальчик брал две <i>палочки</i> и, пока тот играл на скрипке, повторял движения [Шишкин, 2012, с. 51].	Štapići	...Tata-dečak je uzirao dva <i>štapića</i> i dok je ovaj svirao na violini, ponavljao njegove pokrete [Šiškin, 2011, с. 32].

Из примеров, приведенных в таблице, видно, что в случае частичного перевода могут изменяться не только суффиксы (*зайка* – *zećići*, *камушки* – *katenćići*, *косточка* – *koščica* и т.п.), но и грамматические характеристики слова, в частности род. Так, в русском тексте диминутивная форма от слова *семя*, образованная посредством суффикса *-ечк-*, относится к среднему роду (*семечко*). Поскольку в сербском языке русский суффикс *-ечк-* не имеет формальных соответствий, диминутивная форма от слова *seme* (средний род) образуется с помощью суффикса *-enk-* и принадлежит женскому роду (*semenka*).

Проведя сопоставительный анализ русского и сербского текста, мы выявили также, что многие русские слова, имеющие в сербском языке

непосредственные семантические эквиваленты, заменяются Любинкой Милинчич синонимичными понятиями, наиболее употребительными в сербской речи. Например, слово *минутка* («Присела на *минутку* задние лапки почесать, а вышло, что навсегда» [Шишкин, 2012, с. 17]) в сербском варианте переводится как *trenutak* («Sela je za *trenutak* na zadnje nožice da se počeše, a ispalo je zauvek» [Šiškin, 2011, с. 11]), что обозначает очень короткий промежуток времени (мгновение, миг). Слово *trenutak*, являясь размерным диминутивом, представляет собой непосредственный переводческий эквивалент русского диминутива *минуточка*, поскольку формы *minutica* ('минутка'), *sekundica* ('секундочка'), формально существующие в сербском языке, никем не употребляются (ср. выражения: *подожди минутку, одну минуточку – sačekaj trenutak, samo trenutak*).

3.3.4. Утрата диминутивных суффиксов (нулевой перевод)

Наиболее частым переводческим приемом оказался нулевой перевод, т.е. утрата диминутивных суффиксов в сербском тексте, использование вместо русских уменьшительно-ласкательных форм слов с нейтральной стилистической окраской. Частотность появления нулевого перевода объясняется, на наш взгляд, не отсутствием в сербском языке аналогичных суффиксов, а традицией употребления диминутивных форм, о чем свидетельствуют наблюдения за речью носителей языка, а также анализ художественных текстов. Например, русское слово *стаканчик* в сербском тексте становится стилистически и эмотивно нейтральным *čaša* (стакан), так же как и *морковка – mrkva, травка – trava, коленка – koleno, пастушок – pastir, мостик – most* и т.д.

Из проанализированных 1284 русских диминутивов нулевой перевод наблюдается в 776 случаях (60,4 %). Ниже в таблице 11 представлены наиболее

показательные примеры утраты русских диминутивных суффиксов в сербском тексте.

Таблица 11

Утрата диминутивных суффиксов (нулевой перевод)

Диминутивная форма в русском тексте	Предложение в русском тексте	Вариант перевода на сербский язык	Предложение в сербском тексте
Сумочка	Когда мы вышли из поезда, мама на платформе отвернулась и стала отчаянно рыться в <i>сумочке</i> [Шишкин, 2012, с. 29].	Torba	Kad smo izašli iz voza, mama je na platformi počela da se osvrće i uporno je kopala po <i>torbi</i> [Šiškin, 2011, с. 19].
Ножки	Стоят, скрестив <i>ножки</i> , и смотрят друг на друга [Шишкин, 2012, с. 21].	Noge	Stoje, prekrstivši <i>noge</i> i gledaju jedna u drugu [Šiškin, 2011, с. 13].
Стаканчик	И утром перед умывальником вдруг волна глупого счастья – от вида двух наших зубных щеток в одном <i>стаканчике</i> [Шишкин, 2012, с. 21].	Čaša	I ujutru pred umivaonikom – odjednom talas glupe sreće od pogleda na dve četkice za zube u istoj <i>čaši</i> [Šiškin, 2011, с. 13].
Песчинки	Так в песке уже живет будущее стекло, и <i>песчинки</i> – семена вот этого окна [Шишкин, 2012, с. 7].	Zrna peska	... I <i>zrna peska</i> su semenke [Šiškin, 2011, с. 5].
Морковка	По гороскопу друидов он был <i>Морковка</i> [Шишкин, 2012, с. 8].	Mrkva	Po horoskopu druida, on je bio <i>mrkva</i> [Šiškin, 2011, с. 5].
Тазик	Принес <i>тазик</i> с горячей водой, стал его обмывать [Шишкин, 2012, с. 10].	Lavor	Doneo sam <i>lavor</i> s toplom vodom, počeo da ga perem [Šiškin, 2011, с. 6].

Диминутивная форма в русском тексте	Предложение в русском тексте	Вариант перевода на сербский язык	Предложение в сербском тексте
Травка	А вот на полке аптечная <i>травка</i> , полезная тем, что гонит ветры [Шишкин, 2012, с. 11].	Trava	A evo, na polici stoji lekovita <i>trava</i> protiv gasova [Šiškin, 2011, с. 7].
Струйка	...Открываю глаза, а это ты тонкой <i>струйкой</i> сыплешь из кулака песок мне на живот [Шишкин, 2012, с. 13].	Mlaz	Otvaram oči, a to ti tankim <i>mlazom</i> sipaš iz šake pesak na moj stomak [Šiškin, 2011, с. 8].
Пушок	У тебя на спине нежный <i>пушок</i> и узоры от жестких рубцов китайской циновки [Шишкин, 2012, с. 26].	Malje	Na leđima imaš nežne <i>malje</i> i šaru od oštrik ivica kineske asure [Šiškin, 2011, с. 17].
Книжка	Как в <i>книжке</i> , которую папа читал мне в детстве перед сном [Шишкин, 2012, с. 16].	Knjiga	Kao u <i>knjizi</i> koju mi je tata čitao u detinjstvu pred spavanje [Šiškin, 2011, с. 10].

Во многих случаях диминутивные формы, употребляемые в романе М. Шишкина, как отмечалось нами выше, создают особую доверительную атмосферу, отражают близость героев, передают их чувства и настроения, показывают, что речь идет о мире домашнем, «своем», в отличие от мира внешнего и «чужого» («принес *тазик* с горячей водой», «у тебя на спине нежный *пушок*», «на полке аптечная *травка*» и др.). Подобное противопоставление, по всей видимости, не характерно для сербской культуры, в связи с чем в качестве аналогов русских диминутивных форм переводчица использует формы с нейтральной стилистической и эмотивной окраской: *lavor* ('таз'), *malje* ('волосы'), *trava* ('травка') и др.

Как показывает анализ русского и сербского текстов, а также непосредственные наблюдения за речью носителей языка, в русской культуре представления о детстве и детскости в наибольшей степени влекут за собой появление уменьшительно-ласкательных форм, чем в сербской. Вспомним слова самого Шишкина про домашний язык – на нем говорят с самыми близкими людьми. И отличается он как раз избытком диминутивных суффиксов. Именно такой домашний язык используют герои романа, особенно когда вспоминают детство, юность. Так, к примеру, использование слова *книжка* связано с воспоминаниями героини о собственном детстве, в связи с чем употребление диминутивной формы в данном контексте является абсолютно естественным для русского читателя (именно *книжку*, а не *книгу* просят почитать дети перед сном). В сербском тексте вместо русской диминутивной формы использована стилистически нейтральная форма *knjiga*, поскольку она является более привычной для сербского читателя.

Иногда для передачи маленького размера описываемого предмета или явления Л. Милинчич выбирает описательный способ перевода, заменяя диминутив оригинала словосочетанием, представляющим собой толкование данного слова. Чтобы проиллюстрировать это положение, рассмотрим перевод слова *песчинки* («...*Песчинки – семена вот этого окна*» [Шишкин, 2012, с. 7]), которое, согласно классификации, приведенной нами в предыдущем параграфе, относится к неэкспрессивным («размерным») диминутивам, означающим часть целого. Будучи относительно нейтральным в языке, в тексте художественного произведения данное слово становится эмотивом и помогает выразить внутренние переживания главной героини. В Большом толковом словаре русского языка Д.Н. Ушакова слово *песчинка* определяется как «*зернышко, крупинка песку*» [Ушаков], и именно так Л. Милинчич переводит данное слово – *zrna peska* ('*зерна песка*'): «*I zrna peska su semenke...* [Šiškin, 2011, с. 5]». Таким образом в сербском тексте решается проблема передачи маленького размера описываемого предмета, однако утрачивается эмотивная насыщенность оригинального текста М. Шишкина.

Нередко утрата диминутивных суффиксов происходит также при переводе неэкспрессивных («размерных») диминутивов, означающих предмет, имеющий меньшие размеры или иное назначение, чем денотат производящего слова. Такие диминутивы в русском языке являются частью относительно устойчивых словосочетаний и носителями языка воспринимаются как нормативные. К примеру, главная героиня романа «Письмовник» в своих воспоминаниях рассказывает об одном жизненном эпизоде, когда ее мама на железнодорожной платформе, чтобы скрыть слезы, «стала отчаянно рыться в сумочке» [Шишкин, 2012, с. 29]. В данном случае речь идет не о простой сумке, а о *дамской*, и с этим прилагательным в русском языке, как правило, сочетается именно диминутивная форма *сумочка*, поскольку она подчеркивает элегантность и изысканность женщины. Формально существуя в русском языке, словосочетание *дамская сумка* употребляется гораздо реже, чем словосочетание *дамская сумочка* (согласно Национальному корпусу русского языка, на 68 вхождений сочетания *дамская сумочка* приходится 11 вхождений сочетания *дамская сумка* [НКРЯ]). В сербском тексте диминутиву *сумочка* соответствует эмотивно нейтральная форма *torba* («*uporno je kopala po torbi*» [Šiškin, 2011, с. 19]).

3.3.5. Добавление диминутивных суффиксов (компенсированный перевод)

Последний прием, который был выявлен нами в ходе анализа оригинального текста и перевода, мы назвали компенсированным переводом. Суть данного метода заключается в том, что в тексте перевода появляются диминутивные формы, которых не было в оригинальном тексте. Одним из ярких примеров является перевод русского слова *ложка (меда)*. В сербском варианте стилистически и эмотивно нейтральное слово получило диминутивную форму – *kašičica* («ложечка»). Это можно объяснить национальными обычаями: в Сербии мед, варенье обычно едят именно

ложечками, а не ложками. Этот вид перевода является наименее частым переводческим приемом. Из проанализированных 1284 русских диминутивов, компенсированный перевод наблюдается всего в 44 случаях (3,4%). В таблице 12 представлены наиболее яркие примеры добавления диминутивных суффиксов в сербском тексте.

Таблица 12

Добавление диминутивных суффиксов (компенсированный перевод)

Форма в русском тексте	Предложение в русском тексте	Диминутивная форма в сербском тексте	Предложение в сербском тексте
Ложка	Ты встал, пошел искать <i>ложку</i> – а там заросли ежевики и одичавшей малины [Шишкин, 2012, с. 37]. Налила себе из банки мед в блюдо и облизывает <i>ложку</i> [Шишкин, 2012, с. 36].	Kašičica	Ti si ustao, otišao da tražiš <i>kašičicu</i> , a tamo zarasle kupine i podivljale maline [Šiškin, 2011, с. 23]. Sipala je sebi med u tacnicu i liže <i>kašičicu</i> [Šiškin, 2011, с. 23].
Таз	...Когда он ждал возвращения своих голубей из полета, то смотрел не в высоту, а в <i>таз</i> с водой, объяснил, что так видней небо [Шишкин, 2012, с. 40].	Činijica	Kad bi čekaо svog goluba da se vrati iz leta, nije gledao gore, već u <i>činijicu</i> s vodom, objašnjavajući da tako bolje vidi nebo [Šiškin, 2011, с. 26].
Галька	Ты однажды взяла круглую <i>гальку</i> и вставила ее себе в глаз, будто монокль [Шишкин, 2012, с. 41].	Kamenčić	Jednom si uzela okrugli <i>kamenčić</i> i stavila ga sebi na oko, kao monokl [Šiškin, 2011, с. 26].

Форма в русском тексте	Предложение в русском тексте	Диминутивная форма в сербском тексте	Предложение в сербском тексте
Осколки	Я украшаю башни <i>осколками</i> раковин, флагами из конфетных оберток, а он кричит на меня, чтобы я не мешала [Шишкин, 2012, с. 47].	Komadići	Ja ukrašavam kule <i>komadićima</i> školjke, zastavama od omota bombona, a on više na mene da ne smetam [Šiškin, 2011, с. 30].
Клавиши	...Одна рука по черным, другая по белым <i>клавишам</i> – быстро-быстро перескакивали со звука на звук [Шишкин, 2012, с. 51].	Dirke	...Jedna ruka za crne, druga za bele <i>dirke</i> - brzo, brzo, preskakali su sa zvuka na zvuk [Šiškin, 2011, с. 32].
Белесый	...Он показывал шрам на лбу, а я жалела его и гладила пальцем этот <i>белесый</i> бугорок [Шишкин, 2012, с. 55].	Beličasta	...On je pokazivao ožiljak na čelu, a ja sam ga žalila i milovala prstom tu <i>beličastu</i> kvržicu [Šiškin, 2011, с. 34].
Кальдезия	Где <i>кальдезия</i> ? [Шишкин, 2012, с. 42]	Biberčić	Gde je <i>biberčić</i> ? [Šiškin, 2011, с. 27].
Щетки	И утром перед умывальником вдруг волна глупого счастья – от вида двух наших зубных <i>щеток</i> в одном стаканчике [Шишкин, 2012, с. 21].	Četkice	I ujutru pred umivaonikom - odjednom talas glupe sreće od pogleda na dve <i>četkice</i> za zube u istoj čaši [Šiškin, 2011, с. 13].
Коробка	И вот в одной <i>коробке</i> я нашла детские сандалики – крохотные, ссохшиеся, кукольные [Шишкин, 2012, с. 28].	Kutijica	I tako sam u jednoj <i>kutijici</i> našla dečje sandalice majušne, sasušene, kao za lutku [Šiškin, 2011, с. 18].

Анализируя уменьшительно-ласкательные формы, представленные в сербском тексте, можно выделить три варианта компенсированного перевода в зависимости от типа диминутива:

1) стилистически и эмотивно нейтральному слову оригинала соответствует экспрессивная диминутивная форма: *таз* – *ćinijica* ('мисочка, чашечка'), *осколки* – *komadići* ('кусочки'), *щетки* – *četkice* ('щеточки'), *белесый* – *beličast* ('беленький') и др.;

2) стилистически и эмотивно нейтральному слову оригинала соответствует «стертый» диминутив: *кальдезия* – *biberčić* (народное название цветка), *клавиши* – *dirke* ('клавиши') и др.;

3) «стертому» диминутиву оригинального текста соответствует экспрессивная диминутивная форма: *галька* – *kamenčić* ('камушек'), *коробка* – *kutijica* ('коробочка') и др.

Добавление диминутивных форм в сербский текст в ряде случаев можно объяснить стремлением переводчика компенсировать повышенную эмотивность оригинального текста. К примеру, если в русском предложении есть уменьшительно-ласкательная форма, Л. Милинчич при переводе данного предложения также использует диминутивную форму, но образует ее от другого слова, более подходящего, с ее точки зрения. Например, в предложении «И утром перед умывальником вдруг волна глупого счастья – от вида двух наших зубных *щеток* в одном *стаканчике*» [Шишкин, 2012, с. 21] М. Шишкин использует диминутив *стаканчик* и стилистически нейтральное слово *щетки*. Л. Милинчич при переводе данной фразы, наоборот, наделяет слово *щетки* диминутивностью (*četkice* – 'щеточки'), а слово *стаканчик* переводит в разряд стилистически и эмотивно нейтральных (*čaja* – 'стакан').

Кроме того, диминутивные формы в сербском варианте могут быть использованы для передачи лексической диминутивности. К примеру, слова *галька* и *коробка*, являющиеся диминутивами по происхождению [Фасмер; Шанский], в русском языке сохраняют значение маленького размера, хотя и не

воспринимаются носителями языка как уменьшительно-ласкательные формы (*галька* – ‘мелкий гладкий камень округлой формы’; *коробка* – ‘небольшой ящичек из картона, жести и т.п.’ [БТС]). Чтобы передать значение небольшого размера и сохранить эмотивность оригинального текста, Л. Милинчич при переводе данных слов использует диминутивные формы *kamenčić* (‘камушек’) и *kućica* (‘коробочка’).

Диминутивные суффиксы, отсутствующие в русском тексте, в сербском варианте могут появляться не только у имен существительных, но и у прилагательных. В частности, прилагательное *белесый*, формально не являющееся диминутивом в русском языке, но выражающее значение неполноты, слабой интенсивности проявления признака (*белесый* – ‘тускло-белый, беловатый’ [БТС]), переводится Л. Милинчич как *beličast* – ‘беленький’, т.е. посредством диминутивной формы.

Кроме прилагательных, при компенсированном переводе также могут быть задействованы глаголы. В сербском языке, в отличие от русского, глаголы, наряду с именами существительными и прилагательными, могут иметь диминутивные формы. И в ряде случаев переводчик прибегает к образованию диминутивной формы глагола, с помощью чего решает проблему сохранения эмотивности оригинального текста. К примеру, при переводе предложения «Третье семечко проклюнулось много лет назад и стало юношей, который любил, когда я чесала ему *спинку*, и ненавидал ложь...» [Шишкин, 2012, с. 8] решением переводчика стало использование уменьшительно-ласкательной формы сербского глагола *češkati* (от *češati*) и нейтральной формы существительного *leđa* (‘спина’): «Kada sam tu *češkala leđa*, i mrzeo je laž...» [Šiškin, 2011, с. 5], в результате чего сохраняется общая эмотивная тональность фразы.

3.3.6. Комментарии к переводу диминутивных форм романа «Письмовник» на сербский язык

Рассмотренные выше закономерности и способы отражения русских диминутивных форм в сербском тексте показывают, насколько неоднозначным и сложным является процесс перевода эмотивно насыщенного текста на другой, даже родственный язык.

М. Шишкин в одном из интервью следующим образом охарактеризовал трудности, с которыми сталкиваются переводчики при работе с художественными произведениями: «Я так для себя сформулировал: оригинальный текст – это “Титаник”, а перевод – это айсберг. Мировая литература усеяна останками “Титаников”. Переводчик занимается уменьшением ущерба. Искусство писать – это искусство не идти ни на какие компромиссы. А искусство перевода – это искусство компромисса. Мы играем в разные игры. Но я все равно, конечно, благодарен моим переводчикам» [Шишкин, 2016].

Перевод как своего рода «компромисс» отмечается практически всеми исследователями художественного перевода. Так, Н.М. Нестерова, исследуя перевод как вторичную текстовую деятельность, отмечает, что текст перевода, будучи вторичным по своей онтологической сути, в то же время является и новым текстом, т.е. первичным в той или иной степени. Автор подчеркивает, что «любой перевод вне зависимости от метода перевода, типа текста и переводчика всегда вторичен и первичен одновременно, это всегда диалектика абсолютной и относительной вторичности, которая стремится к первичности» [Нестерова, 2005, с. 300]. Сказанное означает, что автор перевода не может строго следовать «букве» переводимого текста, он непременно привносит что-то новое в текст перевода и/или, наоборот, что-то оставляет непереведенным.

Уместно вспомнить слова М. Гаспарова, выдающегося филолога и переводчика, который писал: «Перевод есть равнодействующая того, что переводчик должен, может и хочет: что он должен, задает подлинник, что он

может, определяют средства его языка; что он хочет – это его предпочтения и вкусы, по которым он отбирает что-то из этих средств» [Гаспаров, 2008, с. 397].

Проведенный нами анализ сербского перевода романа М. Шишкина наглядно демонстрирует все три составляющие деятельности переводчика – *должен, может и хочет*. Это относится и к передаче диминутивных форм исходного текста. Часто переводчик объективно не может передать все художественные особенности произведения. К таким переводческим проблемам относится, в частности, перевод метафор. Специально эту проблему мы не рассматриваем, но нельзя не отметить, что в своем романе М. Шишкин употребляет большое количество метафор, в которых присутствуют и слова с диминутивными суффиксами. Вот один из ярких примеров метафор писателя: он уподобляет свернувшееся молоко в кружке с кофе *лепесткам*, что усиливает образность и эмотивность фразы («И створоженные *лепестки* от свернувшегося молока вот в этой кружке с кофе...» [Шишкин, 2012, с. 30]). В сербском переводе *лепестки молока* заменяются более традиционным для читателя образом *комочков*, что упрощает восприятие текста, однако нивелирует особенности авторского стиля: «I te *grudvice* od pokvarenog mleka u šolji za kafu...» [Šiškin, 2011, с. 19]. На наш взгляд, коннотации использованных слов автора и переводчика различны.

В качестве другого примера можно рассмотреть перевод шишкинской метафоры *ножки (зубных щеток)*: «И утром перед умывальником вдруг волна глупого счастья – от вида двух наших зубных щеток в одном стаканчике. Стоят, *скрестив ножки*, и смотрят друг на друга» [Шишкин, 2012, с. 21]. В данном случае метафора *ножки* употреблена автором по аналогии с сочетаниями *ножка стола, стула, шкафа* и т.п., где эта форма представляет собой размерный диминутив. Названные сочетания являются устойчивыми и не предполагают использования в своем составе стилистически нейтральной формы *нога*. Однако в сербском варианте «Письмовника» диминутивная форма *ножки* переведена как *noge* («ноги»): «Stoje, prekrstivši *noge* i gledaju jedna u

drugu» [Šiškin, 2011, с. 13], что с точки зрения русского языка является неправильным и искажает смысл оригинального текста.

Анализ перевода позволяет также говорить об определенной субъективности переводческих решений Любинки Милинчич (это уже из разряда «переводчик хочет»). Автор перевода бывает непоследователен в выборе сербских соответствий русскоязычным диминутивным формам. Так, одно и то же слово, несколько раз встречающееся в «Письмовнике», может переводиться по-разному. Выше, говоря о переводе имени главного героя, мы отмечали, что диминутивная форма *Володенька* сохраняется переводчицей только один раз из семи, в остальных случаях используется форма гипокористики (*Володя*). Похожая ситуация складывается и при переводе других диминутивов. К примеру, слово *шапочка* в тексте М. Шишкина встречается 6 раз. В сербском переводе диминутивная форма сохраняется 2 раза (*kapica*), в других четырех случаях, вне зависимости от контекста, переводчица использует нейтральную форму существительного (*kapa*). Ср.: «Поправляет бретельки, надевает белую резиновую *шапочку*, подолгу пряча в нее волосы» [Шишкин, 2012, с. 49]. – «Popravlja bretele, stavlja belu gumenu *kapu* i dugo skriva kosu ispod nje» [Šiškin, с. 31]; «Она заплывала очень далеко, и ее резиновая *шапочка* качалась на волнах, как шарик от пинг-понга» [Шишкин, 2012, с. 50]. – «Otplivala je vrlo daleko i njena gumena *kapica* se ljuljala na talasima kao ping-pong loptica» [Šiškin, 2011, с. 31].

Можно выделить также встречающиеся в переводе ошибки, связанные с неверным пониманием русского слова, а также пропуски в переводе отдельных слов. Например, перевод слова *горбушка* в значении «крайний кусок хлеба» («Сейчас сгрызла *горбушку* в постели, теперь крошки не дают заснуть, разбежались по простыне и кусаются» [Шишкин, 2012, с. 15]). Переводческим эквивалентом слова *горбушка* в сербском варианте является слово *riba* ('рыба') [Šiškin, 2011, с. 10], т.е. данное слово было воспринято переводчиком как диминутивная форма от слова *горбуша* (название рыбы). В результате такого

перевода становится непонятным смысл фразы, и у читателя может возникнуть вопрос: откуда в постели взялись *крошки* (*mrvice*)?

Таким образом, мы видим, что, несмотря на родственность русского и сербского языков, русские диминутивные суффиксы не всегда находят формальные и семантически точные соответствия в сербском переводе. Из проанализированных нами 1284 русских диминутивов 776 (60,4 %) утратили уменьшительно-ласкательные суффиксы в сербском тексте, 304 (23,7 %) приобрели диминутивные суффиксы, свойственные сербскому языку, при переводе 96 (7,5 %) диминутивных форм наблюдается полное совпадение суффиксов, 64 (5 %) диминутива оказались абсолютно не переведены, и в 44 (3,4 %) случаях происходит компенсированный перевод.

Анализ диминутивных форм в русском и сербском языках как носителей эмотивного значения и анализ использования этих форм в романе М. Шишкина «Письмовник» и его переводе на сербский язык позволяет сделать следующие выводы.

Выводы

1. Среди суффиксов эмотивно-субъективной оценки особенно выделяются диминутивные суффиксы. Термин *диминутив* происходит от английского *diminutive*, то есть *уменьшительный*, придающий значение уменьшительности, сопровождаемое эмоциональной окраской ласкательности или пренебрежения. Диминутивы являются носителями эмотивного значения, выполняют функцию аккумуляции и трансляции эмоций.

2. В семантике диминутивов выделяются два компонента значения: размерно-оценочный, связанный с категорией количества и размерности, и эмоционально-оценочный, выражающий отношение говорящего к предмету речи и к адресату.

3. Базовыми диминутивными значениями являются ласкательность и одобрение, однако, в зависимости от контекста, значения диминутивных форм могут варьироваться от доброжелательности, поощрения до уничижительности, презрения.

4. Диминутивность является универсальной категорией и свойственна большинству языков мира, однако особенности ее функционирования и широта использования в разных языках неодинаковы. Славянские языки, в том числе русский и сербский, характеризуются развитой системой диминутивного словообразования, активным употреблением диминутивных форм, что отличает их от других индоевропейских языков.

5. Поскольку в разных языках возможности для передачи коннотативных оттенков различны, диминутивные аффиксы как микропереводемы представляют собой сложную задачу для переводчиков. Учитывая национальную специфику употребления диминутивов, переводчики прибегают к использованию различных приемов, позволяющих сохранить тональность оригинала и передать размерно-оценочные и эмотивно-оценочные значения уменьшительных суффиксов.

6. Родство и близость русского и сербского языков, а также наличие в них аналогичных систем суффиксации делают возможным поиск формальных и семантически точных соответствий русским диминутивным суффиксам в сербском переводе. Однако разница в семантике диминутивных суффиксов и их эмоционально-субъективной насыщенности могут вызывать определенные трудности в процессе перевода.

7. Диминутивные формы, представленные в большом количестве в романе М. Шишкина, мы разделили на три группы: неэкспрессивные («размерные») диминутивы, имеющие значение объективной уменьшительности; экспрессивные диминутивы, выражающие субъективное отношение говорящего к предмету или адресату речи; стертые диминутивы – формы, исконно являющиеся уменьшительными, но утратившие это значение в современном русском языке.

8. Сопоставительный анализ оригинала романа М. Шишкина и его сербского варианта позволил выделить следующие приемы перевода диминутивных форм с русского языка на сербский: полный перевод (полное совпадение русских и сербских диминутивных суффиксов); частичный перевод (функциональная замена русских диминутивных суффиксов сербскими диминутивными суффиксами, формально не совпадающими с русскими); нулевой перевод (утрата диминутивных суффиксов); компенсированный перевод (добавление сербских диминутивных суффиксов при переводе русских слов без диминутивных суффиксов).

9. Несмотря на родство русского и сербского языков и близость их словообразовательных систем, переводчику не всегда удается найти формальные и семантически точные соответствия в сербском языке. Полное совпадение русских и сербских диминутивных суффиксов наблюдается лишь в 7,5 % случаев. Большая часть русских диминутивов утрачивает уменьшительно-ласкательные суффиксы в сербском тексте (60,4 %). Такое несовпадение, на наш взгляд, связано с дискурсивным различием в употреблении этих суффиксов в русской и сербской лингвокультурах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целью данного исследования являлся сопоставительный анализ словообразовательных средств выражения эмотивности в русском и сербском языках. В качестве единиц анализа были выбраны диминутивные суффиксы. Исследование проводилось на материале романа М. Шишкина «Письмовник» и его сербского перевода, выполненного известной сербской переводчицей Любинкой Милинчич. Выбор «Письмовника» в качестве исследовательского материала обусловлен наличием в данном романе особого эмоционального мира, в создании которого важную роль играют диминутивные суффиксы, представленные в тексте в очень большом количестве.

Основные итоги проведенного исследования заключаются в следующем:

1. Анализ эмотивности и языковых средств ее выражения позволяет считать диминутивы носителями эмотивного значения, представляющими определенную переводческую проблему.

2. Эмоциональность является важной характеристикой человеческого общения. Человек в процессе коммуникации стремится не только к передаче информации, но и к высказыванию собственного отношения к предмету речи, к выражению своих чувств и переживаний, для чего используются различные эмотивные средства, среди которых особую группу представляют словообразовательные элементы языка, в частности, диминутивные (уменьшительно-ласкательные) суффиксы.

3. Несмотря на то что диминутивность является универсальной языковой категорией и представлена в большинстве языков мира, возможности, способы и характер ее проявления имеют ярко выраженную национально-культурную специфику и во многом зависят от менталитета народа. Согласно нашим наблюдениям, основанным на анализе художественных текстов и речи носителей языка, а также свидетельствам многих исследователей, славянские языки, в том числе русский и сербский, в проекции диминутивности являются сильно эмоциональными и отличаются развитой системой диминутивного

словообразования. Особенностью русских и сербских диминутивных суффиксов является их многофункциональность и способность передавать большое количество значений, многие из которых актуализируются в определенном контексте.

4. В семантике диминутивных суффиксов в русском и сербском языках выделяются два компонента значения: размерно-оценочный, характеризующий предмет речи с точки зрения его размера относительно нормы, и эмоционально-оценочный, выражающий отношение говорящего к предмету или адресату речи и оценивающий его как «хороший» или «плохой» (в зависимости от контекста значения диминутивных форм могут варьироваться от доброжелательности, поощрения до уничижительности, презрения). Многие диминутивные суффиксы в русском и сербском языках имеют общеславянское происхождение, в связи с чем являются формальными и семантически точными соответствиями, что может быть использовано в переводческой деятельности (например, -ок/-ик/-чик-, -онк-, -инк-, -це-, -ельк-/ -елк- в русском языке и -ak, -ić/-čić, -onj(a)k, -injak, -se, -elj(a)k в сербском языке).

5. В зависимости от семантики и характера выражения уменьшительности диминутивы в русском и сербском языках подразделяются нами на следующие группы: 1) неэкспрессивные («размерные») диминутивы, имеющие объективное значение уменьшительности и не обладающие ярко выраженной экспрессивностью; 2) экспрессивные диминутивы, такие как субъективно-уменьшительные, передающие объективно присущее предмету речи значение уменьшительности и в то же время выражающие отношение говорящего к предмету высказывания, и субъективно-оценочные, в семантике которых превалирует эмотивно-оценочный компонент значения, а значение уменьшительности как таковой не выражено; 3) «стертые» диминутивы, утратившие в современном русском или сербском языке исконно присущее им уменьшительно-ласкательное значение.

6. Выделяя различные виды диминутивов в языке, необходимо иметь в виду, что в контексте художественного произведения (в частности, в романе

М. Шишкина «Письмовник») практически все диминутивные образования приобретают ярко выраженную эмотивность и участвуют в выражении различных оттенков экспрессии.

7. Несмотря на родственность русского и сербского языков, а также наличие в них аналогичных систем суффиксации, данные языки имеют особенности в семантике и в характере употребления диминутивов, в связи с чем взаимозаменяемость уменьшительно-ласкательных суффиксов в практике перевода не всегда оказывается возможной. Как показал проведенный нами анализ диминутивных форм, русские уменьшительно-ласкательные суффиксы являются микропереводами, требующими особого переводческого решения.

8. Мы выделили следующие закономерности, характеризующие особенности перевода диминутивных форм с русского языка на сербский и показывающие, что далеко не всегда формальные соответствия суффиксов становятся соответствиями переводческими: 1) полное совпадение диминутивных суффиксов (полный перевод); 2) функциональная замена (частичный перевод); 3) утрата диминутивных суффиксов (нулевой перевод); 4) добавление сербских диминутивных суффиксов (компенсированный перевод).

9. Под полным совпадением диминутивных суффиксов нами понимается такой вариант перевода, при котором в сербском тексте используются формальные и семантически точные эквиваленты русских уменьшительно-ласкательных форм. Подобный способ применяется, в частности, при переводе диминутивных форм имен собственных, которые передаются посредством транслитерации, а также при переводе уменьшительно-ласкательных форм на *-ик*, которым в сербском языке соответствуют формы на *-ić*. Как показал сопоставительный анализ романа «Письмовник» и его сербской переводной версии, полное совпадение диминутивных суффиксов в русском и сербском тексте наблюдается достаточно редко. Из проанализированных нами 1284 русских диминутивов данный способ перевода используется всего в 96 случаях (7,5 %).

10. Такой способ перевода, как функциональная замена, предполагает сохранение диминутивности оригинала с замещением русских диминутивных суффиксов сербскими диминутивными суффиксами, не являющимися формальными эквивалентами русских. Причиной замены уменьшительно-ласкательных суффиксов может являться малая употребительность определенных форм в сербском языке, а также имеющиеся различия в образовании грамматических форм в русском и сербском языках. В частности, замещение оригинального суффикса -к сербским суффиксом -ić происходит в силу того, что в сербском языке слова женского рода не образуют диминутивных форм с помощью данного суффикса (сандалики – sandalice). Функциональная замена является более распространенным переводческим приемом, нежели полный перевод, и из проанализированных нами 1284 русских диминутивов наблюдается в 304 случаях (23,7 %).

11. Наиболее частым явлением при переводе русских уменьшительно-ласкательных форм является утрата диминутивных суффиксов (нулевой перевод), использование в сербском тексте слов с нейтральной стилистической окраской. Частотность «обнуления» диминутивности в переводном варианте отражает традиции и характер употребления уменьшительно-ласкательных форм носителями сербского языка и свидетельствует о более редком их использовании в сербском языке, по сравнению с русским. Из проанализированных нами 1284 русских диминутивов нулевой перевод наблюдается в 776 случаях (60,4 %).

12. Наряду с утратой диминутивных суффиксов, в сербском переводном варианте наблюдается и противоположное явление: использование диминутивных форм при их отсутствии в оригинальном русском тексте. Данный способ мы обозначили как компенсированный перевод, посредством которого происходит частичное восполнение эмотивности оригинала. В ряде случаев использование компенсированного перевода в сербском тексте объясняется национальными обычаями, но также может быть вызвано необходимостью передать лексическую диминутивность описываемого

предмета или явления. Наряду с именами существительными и прилагательными, при компенсированном переводе могут быть использованы глаголы, которые в сербском языке, в отличие от русского, также могут иметь диминутивные формы. Компенсированный перевод является наименее частым переводческим приемом. Из проанализированных нами 1284 русских диминутивов добавление диминутивных суффиксов наблюдается всего в 44 случаях (3,4 %).

13. Передача диминутивных форм оригинального текста средствами другого, даже близкородственного, языка является сложной задачей для переводчика, о чем свидетельствуют, наряду с обозначенными выше приемами, встречающиеся в сербском варианте неточности, ошибки и непоследовательность в переводе русских уменьшительно-ласкательных суффиксов.

Таким образом, можно сделать вывод, что сравнение сербского текста с текстом оригинала демонстрирует значительное снижение эмотивности. На наш взгляд, это обусловлено тем, что, несмотря на наличие уменьшительно-ласкательных суффиксов в обоих языках, их употребление в сербском языке не столь частотно, как в русском языке. Так, из отобранных 1284 примеров русских диминутивов приблизительно 34,6 % находят свое отражение в сербском варианте перевода. В большинстве случаев происходит нейтрализация эмотивности.

Кроме того, интенсивность эмотивности диминутивных суффиксов в русском языке является более высокой, чем в сербском. В русском языке в семантике диминутивов превалирует эмотивное значение (различные оттенки от ласкательности до пренебрежительности), а для сербского языка наиболее типичным является гипокористическое значение, которое более нейтрально по отношению к субъективной оценке.

Вышесказанное позволяет заключить, что диминутив как носитель эмотивного значения в процессе перевода становится особой микропереводемой, которая влияет на степень сохранения и передачи

эмотивности исходного текста в целом, и это обязательно должно учитываться в переводческой деятельности.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в расширении анализируемого материала, т. е. привлечении других славянских языков, что позволит увеличить базу данных контрастивной эмотиологии. Для изучения межкультурных различий в употреблении диминутивов целесообразным представляется проведение психолингвистического эксперимента с участием в качестве респондентов носителей различных родственных языков, системы словообразования которых практически аналогичны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Августин А. Исповедь // Антология мировой философии. – Т. 1. Ч. 2. – М.: Мысль, 1969.
2. Азнаурова Э.С. Очерки по стилистике слова. – Ташкент: Фан, 1973. – 401 с.
3. Акиль Яхъя Хассан Категория диминутивности в русском языке [Электронный ресурс]. – URL: <http://docplayer.ru/35446633-Kategoriya-diminutivnosti-v-russkom-yazyke.html> (дата обращения: 16.06.2020).
4. Аксаков К.А. Опыт русской грамматики. Ч. 1. Вып. 1 [Электронный ресурс]. – М.: Типография Л. Степановой, 1860. – URL: <http://aksakov-k-s.lit-info.ru/aksakov-k-s/kritika/opyt-russkoj-grammatiki/index.htm> (дата обращения: 12.06.2020).
5. Амосова Н.Н. Слово и контекст // Учен. зап. ЛГУ им. Жданова. – 1958. – Вып. 42. – № 243. – С. 3–23.
6. Анкудинов К. «Литература online»: иерархическое мышление и как оно вредит. «Письмовник» М. Шишкина [Электронный ресурс]. – URL: http://www.chaskor.ru/article/snimaya_pokrovy_20428 (дата обращения: 18.08.2020).
7. Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д. Метафора в семантическом представлении эмоций // Избранные труды. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – С. 452–464.
8. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–67.
9. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка: учеб. пособие. – 2-е изд., перераб. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – 376 с.
10. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка (Стилистика декодирования). – Л.: Просвещение, 1973. – 302 с.

11. Арутюнова Н.Д. Метафора и // Теория метафоры: сб.: пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5–32.
12. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976.
13. Ахманова О.Н. Словарь лингвистических терминов 2-е изд., стер. [Электронный ресурс]. – М.: «Сов. Энциклопедия», 1969. – 608 с. – URL: https://classes.ru/grammar/174.Akhmanova/source/worddocuments/_20.htm (дата обращения: 14.06.2020).
14. Бабанов, А.В. Универбизация как стилистическое средство // *Stylistyczne konfrontacje*. – Opole, 1994. – S. 125–132.
15. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 184 с.
16. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: учебник. Практикум. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 495с.
17. Балли Ш. Французская стилистика. – М.: УРСС, 2001. – 394 с.
18. Белоусова Т.П. Универбация фразеологизмов в современном русском языке // *Филологос*. – 2009. – № 1-2 (5). – С. 64–70.
19. Бениньи А. Аналитические прилагательные. Распространение иноязычной модели «определяющее существительное + определяемое существительное» [Электронный ресурс] // *Язык в движении: К 70-летию Л.П. Крысина / ред. Е.А. Земская, М.Л. Каленчук*. – М.: Языки славянской культуры, 2007. – 664 с. – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=73175> (дата обращения: 30.04.2020). – С. 68–83.
20. Блейхер В.М., Крук И.В. Толковый словарь психиатрических терминов [Электронный ресурс]. – Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. – URL: http://pedlib.ru/Books/4/0363/4_0363-1.shtml (дата обращения: 20.02.2020).
21. Болотов В.И. Проблемы теории эмоциональности воздействия текста: автореф. дис. ... д-ра фил. наук. – М., 1986. – 35 с.

22. Большой латинско-русский словарь: по материалам словаря И.Х. Дворецкого [Электронный ресурс]. – URL: <http://linguaeterna.com/vocabula/list.php?letter=D> (дата обращения: 14.06.2020).
23. Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, акад. В.П. Зинченко. – М.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.
24. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1534 с. [Электронный ресурс]. – URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov?letter=%D0%B0> (дата обращения: 18.08.2020).
25. Большой энциклопедический словарь / ред. [А.П. Горкин](#). – СПб.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – URL: <http://bcoreanda.com/Downloader/Dictionary/BE.pdf> (дата обращения: 05.02.2020).
26. Ботвинов А. Это моя книга: «Письмовник», Михаил Шишкин. [Электронный ресурс]. – URL: <https://huxley.media/jeto-moja-kniga-pismovnik-mihail-shishkin/> (дата обращения: 18.08.2020).
27. Вайгла Э.А. Эмоциональная лексика современного русского языка и проблемы ее перевода (На рус.-эст. материале): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1978. – 21 с.
28. Ваш М. Г. Из писем М. Л. Гаспарова. М., «Новое издательство», 2008, 452 стр.
29. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: пер. с англ. / Отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В. Падучевой. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
30. Вилюнас В. Психология развития мотивации. – СПб.: Речь, 2006.
31. Вилюнас В.К. Психология эмоциональных явлений. – М.: Изд-во МГУ, 1976.
32. Виноградов В.В. А.С. Пушкин – основоположник русского литературного языка [Электронный ресурс] // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. – 1949. – Т. 8. – Вып. 3. – С. 187–215. – URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=cZL1yL0omwU%3D&tabid=10183> (дата обращения: 03.04.2020).

33. Виноградов В.В. Грамматика современного русского литературного языка. – М., 1970.
34. Виноградов В.В. Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. – 559 с.
35. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.: учебник. – М.: Высшая школа, 1982. – 528 с.
36. Виноградов В.В. Проблемы литературных языков и закономерности их образования и развития. – М.: Наука, 1967. – 136 с.
37. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 1972 [Электронный ресурс] // Словари.ру/Грамматика. – URL: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=5310&0a0=3> (дата обращения: 14.06.2020).
38. Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку [Электронный ресурс]. – М.: Учпедгиз, 1959. – URL: <http://danefae.org/lib/vinokur/1959/rya.htm> (дата обращения: 20.04.2020).
39. Волек Б. Типология эмотивных знаков // Язык и эмоции: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 1995. – С. 15-24.
40. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М.: Наука, 1985. – 225 с.
41. Вуйко Н., Ушакова А.П. Сравнительно-сопоставительное исследование односоставных предложений в русском и сербском языках [Электронный ресурс] // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2018. – Том 4. – № 3. – С. 65–77. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36387909> (дата обращения: 20.04.2020).
42. Галкина-Федорук Е.М. О стиле поэзии Сергея Есенина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1965. – 87 с.
43. Галкина-Федорук Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сб. статей по языкознанию. – М.: Изд-во МГУ, 1958. – С. 103–124.

44. Ганин М. Михаил Шишкин. Письмовник [Электронный ресурс]. – URL: <http://os.colta.ru/literature/events/details/17894/> (дата обращения: 18.08.2020).

45. Гинич Е. Учебная просодия русского языка в свете просодии сербского языка // Русский язык как инославянский. – 2010. – Вып. 2. – С. 152–161.

46. Голушин И. Диминутив как микропереводема (на материале романа М. Шишкина «Письмовник» и его перевода на сербский язык) // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2018. – № 4(85). – С. 48–56.

47. Голушин И. Диминутив как носитель эмотивного значения: проблема перевода // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2018. – № 2 (83). – С. 70–76.

48. Голушин И. Диминутивные формы в русском и сербском языках: проблемы перевода / И. Голушин // Язык. Культура. Коммуникация. – 2019. – № 22. – С. 45-50.

49. Голушин И. К вопросу о способах перевода русских диминутивов на близкородственные языки (на примере перевода с русского на сербский язык) / И. Голушин // Межкультурная ↔ интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода : Материалы V Международной научно-методической конференции, Уфа, 01–02 декабря 2016 года / Ответственный редактор Пешкова Н.П.. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2016. – С. 68-73.

50. Голушин И. К вопросу о статусе фразеологизированных предложно-падежных конструкций и их эквивалентности в двух близкородственных языках / И. Голушин // Межкультурная ↔ Интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода : Материалы IV Международной научно-методической конференции, Уфа, 23 декабря 2015 года. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2015. – С. 149-153.

51. Голушин И. О способах перевода русских диминутивов на сербский язык (на примере романа М. Шишкина «Письмовник») // Новое и традиционное

в переводоведении и преподавании русского языка как иностранного: материалы Второй Междунар. науч. конф.; Баня-Лука, 16–19.03.2017 / Ин-т славяноведения РАН; Панъевроп. ун-т «Апеирон», фак-т филол. наук. – Баня-Лука, 2017. – С. 119–124.

52. Голушин И. Словообразовательные средства выражения эмотивности в сербском языке // Вестник Российского нового университета. Серия «Человек в современном мире». – 2020. – В ы п . 3. – С. 60–67.

53. Голушин И., Попова О.А. Еще раз к вопросу о переводе диминутивов с русского языка на сербский // Новое и традиционное в переводоведении и преподавании русского языка как иностранного: сб. ст. – Баня-Лука: Панъевропейский университет «АПЕИРОН», 2021. – С. 282–292.

54. Голушин И., Чович Л.И. Специфика перевода с родственных языков (на примере русско-сербского перевода) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. – 2018. – № 2. – С. 31–40.

55. Греч Н.И. Практическая русская грамматика [Электронный ресурс]. – СПб.: Императорский Санкт-Петербургский воспитательный дом, 1827. – 579 с. URL: https://imwerden.de/pdf/grech_prakticheskaya_russkaya_grammatika_1827.pdf (дата обращения: 12.06.2020).

56. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: 4 т. [Электронный ресурс]. – URL: http://slovardalja.net/view_search.php (дата обращения: 18.08.2020).

57. Дельфонцева С. Михаил Шишкин. Вкусы меняются, литература остается [Электронный ресурс]. – URL: <https://newstyle-mag.com/mixail-shishkin-vkusy-menyayutsya-literatura-ostaetsya/> (дата обращения: 18.08.2020).

58. Драгиевич Р. Словообразовательные инновации с точки зрения исследования деривационных гнезд сербского языка // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование: Доклады XI Международной научной конференции Комиссии по славянскому

словообразованию при Международном комитете славистов. – М.: Макс Пресс, 2010. – С. 148–163.

59. Дьячок Н.В. Об особенностях лексикализации вербальных реализаций номинатом типа «словосочетание + эллиптический универб» // Наукові записки. Серія «Філологічна». – 2010. – Вип. 13. – С. 205–210.

60. Егорова Н.В., Коробейникова А.А. Элементы экспресс в текстах, близких к официально-деловому стилю // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2017. – №11 (211). – С. 47–52.

61. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000. – 862 с. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 15.08.2020).

62. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. – М.: Наука, 1982. – 160 с.

63. Земская Е.А. Литературная норма и неузвальное словообразование // Современный русский язык: Система – норма – узус. – М.: Языки славянских культур, 2010. – С. 207–253.

64. Земская Е.А. Об одной новой модели в русском словообразовании (может ли приставка присоединять к себе суффиксы?) // Динамические модели. Слово. Предложение. Текст: сборник статей в честь Е.В. Падучевой. – М.: Языки славянской культуры, 2008. – 1056 с. – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=474365> (дата обращения: 19.05.2020).

65. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование: учебное пособие. – М.: Флинта, 2016. – 324 с.

66. Земская Е.А., Рудник-Карватова З. Новые явления в словообразовании русского и польского языков на рубеже XX–XXI вв. // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование: Доклады XI Международной научной конференции Комиссии по славянскому

словообразованию при Международном комитете славистов. – М.: Макс Пресс, 2010. – С. 212–220.

67. Знаковые имена современной русской литературы: Михаил Шишкин. Коллективная монография / под ред. Анны Скотницкой, Януша Свежего. – Краков, 2017. – 507 с.

68. Зуева Е.А. Эмоции как объект лингвистических исследований // Иностранные языки в профессиональном образовании: лингвометодический контекст: материалы межвуз. науч.-практ. конф., Белгород, 17–18 мая 2006 г. – Белгород, 2006. – С. 148–154.

69. Ибрагим И.С. Использование интонации для передачи коммуникативного типа и эмоциональной окраски высказывания в японском языке [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2011. – URL: <http://netess.ru/3jazykoznanie/30459-1-ispolzovanie-intonacii-dlya-peredachi-kommunikativnogo-tipa-emocionalnoy-okraski-viskazivaniya-yaponskom-yazike.php> (дата обращения: 07.03.2020).

70. Изард К.Э. Психология эмоций. – СПб.: Питер, 1999.

71. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. – СПб: Питер, 2001.

72. Ионова С.В. К вопросу о признаках экологичности текстовой коммуникации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. – 2011. – №1 (13). – С. 191–198.

73. Ионова С.В. Лингвистика эмоций – наука будущего // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2019. – № 1 (134). – С. 124–131.

74. Ионова С.В. Эмотивность текста как лингвистическая проблема: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1998.

75. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1987. – 208 с.

76. Кинцель А.В. Репрезентация ведущего мотива (доминантной эмоции) речевой деятельности в текстах научного стиля (экспериментальное

исследование) // Известия Алтайского государственного университета. – 1997. – №2 (4). – С. 67–71.

77. Кодзасов С.В. Исследования в области русской просодии. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 496 с.

78. Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка: учебник [Электронный ресурс]. – М.: Флинта, 2016. – 464 с. – URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book_view_red&book_id=83211 (дата обращения: 13.03.2020).

79. Колосов С.А. К вопросу о категории диминутивности в переводе с русского языка на английский // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». – 2017. – № 4. – С. 197–203.

80. Конечный Р., Боухал М. Психология в медицине. – Прага: Авиценум, 1983.

81. Копнина Г.А. Эмоциональность речи, или эмотивность речи // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А.П. Сковородникова. – Красноярск: Изд-во Сибир. федер. ун-та, 2012. – С. 781–783.

82. Коробова Н.В. Мелиоративные коммуникативные стратегии современной английской речи (на материале британского ареала): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 2007. – 17 с.

83. Кочеткова Н. Будущее наступило [Электронный ресурс] // Известия. – URL: <https://iz.ru/news/370225> (дата обращения: 18.08.2020).

84. Кравцов С.М., Голубева А.Ю. Конверсия в словообразовании: узус и окказиональность [Электронный ресурс]. – Ростов н/Д: Южный федеральный университет, 2016. – 170 с. – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=461928> (дата обращения: 26.04.2020).

85. Крижановская Е.М. Стилистически окрашенная лексика // Стилистический энциклопедический словарь русского языка: словарь / Л.М. Алексеева, В.И. Аннушкин, Е.А. Баженова [и др.]; под ред. М.Н. Кожиной.

– М.: Флинта, 2016. – С. 453–356. –
URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=364142> (дата обращения:
13.03.2020).

86. Крылов Г.А. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <https://lexicography.online/etymology/krylov/> (дата обращения:
15.08.2020).

87. Крюгер Ф. Сущность эмоционального переживания [Электронный ресурс] // Психология эмоций. Тексты / под ред. В.К. Вилюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – URL: https://www.psyoffice.ru/8/psychology/book_o255_page_7.html (дата обращения:
04.02.2020).

88. Кубрякова Е.С. Конверсия // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

89. Кузнецова А.А. Экспрессивный синтаксис // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А.П. Сковородникова. – Красноярск: Изд-во Сибирского федерального университета, 2012. – С. 777.

90. Кузьменкова В.А. Диминутив как средство выражения имплицитных смыслов высказывания // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2007. – Вып. 34. – С. 38–44.

91. Кулешова М.Л. Способы выражения пейоративности в словенском и сербском языках (на материале названий лиц) // Славяноведение. – 2013. – № 6. – С. 28–36.

92. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 1986.

93. Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.): учеб. пособие для филолог. специальностей ун-тов и пед. ин-тов. – М.: Высшая школа, 1975.

94. Ларина Т.В. Эмоциональность и эмотивность в коммуникации [Электронный ресурс] // Межкультурная коммуникация и перевод: материалы межвузовской конференции. – М.: МОСУ, ИЯ РАН 2002. – С. 89–93. – URL: https://goodlib.net/book_560_chapter_20_1.5.5._EHmo%D1%81ionalnost_i_ehmotivnost_v_kommunika%D1%81ii.html (дата обращения: 25.02.2020).
95. Леонтьев Д.А. Эмоции // Большая российская энциклопедия. – Т. 35. – М., 2017. – С. 371.
96. Лескина С.В. Пейоративность как эмоционально-экспрессивная категория (на примере фразеологизмов в русском и английском языках) // Альманах современной науки и образования, статья. – Тамбов, 2009. – С. 78–80.
97. Лескина С.В., Слабко Ю.В. Представленность разноуровневых диминутивов в русском и английском языке // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2015. – Т. 12, № 1. – С. 15–21.
98. Либерт Е. А. Типология суффиксальных диминутивных моделей в задногерманских языках: автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2012.
99. Липер Р.У. Мотивационная теория эмоций [Электронный ресурс] // Психология эмоций. Тескты. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – URL: https://www.psyoffice.ru/8/psychology/book_o255_page_9.html (дата обращения: 05.02.2020).
100. Ломоносов М.В. Российская грамматика [Электронный ресурс]. – СПб.: Императорская академия наук, 1788. – 214 с. – URL: http://elib.gnpbu.ru/text/lomonosov_rossiyskaya-grammatika_1788/go,212;fs,1/ (дата обращения: 12.06.2020).
101. Лопатин В.В., Милославский И.Г., Шелякин М.А. Современный русский язык. Теоретический курс. Словообразование. Морфология / под ред. В.В. Иванова. – М.: Русский язык, 1989. – 261 с.
102. Лысых А.В. Способы передачи категории диминутивности при переводе с русского языка на немецкий // Студент и наука (гуманитарный цикл) – 2018: материалы международной студенческой научно-практической

конференции. – Магнитогорск: Изд-во Магнитогор. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2018. – С. 398-402.

103. Малинович Ю.М. Экспрессия и смысл предложения. Проблемы эмоционально-экспрессивного синтаксиса. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1989. – 213 с.

104. Малов А.А. Аффективные рейтинги номинаций базовых эмоций в русском и английском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2017. – 22 с.

105. Малых Л.М., Медведева Д.И. Структурно-семантическое моделирование близкородственных языков (на материале сербского и русского языков) // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – №37 (252). – С. 67–73.

106. Маркова В.А. Эмоциональное пространство делового письма // Электронный научный журнал. – 2017. – № 1-1 (16). – С. 136–145.

107. Маслова В.А. Лингвистический анализ текста. Экспрессивность: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. – М.: Юрайт, 2018. – 201 с.

108. Маслова В.А. Параметры экспрессивности текста // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – М.: Наука, 1991. – С. 179-205.

109. Маслова В.А. Поэтический текст: новые подходы и решения: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2016. – 316.

110. Милованова Н.Я. Наблюдения над некоторыми средствами экспрессивности научной речи: Исслед. по стилистике. Вып. 5. – М.: Наука, 1976. – С. 140–150.

111. Михеева Н.Ф. Лексические средства эмотивности [Электронный ресурс] // Материалы III междунар. науч.-практ. конф. – М.: Изд-во РУДН, 2010. – С. 81 – 84. – URL: https://www.researchgate.net/publication/326157014_Leksiceskie_sredstva_emotivnosti (дата обращения: 07.03.2020).

112. Мягкова Е.Ю. Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования. – Воронеж, 1990.
113. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь [Электронный ресурс]. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 320 с. – URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/translation-dictionary/fc/slovar-221.htm#zag-1971> (дата обращения: 11.03.2020).
114. Нестерова Н.М. Вторичность как онтологическое свойство перевода: дис. ... д-ра филол. наук. – Пермь, 2005. – 368 с.
115. Николаев Г.А. Универбаты и субстантивы в истории русского словообразования // Творба речи и њени ресурси у словенским њезицима: зборник радова са четрнаесте међународне научне конференције. – Београд: Филолошки факултет, 2012. – С. 245-254.
116. Николаева Т.М. Многомерность интонационного пространства и ограниченность его отображения // Русский язык в научном освещении. – 2002. – № 1(3). – С.74–86.
117. Николич М. Национально-культурный компонент семантики родства-свойства в русской и сербской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2016. – 180 с.
118. НКРЯ – Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 20.06.2020).
119. Новая философская энциклопедия в 4 т. / науч.-ред. совет: В.С. Стёпин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, А.П. Огурцов. – Т. 4. – М.: Мысль, 2010.
120. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры: сб.: пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. – М.: Прогресс, 1990. – С. 68–81.
121. Павлючко И.П. Эмотивная компетенция автора художественного текста (на материале произведений Г.Гессе): дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1999 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ahmerov.com/book_1107.html (дата обращения: 04.03.2020).

122. Петрова Т.А. Метафора как средство концептуализации эмоции гнева в научно-популярном психологическом дискурсе // Языки и литература в поликультурном пространстве. – 2017. – № 9. – С. 53–57.

123. Петрухина Е.В. Комбинаторика морфем и смыслов при номинации эмоционального переживания в русском языке в сопоставлении с чешским [Электронный ресурс] // Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik. – Münster; Hamburg; London, 2002. – URL: https://www.philol.msu.ru/~ruslang/pdfs/petrukhina-ev_1kombinatorika.pdf (дата обращения: 24.05.2020).

124. Пиотровская Л.А. Эмотивность и дейксис // XVIII Международная филологическая конференция (СПб., 11–16 марта 2014). – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2015. – С. 321–332.

125. Попов С.Н. Онтология эмотивности // Известия Алтайского государственного университета. – 2001. – №4 (22). – С. 90–96.

126. Потехня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. III. Об изменении значения и заменах существительного. – М.: Просвещение, 1968. – 551 с.

127. Пузырев А.В. Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления. – М.: Пенза: Институт языкознания РАН, ПГПУ им. В.Г.Белинского, 1995. – 378 с.

128. Радченко М.В. Активные процессы в словообразовании современного русского и хорватского языков [Электронный ресурс] // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. – 2014. – №11-12. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktivnye-protsessy-v-slovoobrazovanii-sovremennogo-russkogo-i-horvatskogo-yazykov> (дата обращения: 23.05.2020).

129. Резанова З.И. Субъективные образы времени в современных славянских языках: диминутивные модели // Сибирский филологический журнал. – 2017. – № 3. – С. 161–173.

130. Резниченко Л.Ю. Диминутивность как средство моделирования лингвокультурной и лингвopsихологической картины мира // [Вестник](#)

Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2009. – №5. – С. 85-92.

131. Ремнёва М.Л. Старославянский язык: учеб. пособие. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012. – 672 с.

132. Реформатский А.А. Введение в языковедение. – М.: Аспект-пресс, 1996. – 275 с.

133. Ристич С. Словообразовательные процессы в новейший период развития лексики сербского языка // Славяноведение. – 2010. – № 6. – С. 33–40.

134. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов. – М.: Оникс, 2003. – 624 с.

135. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. Т. 1. – М.: Педагогика, 1989.

136. Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1980. – 784 с.

137. Рылов Ю.А. Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки. – М.: Гнозис, 2006. – 304 с.

138. Сартр Ж.-П. Очерк теории эмоций [Электронный ресурс] // Психология эмоций. Тексты / под ред. В.К. Вилюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – URL: https://www.psyoffice.ru/8/psychology/book_o255_page_8.html (дата обращения: 04.02.2020).

139. Симонов П.В. Информационная теория эмоций [Электронный ресурс] // Вопросы психологии. – 1964. – № 6. – URL: <https://dogmon.org/p-v-simonov-v-svoej-statee-informacionnaya-teoriya-emocij-1964.html?page=8> (дата обращения: 01.03.2021).

140. Скворцова Е.В. Лексико-семантические аспекты асимметрии положительной и отрицательной зон оценки (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Орел, 2012. – 20 с.

141. Сковородников А.П., Копнина Г.А. Экспрессивность // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А.П. Сковородникова. – Красноярск: Изд-во Сибирского федер. ун-та, 2012. – С. 776-777.
142. Слабко Ю.В. Омонимичные морфы, образующие русские и английские диминутивы // Символ науки. – 2015. – № 7-2. – С. 112–114.
143. Сосолопова К.А. Закономерности функционирования категории эмотивности в текстах интернет-блогов // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2010. – № 11 (117). – С. 132–136.
144. Стеванович С.В., Рыбникова Е.Е. Сербский язык с историческими комментариями [Электронный ресурс]: учеб. пособие. – Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 2010. – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=232743> (дата обращения: 06.04.2020).
145. Степанюк Ю.В. Особенности перевода диминутивов с французского языка на русский // Сб. ст. по итогам Третьей междунар. конф. «Язык и действительность». Научные чтения на кафедре романских языков им. В.Г. Гака. – Т. 3. – М.: Спутник+, 2018. – С. 361–365.
146. Тагабилева М.Г. Сопоставительный анализ моделей диминутивного словообразования (на материале существительных женского рода в южнославянских языках): дис. ... канд. филол. наук. – М., 2016. – 320 с.
147. Терзич Б. Обзор современных сопоставительных исследований русского и других славянских языков (на материалах сборников докладов Белградских симпозиумов под эгидой МАПРЯЛ) [Электронный ресурс] // Русский язык как инославянский. – 2010. – Вып. 2. – С. 39–43. – URL: http://www.slavistickodrustvo.org.rs/pdf_dokumenti/rj2010.pdf (дата обращения: 21.04.2020).
148. Тимашева М., Клячина О. «Письмовник» Михаила Шишкина [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.svoboda.org/a/2173436.html> (дата обращения: 18.08.2020).

149. Тихонов А. Новый словообразовательный словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным. – М.: АСТ, 2014. – 640 с.
150. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. (4 т.). – URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 15.08.2020).
151. Толстов В. «Письмовник», Михаил Шишкин [Электронный ресурс]. – URL: <https://newslab.ru/article/421359> (дата обращения: 18.08.2020).
152. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 334 с.
153. Тошович Б. Корреляционная грамматика сербского, хорватского и бошняцкого языков [Электронный ресурс]: монография. – М.: Языки славянской культуры, 2011. – Ч. 1. Фонетика – Фонология – Просодия. – 640 с. – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=219930> (дата обращения: 19.03.2020).
154. Тошович Б. Корреляционные фонетико-фонологические системы русского, сербского, хорватского и бошняцкого языков // Русский язык как инославянский. – 2010. – Вып. 2. – С. 44–63.
155. Тошович Б. Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербского/хорватского языков. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 560 с.
156. Удинов В. А. Диминутивные образования существительных (на примере австрийского варианта немецкого языка) // Наука сегодня: вызовы и решения (материалы междунар. научно-практич. конференции), научный центр «Диспут». – Вологда: Изд-во ООО «Маркер», 2016. – С. 130–132.
157. Успенский Л.В. Почему не иначе? Этимологический словарь школьника [Электронный ресурс]. – URL: lexicography.online/etymology/uspensky/ (дата обращения: 15.08.2020).
158. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <https://ushakovdictionary.ru/ushakov.php>.

159. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. [Электронный ресурс]. – URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> (дата обращения: 15.08.2020).
160. Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. – М.: Советская энциклопедия, 1983.
161. Фуфаева И.В. Диминутивные замены в русском словаре: типы, семантика и роль в развитии языка // Culture and Civilization. – 2016. – Vol. 6. – Is. 5A. – С. 120-129.
162. Фуфаева И.В. Экспрессивные диминутивы в условиях конкуренции с нейтральными существительными (на материале русского языка): дис. ...канд. филол. наук. – М., 2017. – 258 с.
163. Харченко В.К. Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова // Русский язык в школе. – 1976. – № 3. – С. 66–71.
164. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. – М.: Учпедгиз, 1959. – 247 с.
165. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка: Происхождение слов [Электронный ресурс]. – М.: Дрофа, 2000. – URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/> (дата обращения: 18.08.2020).
166. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Вып. 2. Учение о частях речи. Дополнения. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1927. – 213 с.
167. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка [Электронный ресурс]. – М.: Либроком, 2019. – URL: <https://urss.ru/cgi-bin/db.pl?lang=Ru&blang=ru&page=Book&id=234163#FF2> (дата обращения: 10.03.2020).
168. Шаховский В.И. Коммуникация в эмоциональной сфере человека: экологический и эмоциональный интеллект // Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония: материалы Междунар. конф. – М. – Ярославль: Канцлер, 2018. – С. 145–162.

169. Шаховский В.И. Креатемы в модели языкового сознания русских // Вопросы психолингвистики. – 2016. – № 2 (28). – С. 324–334.
170. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: моногр. – М.: Гнозис, 2008.
171. Шаховский В.И. О лингвистике эмоций // Язык и эмоции: сб. науч. тр. / Волгоград. гос. пед. университет, каф. языкознания. Волгоград: Перемена, 1995. – С. 3–15.
172. Шаховский В.И. О переводимости эмотивных смыслов художественного текста // Перевод и коммуникация. – М., 1997. – С. 138–152.
173. Шаховский В.И. Типы значений эмотивной лексики // Вопросы языкознания. – 1994. – № 1. – С. 20–25.
174. Шаховский В.И. Эмотивная семантика слова как коммуникативная сущность [Электронный ресурс] // Коммуникативные аспекты значения. – Волгоград: Волгр. пед. ин-т, 1990. – URL: http://www.russcomm.ru/rca_biblio/sh/shakhovsky02.shtml (дата обращения: 20.02.2020).
175. Шаховский В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания: учеб. пособие к спецкурсу. – Волгоград, 1983. – 94 с.
176. Шаховский В.И. Эмоции как объект исследования в лингвистике // Вопросы психолингвистики. – 2009. – № 9. – С. 29–42.
177. Шаховский В.И. Меняющаяся картина мира в динамике языка и речи // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2015. – № 1 (25). – С. 7–20.
178. Шаховский В.И. Эмотивная лингвоэкология: комплексный подход к изучению языка, речевой деятельности и человека // Вопросы психолингвистики. – 2014. – № 1 (19). – С. 13–22.
179. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988.

180. Шевченко О.А. Функционирование категории эмотивности в рекламных текстах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2004.
181. Шишкин М. Все писатели должны получить по Нобелевской премии [Электронный ресурс] // Postimees.ru. – 2016. – 6 июня. – URL: <https://rus.postimees.ee/3719763/mihail-shishkin-vse-pisатели-dolzheny-poluchit-po-nobelevskoy-premii> (дата обращения: 20.09.2020).
182. Шишкин М. Неприкаязность прямой речи / Беседу вел С. Диваков [Электронный ресурс] // Вопросы литературы. – 2011. – № 5. – URL: <http://magazines.russ.ru:8080/voplit/2011/5/> (дата обращения: 18.08.2020).
183. Шишкин М.П. Письмовник. – М.: АСТ: Астрель, 2012. – 412 с.
184. Шлегель Ф. Философия языка и слова // Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика: в 2 т. – Т. 2. – М.: Искусство, 1983.
185. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. – М.: Наука, 1973. – 280 с.
186. Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях: (К постановке проблемы). – М.: Наука, 1977. – 168 с.
187. Шмелёва Т.В. Диминутив // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск: Изд-во Сибир. федер. ун-та, 2012. – С. 145–146.
188. Шмелева Т.В. Диминутив в псковских говорах: деривационная техника, семантика и экспрессивный потенциал // Псковские говоры и их исследователи (к 100-летию со дня рождения С.М. Глускиной и 50-летию выхода 1 выпуска «Псковского областного словаря с историческими данными»): в 2 ч. Ч. 1 / под ред. Н.В. Большаковой, Л.Я. Костючук. – Псков: ЛОГОС, 2017. – С. 313–321.
189. Шпетный К.И. Аффективность в профессиональном дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2010. – № 605. – С. 170–182.
190. Шушарина И.А. Введение в славянскую филологию: учебное пособие. – М.: Флинта, 2017. – 302 с.

191. Андрић Е. Ј. Деминутив у мађарском и српском језику // *Zbornik za jezike i književnosti Filozofskog fakulteta u Novom Sadu*. 2011. Knjiga I. С. 11 – 26.
192. Бошковић Р. Основи упоредне граматике словенских језика. – Никшић: Универзитетска ријеч, 1990.
193. Грицкат И. О неким особеностима деминуције // *Јужнословенски филолог*. – LI. – Београд, 1995. – С. 1–31.
194. Драгићевић Р.М. Словенска лексика за људске особине и емоције у Елезовићевом «Речнику косовско-метохиског дијалекта» // *Јужнословенски филолог LXXII*, св. 1–2 (2016). – С. 33–64.
195. Јовановић В. Деминутивне и аугментативне именице у српском језику. – Београд : Институт за српски језик САНУ, 2010 (Београд : Чигоја штампа). – 178 с.
196. Клајн И. Творба речи у савременом српском језику. Т. 2. Суфиксација и конверзија. – Београд, 2003.
197. Klajn I. *Gramatika srpskog jezika*. – Beograd: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva, 2005. – 263 str.
198. Kordić S. *Language and Nationalism*. – Zagreb: Durieux, 2010.
199. Лепојевић Ј.Б. Испитивање принципа економије у језику на примерима супстантивата, Радови Филозофског факултета, Универзитет у Источном Сарајеву, Филозофски факултет Пале, XV/1, Пале, 2013. [357– 368].
200. Лепојевић Ј.Б. Супстантивати као структурни елементи фразема, Радови Филозофског факултета, Универзитет у Источном Сарајеву, Филозофски факултет Пале XVI/2, Пале, 2014. [699–714].
201. Лепојевић Ј.Б. Супстантивација као творбени процес и именице неименичких деклинација у руском и српском језику: докторска дисертација. – Београд, 2014.
202. Лепојевић Ј.Б. Супстантивизација у оквиру властитих имена према супстантивизацији у оквиру апелатива (на материјалу руског и српског језика), *Филолог – часопис за језик, књижевност и културу*, Универзитет у Бањој Луци, Филолошки факултет, X, Бања Лука, 2014. [61–70].

203. Матијашевић Ј. Деривационне процесе у славјанским језицима краја ХХ столетја // Дериватолошко-лексиколошка истраживања руског и српског језика: зборник радова Јелке Матијашевић / Јелка Матијашевић. – Нови Сад: Филозофски факултет, 2019. – С. 503-510.

204. Матијашевић Ј. Типови међујезичких еквивалената (на материјалу руских и српских именичких деминутива) // Дериватолошко-лексиколошка истраживања руског и српског језика: зборник радова Јелке Матијашевић / Јелка Матијашевић. – Нови Сад: Филозофски факултет, 2019. – С. 628-635.

205. Мразовић П. Gramatika srpskog jezika za strance / Pavica Mrazović u saradnji sa Zorom Vukadinović. – Sremski Karlovci; Novi Sad: Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića, 2009. – 815 str.

206. Novak K., Golub B.Š. Značenja umanjena u kajkavskome hrvatskome književnom jeziku // FLUMINENSIA. – God. 28 (2016). – Br. 1. – Str. 57-68.

207. Оташевић Ђ. Универбација // Наш језик. – 1997. – № 1–2.

208. Пипер П., Клајн И. Нормативна граматика српског језика. – Нови Сад: Матица српска, 2013. – 580 с.

209. Radovanović M. Dekompozicija i univerbizacija // Zbornik Matice Srpske za filologiju i lingvistiku XLVII / 1–2. – Novi Sad, 2004.

210. Razdobudko-Čović L. Kulturološka pomeranja u prevodu Njegoševog “Gorskog Vijenca” na ruski jezi: jezička slika sveta kao odraz istorijsko-kulturoloških specifičnosti naroda. // Rusko-srpska lingvokulturološko-stilistička i komparativna istraživanja, Novi Sad: Stilos d.o.o, 2010. S. 9–35.

211. Razdobudko-Čović L. Kulturološke promjene u konceptu ženskih obrazova «Gornog venca» P.P. Negroša pri prevodu na bliskorodstveni jezik. // Rusko-srpska lingvokulturološko-stilistička i komparativna istraživanja, Novi Sad: Stilos d.o.o, 2010. S. 36–51.

212. Речник српскохрватског књижевног језика / [уређивачки одбор Михаило Стевановић... и др.]. [2. фототипско изд.]. Нови Сад: Матица српска, 1990. 6 кн. Књ. 5: П – С (претовар – стоти). 1043 стр.

213. Речник српскохрватскога књижевног језика / [уређивачки одбор Михаило Стевановић... и др.]. [2. фототипско изд.]. Нови Сад: Матица српска, 1990. 6 кн. Књ. 3: К – О: (косјерић – огранути). 914 стр.

214. Ристић С. Експресивна лексика у српском језику: теоријске основе и нормативно-културолошки аспекти / Стана Ристић. – Београд: Институт за српски језик САНУ, 2004. – 319 с.

215. Ристић С. Конотативни аспекти значења експресивне лексике (лексиколошко-лексикографски приступ на корпусу из Речника САНУ) // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. XXXVII. Нови Сад, 1994. С. 537–542.

216. Ристић С., Милосављевић Б., Јовановић В. Деминутиви са суфиксима -че и -(ч)ић (лексикографско-лексиколошки приступ) // Српски језик. – Број. 10/1-2. – Година X. – Београд, 2005. – С. 597-616.

217. Стевановић М. Савремени српскохрватски језик (Граматички системи и књижевнојезичка норма). Т. 1. – Београд: Научна књига, 1986.

218. Човић Б. Поетика књижевног превођења / Б. Човић. Београд: Научна књига, 1994. – 277 с.

219. Човић Б. Руско-српске књижевне паралеле / Б. Човић. Београд: Ведес, 2003. – 351 с.

220. Чорич Б.Б. Универбизација у српском језику на фону хомонимије // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование: Доклады XI Междунар. науч. конф. Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов. – М.: Макс Пресс, 2010. – С. 326–337.

221. Šiškin M. Pismovnik / Prevela sa ruskog Ljubinka Milinčić. – Beograd: Paideia, 2011. – 252 str.

222. Web corpus of Serbian [Электронный ресурс]. – URL: https://www.clarin.si/noske/all.cgi/first_form?corpname=srwac (дата обращения: 19.06.2020).